Фролов Н
Г 20 62/2
Ивана Егоровича Зиг
Гос. Истор. Музей Б-ка НКП РСФСР
Инвент. № 388853
10495

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ ГУМБОЛЬДТЪ И ЕГО КОСМОСЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ТРУДЫ (*).

Наше время, богатое знаніями силъ и явленій природы, безпрестанно умножая обильный запасъ ихъ новыми открытіями и изслѣдованіями, стремится въ безконечной дробности ихъ и развѣтвленіяхъ отыскать внутреннюю связь, высшее единство. Это направленіе обнаруживается нетолько тѣмъ, что науки входятъ болѣе и болѣе въ общественный бытъ, участвуютъ въ судьбахъ народовъ, раскрываютъ источники народныхъ силъ, болѣе полной и богатой жизни и становятся тѣсно связанными съ исторіей и ходомъ человѣческихъ обществъ, но еще и тѣмъ, что самое розысканіе отдѣльныхъ законовъ природы, болѣе глубокое вниканіе въ нихъ, подробный, тщательный разборъ каждаго изъ нихъ въ особенности, ведутъ къ познанію ихъ взаимной зависимости, и такимъ образомъ особенное является общимъ, различное тождественнымъ, противоположное условленнымъ верховнымъ единствомъ. Никто неможетъ быть лучшимъ предста-

(*) Источники: *Freiesleben*, Aus dem frühern Leben Alexander's von Humboldt. Zeitgenossen, Bd. II, Heft. 1, 1829.

Fr. Hoffmann, Geschichte der Geognosie. 1838. стр. 156 - 176.

Gustav Schlesier, Erinnerungen an Wilhelm von Humboldt. 2 Thle. 1843—1846.

Gervinus, Johann Georg Forster, въ G. Forsters sämmtliche Schriften, VII B. Leipzig 1843 и *Forster's* Briefwechsel, въ Sämmtliche Schriften. Bd. VII, VIII.

Mahlmann, Alex. von Humboldt, Illustrirte Zeitung, 1844, № 29 и 32.

A. de Quatrefages, Alex. de Humboldt (Cosmos). Revue des deux mondes. 1846.

вителемъ этого направленія точныхъ наукъ, какъ Александръ Гумбольдтъ. Принявъ въ себя ученое достояніе прошлаго столѣтія, онъ слишкомъ полвѣка идетъ вмѣстѣ съ наукой; всегда въ передовыхъ рядахъ ея, Гумбольдтъ слѣдуетъ за каждымъ новымъ открытіемъ, радостно привѣтствуетъ его, свѣтло переработываетъ; принимая отъ однихъ, онъ умѣетъ другимъ передавать принятое, обогащеннымъ собственными соображеніями, оплодотвореннымъ новыми видами, и этой живой передачей умѣетъ возбуждать другихъ къ самодѣятельности и новымъ пріобрѣтеніямъ. Есть много героевъ науки, превосходящихъ Гумбольдта глубиной своего знанія, болѣе блистательными открытіями, смѣлостью своихъ выводовъ, величіемъ своихъ идей, но мало между ними такихъ, которые имѣли бы его многосторонность свѣдѣній, открытый и свѣтлый умъ, живую пріемчивость, удивительный даръ соображенія, способность группировать огромную массу данныхъ и его искусство этимъ массамъ находить стройный порядокъ. Особенное мѣсто, неоспоримо первое, принадлежитъ Гумбольдту между учеными путешественниками. Онъ далъ образецъ, какъ разбирать великія письмена, начертанныя природой по лицу земли, какъ приводить ихъ въ совокупность, въ гармонію, какъ повѣрять, умножать и расширять кабинетныя розысканія наблюденіемъ великихъ явленій, представляемыхъ землей подъ различными небесными полосами, въ воздушномъ кругѣ, на океанѣ, въ нѣдрахъ своихъ и въ распредѣленіи организмовъ на поверхности своей. Ему принадлежитъ слава участвовать въ расчисткѣ огромнаго матеріяла для познанія физики земного шара, слава способствовать къ строенію этого знанія, котораго ходъ и успѣхи связаны съ ходомъ и успѣхами всей исторіи человѣчества, – оттого оно можетъ быть только въ работѣ, неконченнымъ, какъ и самая эта исторія.

Фридрихъ-Генрихъ-Александръ, баронъ фонъ Гумбольдтъ родился въ Берлинѣ 14 сентября 1769 года, въ томъ году, въ которомъ родились Наполеонъ, Кювье, Леопольдъ фонъ Бухъ и Шатобріанъ. Фамилія Гумбольдтовъ происходила отъ стараго дворянскаго рода, вышедшаго изъ Помераніи въ Бранденбургъ служить курфирстамъ бранденбургскимъ, потомъ прусскимъ королямъ. Отецъ Гумбольдта служилъ Фридриху Великому, въ семилѣтнюю войну былъ майоромъ, впослѣдствіи камергеромъ; мать Гумбольдта происходила изъ бургундскаго дома Коломбовъ, отъ французскихъ изгнанниковъ, нашедшихъ въ Пруссіи убѣжище отъ религіозныхъ преслѣдованій, послѣдовавшихъ во Франціи вслѣдъ за уничтоженіемъ Людовикомъ XIV нантскаго эдикта. Братъ Александра Гумбольдта, Вильгельмъ, двумя годами старшій (родился въ Потсдамѣ 22 іюня 1767) пріобрѣлъ знаменитость на литературномъ и государственномъ поприщѣ и также считается между избранными, благороднѣйшими сынами Германіи. Оба брата вмѣстѣ воспитывались дома; нѣжнѣйшая дружба соединяла ихъ въ продолженіи всей жизни. Первые годы своего дѣтства они провели въ Тегелѣ, лѣсномъ замкѣ, находящемся въ двухъ часахъ ѣзды отъ Берлина, на сѣверо-западѣ отъ него, тамъ, гдѣ рѣка Гавель разливается озерами и даетъ нѣкоторую живописность однообраз-

нымъ и песчанымъ окрестностямъ Берлина. Тегель, сдѣлавшись впослѣдствіи собственностью Вильгельма Гумбольдта, былъ имъ перестроенъ и украшенъ; германскія знаменитости сбирались подъ его гостепріимный кровъ, и замокъ этотъ сталъ теперь исторической достопримѣчательностію берлинскихъ окрестностей. Отецъ Гумбольдтовъ скончался въ 1779 году; мать продолжала ихъ воспитаніе, частію въ Тегелѣ, частію въ Берлинѣ, пользуясь всѣми учеными пособіями того времени. Первымъ гувернеромъ братьевъ Гумбольдтовъ былъ Кампе (обработавшій для дѣтей Робинзона Крузое и занимавшійся теоріей нѣмецкаго языка и стиля); дальнѣйшее классическое образованіе они получили подъ надзоромъ Кунта, которому самому было только 20 лѣтъ, когда онъ сдѣлался наставникомъ 10 и 8 лѣтнихъ мальчиковъ; 11 лѣтъ онъ руководствовалъ ихъ, оправдывая своими попеченіями полную довѣренность къ нему матери Гумбольдтовъ. Впослѣдствіи Кунтъ, находясь уже въ государственной прусской службѣ, продолжалъ быть лучшимъ другомъ и совѣтникомъ братьевъ Гумбольдтовъ; ему поручили они всѣ свои дѣла, къ нему питали они неизмѣнную привязанность до конца его жизни.

Время воспитанія Гумбольдтовъ совпадаетъ съ послѣдними годами царствованія Фридриха Великаго (онъ скончался въ 1786 году). Филологія, неразлучная съ педагогіей, пробудилась тогда въ Германіи. Духъ Лессинга и Вольтера управлялъ берлинскими умами; требованіе просвѣщенія въ гражданскомъ, какъ и въ религіозномъ отношеніи, преслѣдованіе всякихъ предразсудковъ и суевѣрій отличали умственную работу того времени; ревнители просвѣщенія, своей полемикой расчищая умы, приготовляя духовную самобытность, свѣтлый взглядъ на вещи, въ своемъ часто слѣпомъ и одностороннемъ рвеніи могли впадать въ крайности, могли прилагать свою ограниченную мѣрку къ многосторонно развивающейся природѣ человѣка, могли доходить наконецъ до плоскихъ и пустыхъ умничаній. Такъ случилось съ берлинскими просвѣтителями; поле было очищено ими, но воздѣлать на немъ богатый плодъ они немогли; для этого нуженъ былъ Кантъ. Въ первые годы своего дѣтства, Александръ Гумбольдтъ мало оказывалъ способностей; при этомъ его слабое сложеніе заставляло думать его наставниковъ, что въ ребенкѣ могутъ развернуться весьма обыкновенныя способности; только въ послѣдніе годы его отрочества разомъ раскрылся его умъ и началъ жадно принимать ученіе. По окончаніи домашняго воспитанія, братья были посланы въ отечественный университетъ, въ Франкфуртъ на Одерѣ; здѣсь они пробыли съ 1786 года по 1788; Вильгельмъ учился правовѣдѣнію, Александръ камеральнымъ наукамъ (хозяйственнымъ и финансовымъ). Потомъ съ 1788 по 1790 годъ братья учились въ геттингенскомъ университетѣ. Въ Геттингенѣ они вступили въ сношенія съ лицами, указавшими имъ ихъ дальнѣйшую судьбу, пришли къ занятіямъ, опредѣлившимъ ихъ будущіе труды. Братья Гумбольдты, приготовленные основательнымъ, классическимъ воспитаніемъ, многосторонно развитые, духовно свободные отъ всякихъ темныхъ и неясныхъ

представленій и слѣдственно открытые для науки и жизни, въ ихъ сферахъ должны были исполнить великое и прекрасное. Вильгельмъ обратился къ изученію внутренняго человѣческаго міра, къ изученію классической древности, искусства, философіи, языковъ, Александръ — къ изслѣдованіямъ внѣшнихъ явленій природы на земной корѣ, въ рудахъ, въ растеніяхъ, въ человѣческомъ организмѣ. Въ языкознаніи братья находили общую точку, соединявшую ихъ разнообразныя изученія; одинъ вступалъ здѣсь въ область природы, другой переходилъ въ область человѣческой исторіи; здѣсь они повѣряли другъ друга, расширяли кругъ своихъ знаній, обогащали ихъ. Въ Геттингенѣ особенно привлекали Александра Гумбольдта лекціи Блуменбаха, знаменитаго физіолога и изслѣдователя человѣческихъ породъ. Тамъ же сближеніе съ филологомъ Гейне было плодотворно для обоихъ братьевъ. Александръ вмѣстѣ съ камеральными науками и ботаникой занимался въ Геттингенѣ археологіей и технологіей. Въ это время онъ обработалъ исторію ткацкаго ремесла у древнихъ; трудъ этотъ никогда небылъ изданъ. Тогда же черезъ Гейне братья Гумбольдты познакомились съ Георгомъ Форстеромъ, женатымъ на дочери Гейне; это знакомство имѣло важное вліяніе на ихъ труды и на направленіе всей жизни.

Та эпоха была значительной въ исторіи европейскихъ народовъ; съ одной стороны французскіе перевороты, съ другой стороны литературное движеніе Германіи открывали въ будущемъ новый, болѣе обширный горизонтъ для человѣческой дѣятельности. Германская литература, вызванная Лессингомъ къ самобытности, имѣла тогда своими великими дѣятелями Гёте, Шиллера и Канта. Критика чистаго разума Канта была издана въ 1781 году. Въ смыслѣ философо-эстетическомъ шло тогда направленіе германскихъ умовъ. Духъ человѣческій никогда еще недостигалъ бо́льшей глубины, допрашиваясь послѣднихъ основаній своего знанія и значенія, послѣднихъ основаній вселенской жизни, какъ въ послѣдніе годы, оканчивавшіе прошлый вѣкъ. Въ тогдашней германской литературѣ возникало новое созерцаніе человѣческой жизни, созидался прекрасный, гармоническій, сомкнутый въ себѣ идеалъ человѣчества, находящій свое верховное выраженіе въ прекрасно развитомъ, сознательно разумномъ лицѣ, разрѣшающемъ въ себѣ міръ, исторію, возносящемся надъ ними. Съ такой высоты историческія подробности, разнообразіе явленій могли казаться незначащими, едва замѣтными, докучливый міръ условій случайнымъ или несущественнымъ, недознанное или недоконченное въ исторіи, какъ и въ природѣ, разрѣшеннымъ, готовымъ въ идеѣ. Среди этого восторженнаго умственнаго движенія отдѣльное мѣсто занималъ въ Германіи Георгъ Форстеръ. Онъ самъ былъ одно время мистикомъ, самъ на мгновеніе спасался въ мірѣ напряженнаго чувства и фантастическихъ представленій, изъ тяжкихъ житейскихъ обстоятельствъ. Это мгновеніе его жизни только стало въ рядъ опытовъ, образовавшихъ его характеръ, всю судьбу. Рано испытанный трудами и лишеніями, съ отроческихъ лѣтъ видѣвшій разные земли и народы, знакомый съ публичной жизнію Англіи,

Форстеръ требовалъ на самомъ дѣлѣ, въ самомъ гражданскомъ обществѣ непосредственнаго выраженія идей, только въ живомъ осуществленіи ихъ, въ учрежденіяхъ, какъ и въ общежитіи, видѣлъ ихъ полноту и оправданіе, а не въ одномъ идеально-прекрасномъ лицѣ, отторгнувшемся отъ грубаго міра вещей и уединившемся въ свое философское созерцаніе. Форстеръ вносилъ въ метафизическіе разборы, занимавшіе его современниковъ, богатый матеріялъ опытовъ и знаній, неподходившій подъ готовыя философскія рѣшенія, притомъ обиліе собственныхъ мыслей немогло сдерживаться формулами школы и требовало болѣе широкаго и свободнаго выраженія. Ребенкомъ восьми лѣтъ, Форстеръ провожалъ отца своего Рейнгольда Форстера въ Россію, на Волгу, куда Рейнгольдъ былъ позванъ осмотрѣть нѣмецкія колоніи; 17 лѣтъ онъ отправился кругомъ свѣта съ отцомъ своимъ, сопровождавшимъ, въ званіи естествоиспытателя, Кука въ его второе путешествіе вокругъ свѣта (1772–1775). Будучи 22 лѣтъ, Георгъ Форстеръ издалъ описаніе этого путешествія, обратившее на молодого человѣка вниманіе образованной Европы и рано сдѣлавшее имя его извѣстнымъ. Молодость свою проведя такимъ образомъ въ странствованіяхъ, раздѣляя тревожную и безпокойную жизнь отца, въ нѣжномъ возрастѣ сотрудничествуя съ нимъ въ разныхъ литературныхъ и ученыхъ предпріятіяхъ то въ Россіи, то въ Англіи, для прокормленія ихъ многочисленнаго семейства, Георгъ Форстеръ нашелъ себѣ наконецъ осѣдлое мѣсто въ Кассель (1778), получилъ неизвѣстный ему до тѣхъ поръ покой и досугъ; здѣсь, войдя въ близкія сношенія съ теозофомъ Якоби, Форстеръ, чувствительный и восторженный, невольно отдался своимъ задушевнымъ мечтамъ, сдѣлался мистикомъ и былъ посвященъ въ таинства тогдашнихъ иллюминатовъ, розенкрейцеровъ. Здравый умъ и дѣятельная природа Форстера вскорѣ открыли ему, что ежеминутныя занятія самимъ собой, углубленіе въ самого себя ведутъ только къ неправдѣ и къ внутреннимъ уловкамъ съ самимъ собой; онъ возвратился къ свободѣ своихъ мыслей и сознанія и старался найти себѣ болѣе живую дѣятельность и болѣе питательныя занятія; но онъ ихъ ненаходилъ для себя, напрасно переселяясь за ними то въ Вильну, то наконецъ въ Майнцъ. Во время этихъ переселеній ему два раза блеснула надежда исполнить большія предпріятія: разъ, принявъ участіе въ предполагавшейся русской экспедиціи въ южное море (1787), подъ предводительствомъ капитана Муловскаго, въ другой разъ поѣхавъ въ испанскія колоніи въ восточную Индію, на Филиппинскіе острова или въ Америку; но эти планы несостоялись, и Форстеръ принужденъ былъ ограничиться литературными и учеными трудами. Онъ издавалъ съ Лихтенбергомъ «Гёттингенскій Магазинъ» (1781–1785), собиралъ матеріялы для большого ученаго творенія, описанія Океаніи, и во всѣхъ своихъ занятіяхъ имѣлъ въ виду ближайшее благо людей и общества, практическія цѣли. Форстеръ, изучавшій всѣ отрасли естествознанія, физику, химію, естественную исторію, рисовавшій животныхъ и растенія, знающій философію, понимающій изящныя искусства, свѣдущій въ исторіи и особенно въ географіи, знакомый съ публичной и част-

ной жизнію народовъ, владѣющій 12 языками, ненаходилъ никакого употребленія для всѣхъ этихъ знаній и средствъ. Ему было тѣсно и душно въ мелочныхъ и ничтожныхъ условіяхъ тогдашняго порядка вещей въ Германіи; потребность обширной дѣятельности ему нѣкуда было дѣвать; занятія ученаго и литератора неудовлетворяли его. Домашняя жизнь, жизнь кабинетная немогли питать человѣка, котораго воображеніе безпрестанно рисовало большія сцены природы, далекія моря, а духъ жаждалъ подвиговъ, участья въ большихъ событіяхъ. Въ Майнцѣ, гдѣ Форстеръ имѣлъ мѣсто библіотекаря, познакомились съ нимъ братья Гумбольдты, черезъ ихъ общихъ гёттингенскихъ друзей. Вильгельмъ Гумбольдтъ жилъ тогда въ Іенѣ, возлѣ Шиллера, съ которымъ вступилъ въ самую тѣсную дружбу и сблизился уже и съ веймарскимъ кружкомъ Гёте. Сношенія съ Форстеромъ имѣли столь же большое значеніе для Вильгельма Гумбольдта, какъ и для брата его Александра. Вильгельмъ былъ обвороженъ увлекательной силой рѣчей Форстера, строгой правильностію мыслей въ самомъ пылу одушевленія и признавался, что ни съ кѣмъ ему небыло такъ ловко, какъ съ нимъ, и что ему онъ былъ обязанъ большею частію своего образованія. Форстеръ возбудилъ въ Вильгельмѣ Гумбольдтѣ смыслъ къ гражданственности; въ бѣдствіяхъ Пруссіи, какъ и во время ея возрожденія изъ наполеоновскихъ войнъ, Вильгельмъ Гумбольдтъ былъ одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которые на основаніи гражданственности и просвѣщенія старались укрѣпить и возвысить Пруссію. Александръ Гумбольдтъ съ Форстеромъ весной 1790 года сдѣлалъ путешествіе въ Голландію, Англію и Францію. Во время этого путешествія Гумбольдтъ могъ услышать отъ Форстера обо всѣхъ несбывшихся огромныхъ планахъ его, о намѣреніи изслѣдовать отдаленныя части свѣта, обойти пѣшкомъ Индію; видъ моря могъ возбудить въ Форстерѣ воспоминанія о его далекихъ странствованіяхъ, и тогда-то этими бесѣдами онъ могъ посѣять въ молодомъ Гумбольдтѣ сѣмена тѣхъ большихъ предпріятій, которыя составили впослѣдствіи славу его молодого спутника. Форстеръ писалъ о немъ къ тестю своему Гейне, по возвращеніи въ Майнцъ изъ ихъ небольшого путешествія, что Гумбольдтъ нетакъ здоровъ, отъ портящихся въ немъ соковъ, почти уже пять лѣтъ; несмотря на это, Форстеръ былъ твердо убѣжденъ, что тѣло его страдаетъ только оттого, что духъ слишкомъ дѣятеленъ и оттого «что логическое воспитаніе господъ берлинцевъ слишкомъ налегло на его голову». Здоровье Гумбольдта оказалось впослѣдствіи способнымъ переносить самые напряженные труды, усталость опасныхъ и продолжительныхъ странствованій и сохранилось крѣпкимъ до самыхъ позднихъ лѣтъ его. Форстеръ издалъ въ 1791 году описаніе ихъ путешествія, подъ заглавіемъ: «*Ansichten vom Nieder-Rhein*», «Картины Нижняго Рейна». Сочиненіе это считается образцовымъ между произведеніями германской литературы. Гумбольдтъ, съ своей стороны, послѣ ихъ путешествія издалъ еще въ 1790 году: «Наблюденія нѣкоторыхъ базальтовъ на Рейнѣ», связанныя съ разными археологическими изслѣдованіями. Эта книжка ввела его въ ученый

свѣтъ и вмѣстѣ съ этимъ заставила вступить въ забавный споръ, юмористически веденный имъ, съ роштокскимъ профессоромъ Витте, считавшимъ египетскія пирамиды произведеніями природы, вулканическими изверженіями, а іероглифы — кристалами турмалина (шерла). Въ томъ же 1790 году Александръ Гумбольдтъ вступилъ въ коммерческую академію Бюша и Ебелинга въ Гамбургѣ, гдѣ оставался до весны 1791 г. Сношенія съ Форстеромъ непрерывались; Вильгельмъ переписывался съ нимъ; въ письмахъ Форстера къ Якоби упоминается о Гумбольдтахъ, въ тотъ промежутокъ времени, въ который Александръ былъ въ Гамбургѣ, потомъ въ Фрейбергѣ, а Вильгельмъ вступилъ въ дипломатическую службу, потомъ женился, бросилъ службу и поселился совсѣмъ въ Іенѣ. 26 декабря 1790 писалъ Форстеръ къ Якоби: «обоимъ Гумбольдтамъ хорошо, каждому по своему. Старшій легаціон-совѣтникъ, меньшой у Бюша, въ Гамбургѣ, учится практической части конторскихъ дѣлъ, тратитъ время среди умныхъ головъ Гамбурга, посѣщалъ Фридриха Штолберга и неможетъ нахвалиться имъ; иногда ходитъ собирать мхи, цвѣтущіе зимой, и пишетъ забавныя письма, исполненныя шутокъ, добродушія и чувствительности. Старшій все тотъ же отличный человѣкъ....» Потомъ въ августѣ 1791: «Александръ въ Фрейбергѣ, — становится чужимъ для меня; Вильгельмъ уже давно для меня умеръ; онъ женится въ Ерфуртѣ.... въ своемъ настоящемъ расположеніи души онъ намѣренъ отказаться отъ всякой публичной дѣятельности, что при его способностяхъ весьма жаль. Александръ, съ своей стороны, еще болѣе будетъ желать дѣйствовать, работать — лишь бы здоровье неотказывалось ему служить...» Однако же Вильгельмъ Гумбольдтъ послѣ женидьбы своей писалъ еще къ Форстеру (17 августа 1791), разсказывалъ ему о своемъ счастіи и независимой жизни. Недолго еще прожилъ Форстеръ. Французская революція достигла рейнскихъ провинцій, Майнца. Литературные друзья Форстера, находившіе большой умственный интересъ во всѣхъ этихъ событіяхъ, непожелали быть въ нихъ замѣшанными; Форстеръ же полагалъ, что ему слѣдуетъ поступать такъ, какъ онъ мыслитъ, какъ былъ убѣжденъ, и, бросившись искренно и безкорыстно въ тогдашніе политическіе смуты, кончилъ жизнь свою въ Парижѣ, въ 1794 году, депутатомъ рейнскихъ провинцій, въ печали, въ одиночествѣ, съ разбитымъ сердцемъ. Ему было только 39 лѣтъ. Когда клевета и порицанія непереставали чернить имя Форстера въ Германіи, Вильгельмъ Гумбольдтъ позволилъ женѣ своего несчастнаго друга Форстера напечатать свою переписку съ нимъ, а Александръ Гумбольдтъ, въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ Берлинѣ (1827—1828) съ признательностію упоминалъ о заслугахъ Форстера и въ своемъ Космосѣ подтвердилъ, что Форстеръ возбудилъ въ немъ страсть къ отдаленнымъ предпріятіямъ.

Еще ребенкомъ Александръ Гумбольдтъ, учась астрономіи, изучая разныя созвѣздія, жаждалъ увидѣть созвѣздіе южнаго креста, украшающее южное звѣздное небо, и вслѣдъ за нимъ любилъ переноситься воображеніемъ за далекія моря; знакомство съ Форстеромъ,

путешествіе съ нимъ вызвали въ Гумбольдтѣ мечты и желанія, уже давно занимавшія его дѣтство, дали имъ болѣе опредѣлительныя очертанія, позволили имъ мало по малу созрѣвать въ душѣ его. Для исполненія большихъ плановъ необходимо быть напередъ приготовленнымъ, укрѣпленнымъ и испытаннымъ строгими изученіями и трудами. Такъ готовился и Гумбольдтъ къ своимъ великимъ предпріятіямъ. Изъ Гамбурга Гумбольдтъ поступилъ въ іюнѣ 1791 въ горную академію въ Фрейбургѣ, чтобы подъ руководствомъ самого Вернера учиться горному дѣлу. Гумбольдтъ, уже извѣстный своимъ сочиненіемъ объ рейнскихъ базальтахъ, написаннымъ въ духѣ вернеровскаго ученія, былъ принятъ знаменитымъ учителемъ, какъ «интересный молодой ученый». Тогда, изъ Рудныхъ горъ, изъ Фрейберга, Вернеръ давалъ новое направленіе горной наукѣ; ученики, между которыми первое мѣсто заняли Александръ фонъ Гумбольдтъ и Леопольдъ фонъ Бухъ, стекались къ нему со всѣхъ сторонъ. Вернеръ (Авраамъ-Готлибъ, родился въ Верау, въ Нижнемъ Лаузицѣ въ 1750) мало писалъ, имѣлъ удивительный даръ преподаванія и систематическій духъ, который если и стѣсняетъ знанія, то даетъ имъ съ другой стороны бо́льшую силу. Съ 1780 года Вернеръ началъ читать лекціи о горныхъ ископаемыхъ, разумѣя здѣсь *минералы*, т. е. кристаллы, неорганическія зерна и частицы, разсматриваемые въ ихъ особенности и отдѣльности, и *горныя породы*, или *камни*, т. е. скопленія этихъ кристалловъ, зернъ и мелкихъ частицъ въ цѣлыя земныя толщи. Отдѣливъ отъ минераловъ горныя породы, опредѣливъ эти послѣднія, Вернеръ составилъ первую общую геогностическую систему, основалъ геогнозію, ученіе о строеніи земли. Онъ училъ, что горныя породы, входящія въ составъ земли, распространенныя по ней, лежатъ *пластами*, въ особенномъ, опредѣленномъ порядкѣ. Всѣ горныя породы или земныя толщи, по его теоріи, образовались особенными пластами изъ воды, осѣлись изъ нея въ продолженіи нѣсколькихъ періодовъ времени, въ промежуткѣ которыхъ воды, мало по малу отступая къ границамъ своихъ теперешнихъ морей, оставляли за собой, какъ свое произведеніе, открывавшуюся постепенно сушу. Вернеръ принималъ пять геологическихъ періодовъ (эпохи природы Бюффона). Гранитъ, въ его системѣ, составляетъ ядро земли; вмѣстѣ съ гранитомъ, гнейсъ и слюдяный сланецъ, вообще кристаллическія горныя породы — образуютъ *первозданныя* горы; на нихъ осѣлись сперва *переходныя* горы, вслѣдъ за ними опустились изъ воды *вторичныя*, осадныя, или флецовыя горы, потомъ еще новыя, *третичныя* горы, и наконецъ земля покрылась *наносными* почвами. Горы и долины произошли также дѣйствіемъ водъ, разрушавшихъ, разъѣдавшихъ поверхность земли, углублявшихъ ее, уносившихъ каменные обломки и образовавшихъ такимъ образомъ земныя неровности, горы и долины. Пласты, лежащіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ негоризонтально одинъ надъ другимъ, приподнятые, разорванные и разбросанные, слѣдуя Вернеру, пришли въ такое положеніе отъ разрушившихся внутри, между пластами, промежутковъ и углубленій и отъ соскользыванія водами подмываемыхъ горъ. Волканы игра-

ли у него весьма второстепенную роль и происходили отъ воспламенений каменнаго угля или другихъ зажигательныхъ пластовъ внутри земли. Несмотря на односторонность этого нептуническаго воззрѣнія на образованіе земли, выходившаго изъ наблюденій Вернера однѣхъ Рудныхъ и близь лежащихъ горъ, въ которыхъ волканическая, подземная дѣятельность неявственно и несильно обозначилась, — взаимное отношеніе горныхъ пластовъ, ихъ простираніе, паденіе, самое строеніе были строго опредѣлены въ вернеровой системѣ. Она, излагаемая съ одушевленіемъ и увлекательной силой, скоро распространилась нетолько въ Германіи, но и во Франціи, Англіи и Италіи. Ученики Вернера, по выраженію Кювье, отправились допрашивать природу отъ одного полюса до другого, во имя одного человѣка; если истина самого ученія и неподтвердилась впослѣдствіи, то оно всетаки дало поводъ къ новымъ, глубокимъ наблюденіямъ и расширило науку. Въ то время, когда распространялось вернеровское ученіе, Шотландецъ Джемсъ Гюттонъ (*Hutton*), окруженный въ Единбургѣ природой, явственнѣе представлявшей дѣйствіе подземнаго огня, пораженный слѣдами волканическихъ явленій въ тамошнихъ горахъ, началъ утверждать въ 1788 году новую теорію происхожденія земли, противоположную вернеровой, — плутоническую. Когда Гюттонъ открылъ лежащій *надъ* гранитомъ сланецъ проникнутымъ жилами гранита, тогда онъ пришелъ въ такой восторгъ, что спутники его подумали, неоткрылъ ли онъ серебряную или золотую руду; онъ только нашелъ основаніе своей системы. Слѣдуя ей, гранитъ, порфиръ, миндальный камень, базальтъ, подобно лавамъ, вышли изъ земной внутренности и отличаются отъ лавъ только тѣмъ, что они образовались подъ сильнѣйшимъ давленіемъ; по этой системѣ, даже многіе изъ осадныхъ, флецовыхъ горъ отвердѣли дѣйствіемъ подземнаго огня. Опыты Джемса Галля (*Hall*) доказали потомъ, что расплавленныя, каменныя массы, медленно охлаждаясь, недѣлаются огаринами, а кристаллизируются, и тѣмъ уничтожилъ возраженія нептунистовъ противъ гюттоновой теоріи, полагавшихъ невозможнымъ другое происхожденіе кристаллизаціи, кромѣ мокраго пути, осадкомъ изъ жидкости. Такимъ образомъ, въ этомъ новомъ ученіи не вода, а внутренная теплота земли называлась дѣятельной причиной образованія земной коры. Ученіе Гюттона долго оставалось безъ вниманія; Вернеръ господствовалъ повсемѣстно. Если въ Германіи и поднимались въ то время волканисты противъ нептунистовъ, то они спорили только о происхожденіи базальтовъ, недѣлая дальнѣйшихъ заключеній. По теоріи Вернера, базальтъ происходилъ отъ совершенно новыхъ, осѣвшихся изъ воды пластовъ, впослѣдствіи разрушенныхъ и оставшихся въ видѣ отдѣльныхъ купъ, столбовъ, представляемыхъ теперь базальтами. Это объясненіе вызвало противоположное мнѣніе о волканическомъ происхожденіи базальтовъ. Александръ Гумбольдтъ, какъ мы уже замѣтили, въ своихъ минералогическихъ изслѣдованіяхъ базальтовъ на Рейнѣ защищалъ еще теорію Вернера. Дальнѣйшія геогностическія розысканія самого Гумбольдта, какъ и труды и наблюденія Леопольда фонъ Буха, при-

готовили торжество плутонистовъ, и система Гюттона сдѣлалась господствующей между новыми геологами. Гёте, обогатившій своими трудами и естествознаніе, до конца жизни своей оставался жаркимъ нептунистомъ. Ему противно было признавать въ стройномъ, величественномъ образованіи земли изъ волнъ океана участіе подземныхъ, мрачныхъ, разрушающихъ силъ, приносящихъ потрясенія и безпорядки въ мѣрный, ритмическій ходъ природы. — Гумбольдтъ пробылъ въ Фрейбергѣ три четверти года; онъ нетолько занимался съ энтузіазмомъ возлѣ Вернера минералогической и технической частію горной науки, но еще наблюдалъ тайноцвѣтныя растенія Фрейберга, грибы, ростущіе подъ землей, въ рудокопняхъ, приготовлялъ матеріялы для своей подземной флоры Фрейберга; вмѣстѣ съ этимъ онъ изучалъ появившіеся тогда творенія французскихъ химиковъ Лавуазье, Бертоле, писалъ статьи въ горный и физико-химическій журналы, замѣчалъ пластованіе и сложеніе земной коры, которыхъ законы и распредѣленіе онъ изучалъ впослѣдствіи въ обоихъ полушаріяхъ. Въ Фрейбергѣ Гумбольдтъ вступилъ въ дружбу съ великимъ геогностомъ Леопольдомъ фонъ Бухомъ, съ Фишеромъ фонъ Вальдгеймомъ, нашимъ знаменитымъ московскимъ естествоиспытателемъ, московскимъ Кювье, съ минералогомъ Фрейеслебеномъ, котораго точныя изслѣдованія осадочныхъ, флецовыхъ пластовъ развернули эту часть геогностическаго ученія Вернера. Фрейеслебенъ, тридцать лѣтъ спустя, припоминая тогдашняго молодого Гумбольдта, изображалъ его характеръ отличающимся безконечнымъ добродушіемъ, любезностію, жаркимъ расположеніемъ къ дружбѣ, любовью къ природѣ, простотой, чистосердіемъ, отсутствіемъ всякихъ притязаній; онъ былъ разговорчивъ, сообщителемъ, рѣчи его были живы, занимательны, исполнены веселости; юмористическій, шутливый тонъ давалъ имъ часто свой, особенный колоритъ. Гумбольдтъ ко всѣмъ исполненъ былъ доброжелательства, изъ каждаго лица умѣлъ извлекать что-либо занимательное и любопытное и снискивалъ такимъ образомъ общее къ себѣ хорошее расположеніе; но онъ могъ предаваться сильному гнѣву, его возмущали: безчеловѣчная грубость, жестокость, всякая нетерпимость или несправедливость; сентиментальность или напыщенность вызывали его ѣдкія насмѣшки, и онъ нещадилъ ни сонливости, ни духовной распущенности (*Breiigkeit des Gemüths*, разжиженности, размазности духовной, какъ онъ выражался), ни педантизма.

Гумбольдтъ, оставивъ Фрейбергъ въ мартѣ 1792 года (Фишеръ фонъ Вальдгеймъ написалъ на этотъ случай прощальные латинскіе стихи), былъ помѣщенъ ассесоромъ въ горный департаментъ въ Берлинѣ. Тогда онъ писалъ къ Фрейеслебену, что ему показалось несправедливымъ, зачѣмъ его прямо сдѣлали горнымъ ассесоромъ, когда въ департаментѣ такъ много старыхъ, горныхъ кадетовъ; его литературные труды недостанутъ руду, невыгонятъ воду изъ минныхъ галлерей, какъ труды этихъ господъ. На эти замѣчанія ему отвѣчали, что онъ тутъ ни передъ кѣмъ неполучилъ предпочтенія и слѣдственно можетъ успокоиться на этотъ счетъ. Въ августѣ того же года Гум-

больдтъ былъ назначенъ обер-бергмейстеромъ въ франконскія княжества Ансбахъ и Байрейтъ, незадолго до того присоединенныя къ Пруссіи. Княжества эти поступили въ управленіе Гарденберга. Здѣсь Гумбольдтъ долженъ былъ учредить горное производство и писалъ тогда къ Фрейеслебену, какъ всѣ его желанія исполнились и онъ можетъ совсѣмъ отдаться практическому горному дѣлу и минералогіи. Посреди своей практической дѣятельности, посреди рудокопныхъ работъ, Гумбольтъ неоставилъ собиратъ матеріялы для ученыхъ соображеній, продолжалъ готовиться къ обширнымъ предпріятіямъ; это время онъ припоминалъ въ старости, какъ счастливѣйшее въ его жизни. Когда, открывъ магнитное свойство нѣкоторыхъ горныхъ породъ, онъ сообщалъ о своихъ магнитныхъ наблюденіяхъ надъ змѣевикомъ, въ одно время въ разные журналы, тогда онъ писалъ, что этимъ желаетъ вызвать дальнѣйшія изслѣдованія, прибавивъ, что «хорошо иногда бросить къ людямъ бомбу, чтобы возбудить ихъ вниманіе и работу.» Въ продолженіи нѣсколько-лѣтняго пребыванія своего въ франконскихъ горахъ, Гумбольдтъ успѣвалъ вмѣстѣ съ своими техническими и административными занятіями, устройствомъ рудокопень, учрежденіемъ горной школы, вести свои ученыя изслѣдованія, находилъ время заниматься земнымъ магнетизмомъ, ботаникой, физіологіей, изучать старую байрейтскую исторію горнаго искусства, по актамъ XVI столѣтія, полученнымъ имъ въ нѣсколькихъ ящикахъ, и вмѣстѣ съ этимъ дѣлать небольшія путешествія. Осенью 1792 года Гумбольдтъ посѣтилъ зальцбургскія и баварскія соляныя копи, приготовлялъ карту нѣмецкихъ соляныхъ пластовъ, ѣздилъ въ Вѣну. Въ Вѣнѣ онъ получилъ отличный пріемъ отъ ботаниковъ, оцѣнившихъ уже его труды надъ физіологіей растеній, ихъ красками, прозябаніемъ. Черезъ Силезію, гдѣ Гумбольдтъ снялъ нѣсколько плановъ, онъ возвратился въ Берлинъ и занялся здѣсь прусскими соляными дѣлами и изданіемъ своей фрейбергской подземной флоры. Она появилась въ свѣтъ въ 1793 году, на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Flora Fribergensis subterranea*, съ присовокупленіемъ къ ней афоризмовъ изъ химической физіологіи растеній; здѣсь проведена была линія, отдѣляющая исторію растеній отъ ихъ географіи, и изъ этихъ афоризмовъ дальнѣйшими трудами Гумбольдта должна была развернуться особенная отрасль ботаники — географія растеній. Фишеръ фонъ Вальдгеймъ перевелъ Гумбольдта афоризмы изъ химической физіологіи растеній на нѣмецкій языкъ въ 1794 году. Весной 1793 года Гумбольдтъ возвратился къ своимъ байрейтскимъ рудокопнямъ. «Всеобщая довѣренность, которой я пользуюсь отъ каждаго простого рудокопа» — писалъ онъ тогда — «заставляетъ меня любить мое дѣло; положеніе мое здѣсь довольно странное: я исполняю скорѣй должность присяжнаго рудокопа, нежели обер-берггауптмана.» Впрочемъ старанія его неоставались напрасными; прежде скудное тамъ добываніе металловъ значительно умножилось во время его управленія, и до сихъ поръ разработка рудъ въ байрейтскихъ горахъ ведется по его планамъ. Въ 1793 г. Гумбольдта посылали въ Пруссію и Польшу для розысканія соляныхъ пластовъ. Осенью 1794 года онъ долженъ былъ слѣдовать за

министромъ Гарденбергомъ на Рейнъ, въ Нидерланды, въ дѣйствующую армію для исполненія дипломатическихъ порученій. Голова его была наполнена въ это время планами большихъ ботаническихъ и геогностическихъ сочиненій; дипломатическія дѣла, отвлекая Гумбольдта отъ его горныхъ и ученыхъ работъ, немогли его совсѣмъ отклонить отъ нихъ. Разъѣзжая между лагерями воюющихъ державъ, онъ посѣщалъ рудокопни, и жалуясь, въ одномъ письмѣ къ Фрейеслену, на эту слишкомъ пеструю для него жизнь, прибавляетъ: «мало мнѣ тутъ было веселаго; несмотря на это, я былъ слишкомъ развлеченъ, чтобы быть печальнымъ. Я пріобрѣлъ новыя идеи, и безпрестанные переѣзды по минералогически-интереснымъ странамъ доставили много данныхъ для занимающаго меня сочиненія о горныхъ кладяхъ и пластованіи.»

Возвратившись опять въ байрейтскія горы, Гумбольдтъ къ своимъ практическимъ занятіямъ горнымъ дѣломъ присоединилъ и занятія астрономіей. Ему предлагали тогда управлять горными дѣлами въ Силезіи, но онъ отказался, обдумывая уже въ то время планы своихъ будущихъ предпріятій. Въ маѣ 1795 года его назначили оберъбергсовѣтникомъ въ департаментъ горныхъ, мануфактурныхъ и коммерческихъ дѣлъ, поступившій въ управленіе государственнаго министра Гарденберга; несмотря на это назначеніе, Гумбольдтъ оставался въ своемъ Байрейтѣ и все лѣто дѣлалъ опыты надъ раздражительностію нервовъ и мышечныхъ волоконъ. Пріемчивый ко всѣмъ новымъ открытіямъ, Гумбольдтъ неупускалъ изъ виду ни одно изъ нихъ: галванизмъ, занимавшій въ то время весь ученый свѣтъ, возбудилъ и его пытливый духъ. Въ 1790 году болонскій анатомистъ Алоизій Галвани, приготовляя больной женѣ своей супъ изъ лягушекъ, увидѣлъ ногу лягушки, лежавшую близь электрической машины, приходящей въ содроганіе всякой разъ, когда изъ машины извлекалась искра; такое явленіе показывало въ лягушкѣ чувствительный снарядъ, своимъ содроганіемъ открывающій присутствіе разрѣшающагося вблизи электричества. Вслѣдствіе этого Галвани приготовляетъ лягушечьи ноги, какъ снарядъ для наблюденій воздушнаго электричества. Въ другой разъ Галвани, дотронувшись случайно металлическимъ прутомъ до вздернутыхъ на крючкѣ лягушечьихъ препаратовъ, опять видитъ эти лягушечьи члены приходящими въ содроганіе; въ этомъ случаѣ, онъ находитъ въ лягушкѣ не одну чувствительность къ электричеству, но самый источникъ электричества—животное электричество. Чтобы понять всю важность и значеніе открытія Галвани, преобразованнаго и оплодотвореннаго впослѣдствіи Александромъ Вольтой и переданнаго нашему вѣку, какъ одно изъ богатѣйшихъ ученыхъ наслѣдствъ прошлаго, необходимо объяснить себѣ сущность самого электричества. Изъ всѣхъ силъ, связывающихъ природу въ одно цѣлое и вмѣстѣ съ этимъ безконечно-разнообразно расчленяющихъ ее, только о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ о теплотѣ, свѣтѣ, тяготѣніи, люди при первомъ мыслящемъ созерцаніи получили болѣе или менѣе ясныя понятіи. Хотя электричество играетъ неменѣе важную роль

въ жизни природы, нежели названныя тутъ силы, но, дѣйствуя скрытно, тонко развѣтвляясь, оно убѣгало въ продолженіи вѣковъ отъ вниманія мыслителей. Древніе знали, что потеревъ янтарь, они сдѣлаютъ его способнымъ притягивать легкія тѣла, но они неподозрѣвали, что тутъ дѣйствуетъ таже сила, которая оказывается въ молніи и является въ сжавшихся мышцахъ лягушки. Впослѣдствіи свойства янтаря замѣчены были въ смолѣ (гагатѣ, смоляномъ углѣ); извѣстно было издавна и о магнитѣ, притягивающемъ желѣзо, но изъ этихъ явленій недѣлали общихъ заключеній, несближали ихъ, незамѣчали, что̀ можетъ быть въ нихъ общаго или противоположнаго. Только въ эпоху возрожденія наукъ и искусствъ въ Европѣ, когда человѣческая мысль стала свободнѣе двигаться, явленія природы начали преслѣдоваться въ ихъ собственномъ значеніи. Небольшое число извѣстныхъ электрическихъ тѣлъ было постепенно умножено, пришли къ наблюденіямъ электрической искры, электрическаго потрясенія и удара, начали различать два рода электричества, доставляемыя стекломъ и смолой, впослѣдствіи названныя Франклиномъ положительнымъ (стекляннымъ) и отрицательнымъ (смолянымъ) электричествомъ; въ этихъ проявленіяхъ электричества однородныя электричества отталкивались, а разнородныя притягивались и уничтожались соединеніемъ своимъ. Далѣе нашли, что электричество можетъ быть проводимымъ, сдѣлали машины для извлеченія электрическихъ искръ, произведенія электрическихъ ударовъ, снаряды для скопленія, усугубленія электричества, и Франклинъ изобрѣлъ свой громовой отводъ, проводящій изъ облаковъ ихъ воздушное электричество, принимающій въ себя громовой ударъ. Наконецъ Галвани открываетъ животное электричество, находитъ источникъ его не въ смолѣ, стеклѣ или облакахъ, но въ животномъ организмѣ; изъ нервъ оно переходитъ въ мышцы, сжимаетъ ихъ, двигаетъ; тайна жизни будто открыта. Открытіе Галвани производитъ сильное впечатлѣніе въ Европѣ. Гумбольдтъ со всею живостію и вмѣстѣ точностію своей мысли бросается на изслѣдованіе галванической раздражительности нервныхъ и мышечныхъ волоконъ, дѣлаетъ многочисленные опыты надъ звѣрями, насѣкомыми, — въ ученомъ рвеніи, самъ подчиняетъ себя опытамъ, ставитъ себѣ на тѣло рожки, для снятія верхней кожицы и приведенія чувствительныхъ частей организма въ непосредственное соприкосновеніе съ снарядами, чтобы ощущеніями собственнаго тѣла точнѣе объяснить галваническія дѣйствія. Александръ Вольта (изъ Комо) развиваетъ открытіе Галвани, опровергаетъ его ученіе о животномъ электричествѣ, доказываетъ совершенную тождественность между электричествомъ и его галванизмомъ, доказываетъ, что Галвани принялъ за причину то, что̀ есть только дѣйствіе,—что не нервы или мышцы лягушки суть источники электричества, а металлическія дуги, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе, и что вообще соприкосновеніе двухъ какихъ бы то ни было неравнородныхъ проводниковъ электричества, при нѣкоторыхъ условіяхъ и при посредствѣ третьяго проводника, принимающаго въ себя возбужденное этимъ соприкосновеніемъ электричество,

производитъ безпрестанно возобновляющійся гальваническій, или электрическій потокъ; Вольта изобрѣтаетъ на основаніи этого закона свой гальваническій столбъ, изъ пластинокъ мѣди и цинка, переложенныхъ пластинками мокрой бумаги, и снабжаетъ наше время мощнымъ орудіемъ, которое, будучи усовершенствованнымъ, служитъ теперь двигателемъ столько же науки, какъ и промышленности. Гумбольдтъ въ путешествіяхъ своихъ имѣлъ случай наблюдать электрическихъ угрей, снабженныхъ во внутренности своей полнымъ электрическимъ снарядомъ, произвольно употребляемымъ этими угрями для своей защиты.

Всѣ эти труды только изощряли наблюдательный талантъ Гумбольдта; вмѣстѣ съ физіологическими опытами надъ жизненнымъ процессомъ онъ занимался химическими изслѣдованіями атмосфернаго воздуха, изслѣдованіями количества содержащагося въ немъ кислорода (евдіометріей). Въ Гумбольдтѣ родилась мысль учредить на разныхъ пунктахъ Европы подобныя евдіометрическія изслѣдованія; этотъ планъ впрочемъ неисполнился. Съ этими работами были связаны изслѣдованія вредныхъ газовъ въ рудокопняхъ, опыты надъ отправленіями животной и растительной жизни въ различныхъ газахъ, и это дало ему поводъ изобрѣсть предохранительную лампу для рудокоповъ и машину для дыханія подъ землей въ спертомъ воздухѣ; опыты, дѣлаемые Гумбольдтомъ съ этими снарядами, въ дурную погоду, на квасцовыхъ заводахъ, неразъ подвергали его жизнь опасности. Лѣтомъ 1796 года Гумбольдтъ былъ опять употребленъ на дипломатическія дѣла; его послали для переговоровъ во французскій лагерь Моро; здѣсь онъ могъ познакомиться съ юнымъ начальникомъ штаба французской арміи героическимъ Дезе (*Desaiy*) (*) и услышать о приготовлявшейся наполеоновской экспедиціи въ Египетъ; такое извѣстіе должно было сильно занять его воображеніе. Еще зиму того же года Гумбольдтъ провелъ въ байрейтскомъ княжествѣ, работая съ министромъ Гарденбергомъ. Всѣ разсѣянные труды и изслѣдованія Гумбольдта, помѣщаемые въ тогдашнихъ горныхъ, физическихъ и химическихъ журналахъ, вошли впослѣдствіи въ составъ его путешествій. Созрѣвшія желанія увидѣть далекія страны, узнать строенія земного шара заставляютъ Гумбольдта сперва познакомиться съ ближайшими Альпами и волканами Италіи и бросить наконецъ совсѣмъ службу. Еще лѣтомъ 1795 года Гумбольдтъ дѣлалъ путешествіе, черезъ Тироль въ верхнюю Италію и оттуда назадъ черезъ Швейцарію до Шафгаузена; потомъ онъ обошелъ пѣшкомъ, въ сопровожденіи Фрейеслебена, самыя интересныя

(*) Дезе былъ годомъ моложе Гумбольдта. Съ большими военными талантами и доблестями онъ соединялъ высокую образованность, чистоту нравовъ, страстную любовь къ наукѣ и искусству. Въ верхнемъ Египтѣ управляемыя имъ арабскія племена называли его *праведнымъ султаномъ*, *Sultan juste*. По словамъ Наполеона, онъ жилъ только для своего дѣла, славы и отечества. Смертельно раненый подъ Моренго, онъ, умирая, слабѣющимъ голосомъ просилъ полковника, поддерживающаго его на рукахъ своихъ, «сказать Первому Консулу, что онъ умираетъ съ сожалѣніемъ, что не довольно сдѣлалъ, чтобы жить въ потомствѣ». Онъ умеръ 32-хъ лѣтъ.

мѣста Юры, швейцарскихъ и савойскихъ Альповъ, до самой итальянской Швейцаріи. Особенное вниманіе Гумбольдта привлекли горные пласты и растенія; вмѣстѣ съ этимъ ничто касающееся до атмосферы, естественной исторіи, физической географіи неускользало отъ его вниманія. Неутомимая дѣятельность Гумбольдта, его трудолюбіе и любовь къ наукѣ рано пріучили его употреблять съ пользой каждое мгновеніе жизни; упражненія укрѣпили его силы; онъ привыкъ ограничивать свой покой немногими часами, чтобы еще болѣе удѣлять времени на работу.

Въ продолженіи всей этой служебной и ученой дѣятельности Александра Гумбольдта, братъ его Вильгельмъ жилъ въ Іенѣ, наслаждаясь супружескимъ счастіемъ, въ жаркой дружбѣ съ Шиллеромъ, занимаясь философіей, искусствомъ, литературой, выжидая въ счастливомъ досугѣ минуты, когда отечество призоветъ его на политическое поприще. Александръ во время своихъ переѣздовъ часто посѣщалъ брата своего, въ Іенѣ. Сюда пріѣзжалъ Гёте изъ Веймара повидаться съ Шиллеромъ, здѣсь встрѣчался онъ съ братьями Гумбольдтами. Гёте еще въ путешествіи своемъ по Италіи (1786 — 1787), въ Сициліи, при созерцаніи богатой, разнообразной растительности юга, отыскивая типическое «сверхчувственное первообразное растеніе», пришелъ къ идеѣ о тождествѣ различныхъ частей растенія; по этой идеѣ, всѣ части растеній, начиная отъ зародыша до стебля, цвѣтка и плода, суть нечто иное, какъ превращеніе одной основной формы, первоначальнаго листа. Это ученіе Гёте изложилъ съ большой опредѣлительностію и ясностію въ небольшомъ сочиненіи, изданномъ въ 1790 году («Опытъ, объяснить превращеніе растеній»); ботаническія идеи Гёте оставались долго безъ вниманія; онѣ были оцѣнены и приняты ботаниками только въ послѣднее время, и, несмотря на неполноту и произвольность нѣкоторыхъ положеній гётевскаго ученія, оно послужило къ дальнѣйшему развитію науки. Вмѣстѣ съ ботаникой Гёте занимался превращеніями насѣкомыхъ, искалъ основаній для сравнительной анатоміи, для сравнительнаго изученія скелета, искалъ первообразъ его. Въ своихъ стремленіяхъ найти въ видоизмѣненіяхъ организма основное, типическое, Гёте получалъ новый матеріялъ, новыя побужденія, встрѣчаясь съ Александромъ Гумбольдтомъ, бесѣдуя съ нимъ. Присутствіе Александра Гумбольдта въ Іенѣ заставляло Вильгельма Гумбольдта и Шиллера переходить отъ эстетики и умозрѣній къ естествознанію; появленіе Гёте придавало новый интересъ бесѣдамъ друзей, и созерцанія природы тогда исключительно занимали ихъ всѣхъ. Александръ Гумбольдтъ обращалъ вниманіе на галванизмъ, дѣлалъ опыты; Гёте приводилъ къ зоологіи, къ анатоміи, передавалъ свои идеи объ остеологическомъ типѣ, который такъ живо чувствовалъ въ духѣ своемъ, носилъ въ памяти; тогда братья Гумбольдты требовали отъ Гёте письменнаго изложенія его идей. Гёте, много лѣтъ спустя, припоминая время, проводимое имъ у Шиллера съ діоскурами — братьями Гумбольдтами, говорилъ своему секретарю Экерману: «Для меня имѣло большое значеніе то, что Лессингъ, Винкельманъ и Кантъ были старше меня и два первые были дѣятельны-

ми въ мои молодые, а послѣдній въ мои зрѣлые годы. Также было для меня весьма важно то, что Шиллеръ былъ моложе меня и юношески еще стремился впередъ въ то время, когда я уже начиналъ уставать въ жизни, и еще то, что братья Гумбольдты и братья Шлегели поднимались на моихъ глазахъ.... Немогу непризнать съ благодарностью, какъ много я былъ обязанъ Фихте, Шеллингу, Гегелю, братьямъ Гумбольдтамъ и братьямъ Шлегелямъ; постараюсь когда-нибудь, съ моей точки зрѣнія, если неизобразить вполнѣ, то по-крайней-мѣрѣ очеркнуть, какъ была важна для меня эпоха послѣдняго десятилѣтія прошлаго столѣтія».... Въ Іенѣ сходились въ это время вмѣстѣ съ Гёте, Шиллеромъ и Гумбольдтами — Гердеръ, Фихте, историкъ Вольтманъ, братья Шлегели, Шеллингъ, Тикъ, лица, высоко поднявшія нѣмецкое слово и нѣмецкую мысль. Шиллеръ, вмѣстѣ съ Гёте, Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и Гердеромъ, издавалъ журналъ «*Horen*» (1794 — 1795); Александръ Гумбольдтъ также участвовалъ въ немъ и помѣстилъ свою статью: «Жизненная сила или родосскій геній. Разсказъ.» Всю весну 1797 года Александръ Гумбольдтъ провелъ въ домѣ брата своего въ Іенѣ, оканчивая разныя работы свои, приготовляя къ печати свое сочиненіе о раздраженіи мышцъ, дѣлая опыты возбужденія жизненной силы химическими средствами, и въ этихъ опытахъ, какъ бы предчувствуя основаніе новой науки — органической химіи, особенно развернувшейся въ послѣднее время. Вмѣстѣ съ этимъ, уже приготовляясь къ путешествію въ Индію, Александръ Гумбольдтъ занимался практически анатоміей и проводилъ по шести и семи часовъ въ день въ анатомическомъ театрѣ.

Въ 1796 году скончалась мать Гумбольдтовъ; въ это время сыновья ея уже стояли самостоятельно въ жизни. Послѣ раздѣла между братьями богатаго имѣнья отца, Александръ продалъ свою часть имѣнья поэту Клейсту, чтобы на вырученныя деньги сдѣлать свои большія путешествія. Лѣто 1797 года Александръ Гумбольдтъ провелъ въ Дрезденѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, для устройства ихъ общихъ дѣлъ; при этомъ онъ неупускалъ производить астрономическія наблюденія. Осень 1797 года братья провели въ Берлинѣ, для окончанія всѣхъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Предпринятое Александромъ Гумбольдтомъ въ 1797 году второе путешествіе въ Италію, чтобы увидѣть Везувій, Стромболи и Этну, было остановлено военными происшествіями того года, и потому зиму 1797 года и весну 1798 Гумбольдтъ провелъ частію въ Вѣнѣ съ Фишеромъ фонъ Вальдгеймомъ, частію въ Зальцбургѣ съ Леопольдомъ фонъ Бухомъ. Въ Вѣнѣ онъ прилежно разсматривалъ собранія рѣдкихъ растеній; изъ Зальцбурга дѣлалъ съ Леопольдомъ фонъ Бухомъ небольшія путешествія въ Штирію, занимался метеорологическими наблюденіями, химическими разложеніями воздуха, оканчивалъ свои изслѣдованія подземныхъ газовъ; послѣдняя работа была издана его братомъ, по отъѣздѣ уже самого Александра Гумбольдта изъ Европы. Въ это время онъ учится владѣть астрономическими и физическими инструментами, чтобы опредѣлять астрономическую широту мѣста, и воз-

вышеніе земли надъ уровнемъ моря, усвояетъ различныя методы наблюденій, вычисленій и отысканія ихъ погрѣшностей и довершаетъ свои приготовленія къ большимъ путешествіямъ. Гумбольдту представлялся тогда случай увидѣть верхній Египетъ (по приглашенію милліонера лорда Бристоля, ѣздившаго уже въ Грецію съ Фортисомъ), ѣхать вверхъ по Нилу, изучать памятники древняго искусства и потомъ черезъ Палестину и Сирію проникнуть въ Индію. Этотъ планъ неисполнился, но онъ заставилъ Гумбольдта заняться новыми для него предметами, памятниками искусства; эти изученія дали ему впослѣдствіи средства оцѣнивать памятники, находимые въ Перу и Мехико и сравнивать ихъ съ древнимъ искусствомъ. Ученики Вернера, фонъ Бухъ и Александръ Гумбольдтъ, проведя вмѣстѣ нѣсколько времени въ Альпахъ, разстались — исполнять свои различныя ученыя призванья. Леопольдъ фонъ Бухъ дальнѣйшими своими трудами преобразовалъ геогнозію, доказалъ и объяснилъ волканическое поднятіе острововъ, большихъ земель, цѣлыхъ горъ и тѣмъ приготовилъ новую теорію Эли-де-Бомона (*Elie de Beaumont*), поднятія горныхъ кряжей, изъ разсѣлинъ земли. Александръ фонъ Гумбольдтъ, спутникъ всемірнаго путешественника Форстера, вникнулъ въ строеніе земли, изучилъ физику земного шара, обозрѣлъ цѣлое естествознаніе, разнообразныя явленія вселенной, космоса. Пять лѣтъ спустя послѣ своего фрейбургскаго студенчества, Гумбольдтъ изъ Дрездена, собираясь увидѣть опять Фрейбергъ, боялся, что самая мертвая природа кругомъ Фрейберга, для него столь интересная, покажется ему уже въ другомъ видѣ: не прежнія дружескія лица встрѣтятъ его, притомъ и онъ самъ сдѣлался «болѣе сложнымъ, болѣе перепутаннымъ человѣкомъ». Несмотря на эти опасенія, ему пріятно было посѣтить Фрейбергъ, увидѣть знакомыя мѣста, вспоминать время своего ученія и молодыхъ стремленій. Въ поздніе годы своей жизни, опять посѣщая Фрейбергъ, Гумбольдтъ съ любовью и признательностію осматривалъ мѣсто, гдѣ получилъ свое первое ученое образованіе; его принимали тогда уже не какъ интереснаго молодого ученаго, но какъ великаго путешественника, какъ знаменитаго мужа.

Миръ, заключенный въ Кампо-Форміо (17 октября 1797), открылъ нѣмцамъ и пруссакамъ дорогу въ Парижъ; въ Парижѣ должны были разрѣшиться ожиданія и планы Гумбольдта, тамъ впослѣдствіи онъ долженъ былъ окончить величайшіе свои труды. Въ 1798 году Александръ фонъ Гумбольдтъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, вступившимъ на дипломатическое поприще, пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ скоро познакомился съ знаменитыми тогдашними французскими учеными, математиками, натуралистами, своими умственными работами столько же возвышавшими въ то время славу Франціи, сколько съ другой стороны она была поднята блескомъ оружія и гражданскихъ подвиговъ. Гумбольдтъ въ Парижѣ продолжаетъ заниматься астрономическими и физическими науками, читаетъ передъ французскимъ институтомъ о своихъ химическихъ опытахъ разложенія земель и наконецъ встрѣчается съ Эме Бонпланомъ, молодымъ, любезнымъ, та-

лантливымъ ученикомъ аптекарской школы и ботаническаго сада (національнаго музеума), назначеннымъ въ званіи естествоиспытателя сопровождать готовящуюся во Франціи ученую экспедицію кругомъ свѣта, подъ начальствомъ капитана Боденя *(Baudin)*. Тѣсная дружба соединяетъ Гумбольдта съ Бонпланомъ и Гумбольдтъ испрашиваетъ у національнаго музеума позволеніе участвовать въ этой экспедиціи. Директоріи французской недоставало денегъ, притомъ завязалась опять война, и потому экспедиція Боденя пріостановилась. Гумбольдтъ тогда желаетъ соединиться съ ученой экспедиціей, сопровождавшей Наполеона въ Египетъ. Абукирское сраженіе прерываетъ прямыя сообщенія Франціи съ Египтомъ. Препятствія эти только раздражаютъ желанія Гумбольдта; мысли его уже созрѣли, приготовленія окончены. Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ кончилъ въ это время въ Парижѣ свои «эстетическіе опыты», одно изъ важнѣйшихъ философскихъ твореній германской литературы, и начиналъ свою политическую дѣятельность. Александръ нехочетъ болѣе медлить, разлучается съ братомъ своимъ, котораго «совѣты и примѣръ имѣли большое вліяніе на направленіе его мыслей», собираетъ свои инструменты и спѣшитъ съ Бонпланомъ въ Марсель. Въ Марселѣ ожидали шведскій фрегатъ, долженствовавшій пріѣхать туда за своимъ консуломъ, для отвоза его въ Алжиръ; съ этимъ фрегатомъ Гумбольдтъ надѣется переѣхать въ Алжиръ, учиться тамъ по-арабски, присоединиться къ богомольцамъ, идущимъ въ Меку, достигнуть съ ними Египта, французской экспедиціи, потомъ черезъ Персидскій заливъ проникнуть до восточной Индіи и собрать тамъ богатую жатву знаній и наблюденій. Послѣ двухмѣсячныхъ напрасныхъ ожиданій въ Марселѣ, Гумбольдтъ и Бонпланъ узнаютъ, что шведскій фрегатъ, пострадавшій отъ бурь у португальскихъ береговъ, придетъ въ Марсель нераньше будущей весны. Эта новая неудача заставляетъ Гумбольдта и Бонплана отправиться черезъ южную Францію и Пиренеи въ Испанію, въ надеждѣ подъ испанскимъ флагомъ достигнуть Африки, Алжира или Туниса. Военныя происшествія дѣлаютъ тщетной надежду проникнуть черезъ Египетъ въ Индостанъ, но въ Мадритѣ нашимъ путешественникамъ открываются новые виды.

Прежде нежели перейдемъ къ разсказу странствованій, составляющихъ эпоху въ изученіи физической географіи, замѣтимъ, что Гумбольдтъ уже въ то время старался, на основаніи нептунической теоріи Вернера, подняться къ разрѣшенію вопроса объ образованіи земли. Въ горномъ журналѣ фонъ Моля 1799 года находится статья Гумбольдта «о развитіи теплорода, разсматриваемаго какъ геогностическое явленіе». Находимые въ нашихъ сѣверныхъ широтахъ ископаемые остатки органическихъ существъ жаркаго климата заставили заключить, что въ нѣкоторые періоды времени, до появленія человѣка, климатъ этихъ странъ былъ гораздо жарче теперешняго. Это измѣненіе климатовъ старались объяснить поворотомъ земной оси, измѣненіемъ эклиптики и другими болѣе или менѣе насильственными переворотами. Гумбольдтъ старался объяснить это измѣненіе теплоты на земномъ шарѣ химическими процессами. Такъ какъ при

переходѣ жидкаго тѣла въ твердое состояніе освобождается нѣкоторое количество теплоты, содержавшее это тѣло въ его первобытномъ жидкомъ состояніи, то и при переходѣ горныхъ массъ (неизвѣстно, по какому побужденію) изъ ихъ первоначальнаго, распущеннаго состоянія, капельножидкаго или газообразнаго, въ твердое должно было освободиться большое количество теплоты; эта теплота, въ свою очередь, произвела испаренія и уменьшеніе жидкости, остававшейся на поверхности свернувшагося твердаго ядра. Слѣдующіе затѣмъ осадки твердыхъ массъ изъ жидкости еще болѣе разгорячали температуру и умножали черезъ это повтореніе осадковъ. Въ то же время испаренія, продолжая наполнять атмосферу сгущающимися газами, начали оказывать давленіе, противодѣйствовать дальнѣйшимъ скорымъ испареніямъ, замедлять ихъ, а черезъ это жидкая матерія должна была принимать сильнѣйшій жаръ, производить болѣе частыя осадки, болѣе частыя отдѣленія своихъ составныхъ частей. Такимъ образомъ объясняется образованіе древнихъ кристаллическихъ массъ при болѣе низкой температурѣ, а слѣдующихъ за ними землистыхъ или нечисто кристаллическихъ пластовъ, при болѣе возвышенной температурѣ, быстрѣйшими осадками, неуспѣвавшими вполнѣ кристаллизироваться. Во время этихъ химическихъ процессовъ образованія земныхъ пластовъ распространившаяся въ воздухѣ теплота произвела на всѣхъ пунктахъ земли тропическій климатъ. Теплота, распространяясь въ воздухѣ, постепенно утрачивалась испусканіемъ своихъ лучей въ міровое пространство; вслѣдствіе этого, тропическій климатъ сохранился подъ конецъ только на тѣхъ мѣстахъ на земномъ шарѣ, гдѣ онъ условливался положеніемъ солнечныхъ лучей въ отношеніи къ земной поверхности. Гумбольдтъ, объяснявшій тогда происхожденіе кристаллическихъ горныхъ породъ, гранита напримѣръ, по нептунической теоріи Вернера, осѣданіемъ изъ жидкости, самъ наблюдая впослѣдствіи положеніе гранита въ разныхъ частяхъ свѣта, долженъ былъ признать его огненнымъ, плутоническимъ произведеніемъ, какъ и признать силу первобытныхъ волканическихъ дѣйствій, долженствовавшихъ производить въ первобытныя времена и сильнѣйшую теплоту на землѣ; сверхъ того бо̀льшая часть горныхъ толщей произошла не химическими процессами отдѣленія изъ жидкости ея составныхъ частей, но механически, медленно, постепенно, въ длинные промежутки времени осаживаясь изъ нея, а потому и небыла въ состояніи развивать ту теплоту, происхожденіе которой старался доказать Гумбольдтъ. Впрочемъ эти геологическія объясненія интересны только какъ выраженіе хода и состоянія физическихъ и химическихъ наукъ въ какую-нибудь данную минуту ихъ развитія; притомъ они характеризируютъ направленіе мыслей самого Гумбольдта, всегда стремившагося подняться къ общимъ соображеніямъ и выводамъ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АМЕРИКУ (*).

I.

Канарскіе острова. Атлантическій океанъ. Прибытіе въ южную Америку. Пребываніе въ Кумань.

Въ Мадритѣ Гумбольдту открылась надежда получить позволеніе отъ испанскаго правительства осмотрѣть испанскія колоніи въ Америкѣ. Саксонскій посланникъ въ Мадритѣ фонъ Форель, любитель естествознанія, принялъ живое участье въ Гумбольдтѣ и старался объ исходатайствованіи этого позволенія. Сильное вспомоществованіе и покровительство были здѣсь необходимы, ибо доступъ въ тѣ части испанскихъ владѣній былъ запрещаемъ иностранцамъ. Увидѣть тропическія страны, среди особенной природы, умножить, расширить познанія о землѣ, — эта мысль вполнѣ заняла и умъ и душу Гумбольдта, могла вполнѣ вознаградить за неудавшіяся попытки проникнуть въ Африку, въ Египетъ, въ Индостанъ. Въ самомъ дѣлѣ новый свѣтъ, три вѣка спустя послѣ открытія его Европейцами, лежалъ еще передъ Европой неразрѣшеннымъ въ политическомъ отношеніи и еще болѣе въ естествознательномъ. На новой почвѣ сѣмена европейской образованности, иначе развертываясь и преуспѣвая, начинали уже возвратно дѣйствовать на европейскую политику и образованность; въ ученомъ мірѣ изслѣдованія Лакондамина подъ экваторомъ, въ Перу, вызвали въ Европѣ Соссюра на его родные Альпы и тѣмъ приготовили новые пути для познанія земного шара. Просвѣщенный испанскій министръ донъ Маріано Луисъ де Урквихо оказалъ свое покровительство Гумбольдту, представилъ его, въ мартѣ 1799 года, ко двору короля и королевы испанскихъ, и черезъ него Гумбольдтъ получилъ позволеніе самое невѣроятное — вмѣстѣ съ Бонпланомъ осмотрѣть испанскія колоніи сѣверной и южной Америки, работать и измѣрять съ своими инструментами всюду, какъ и сколько имъ угодно. Королевскія рекомендаціи поручали ихъ вниманію всѣхъ вице-королей испанскихъ колоній. Въ маѣ путешественники оставили Мадритъ и поѣхали къ берегамъ Галиціи, въ Коруну, откуда шло тогда обыкновенное сообщеніе Испаніи съ Гаванной и съ Буэносъ-Айре-

(*) Источники: *A. de Humboldt*, Relation historique du Voyage aux régions équinoxiales du Nouveau Continent. 13 vol. in-8. 1814—1831.

Извлеченія изъ путешествій Гумбольдта:

J. Lövenberg, A. v. Humboldts Reisen in Amerika und Asien. 2 Bde. 2-te Auflage. 1843.

Dr. W. Macgillivray помѣстилъ въ эдинбургской кабинетной энциклопедіи переведенныя на нѣмецкій языкъ: Alexander v. Humboldts Reisen und Forchungen. 2 Bde. 1833—1835.

сомъ, или Ланлатой. Оставляя Европу, Гумбольдтъ написалъ къ капитану Боденю, обѣщая соединиться съ нимъ въ испанскихъ колоніяхъ и неоставляя надежды объѣхать съ нимъ кругомъ свѣта. Изъ Коруны Гумбольдтъ писалъ къ Фрейеслебену: «какое счастіе раскрылось передо мной! Голова у меня кружится отъ радости. Мы отправляемся на испанскомъ фрегатѣ Пизаро. Сперва мы пристанемъ къ канарскимъ островамъ, потомъ къ берегамъ Каракаса въ южной Америкѣ. Личное благоволеніе короля, мое умѣнье говорить по-испански, благородный, прямодушный, истинно услужливый характеръ Испанцевъ позволяютъ мнѣ надѣяться на добрый пріемъ въ томъ полушаріи. — Какое сокровище наблюденій я могу собрать для моего сочиненія о строеніи земного шара! Оттуда напишу болѣе. Человѣкъ долженъ желать благое и великое! Остальное зависитъ отъ судьбы. Въ Мехикѣ я увижу саксонскихъ рудокоповъ, Дел-Ріо; мы будемъ говорить о Фрейбергѣ!...»

Коруна была тогда блокируема Англичанами; изъ нея наши путешественники переѣхали сперва въ Ферроле, другую гавань, находящуюся въ одной бухтѣ съ Коруной. 5 іюня 1799 года они оставили Ферроле и пустились въ море къ Канарскимъ островамъ, къ Тенерифѣ, путемъ, которому слѣдовалъ Коломбъ для открытія Америки. Въ своемъ плаваніи они старались прежде всего миновать англійскихъ крейсеровъ. Въ открытомъ морѣ особенное вниманіе путешественниковъ привлекалъ морскій потокъ, бороздящій Атлантическій океанъ, идущій изъ Мексиканскаго залива, оттуда заносящій тропическія растенія, обломки судовъ къ берегамъ Исландіи, Ирландіи, стремящійся потомъ къ Канарскимъ островамъ, чтобы возвратиться, въ своемъ кругообращеніи, назадъ къ Западной Индіи; ихъ занимали толпы быстро двигающихся, слизкихъ, фіолетовыхъ или пурпурныхъ морскихъ животныхъ, медузъ (акалефовъ, морскихъ крапивъ), которыхъ тонкія щупальцы, касаясь тѣла, жгутъ какъ крапива, и которыя, будучи галванизируемы, испускаютъ свѣтъ; вмѣстѣ съ этимъ ихъ поражала чистота и ясность неба у африканскихъ береговъ. Приближаясь къ канарскому острову Лансеротѣ, путешественники увидѣли множество падающихъ звѣздъ; самыя звѣзды начали ярче свѣтиться, и между ними ярко заблистала въ небѣ звѣзда Антаресъ, принадлежащая къ созвѣздію скорпіона. Волканическіе берега Лансероты напоминали Евганейскіе холмы близъ Падуи или рейнскіе берега близъ Бонны, но растенія и животныя были уже другія. Земная кора образовалась внѣ условій нашихъ теперешнихъ климатовъ; граниты, порфиры и базальты представляютъ повсюду на землѣ ту же форму, состоятъ изъ тѣхъ же кристалловъ; повсюду, на Канарскихъ островахъ, какъ и въ Оверни, въ богемскихъ Среднихъ горахъ, какъ и въ Мексикѣ и на берегахъ Ганга, плутоническія трапныя горныя породы сложены въ томъ же симметрическомъ видѣ. Сильныя изверженія волкана на островѣ Лансеротѣ предвѣщаются всегда за нѣсколько лѣтъ страшными землетрясеніями; вслѣдъ за этимъ изверженіемъ волканъ опять затихаетъ на цѣлый вѣкъ. Послѣ страшнаго взрыва его въ 1730, волканъ долго оставался покойнымъ; онъ молчалъ и во время плаванія Гум-

больдта и только въ 1824 году сдѣлалъ опять опустошительное изверженіе.

Путешественники пристали къ Тенерифѣ у восточнаго ея берега, въ гавани Санта-Крусъ, окруженной печальными, обнаженными берегами. На западной сторонѣ острова, въ роскошной, возвышенной равнинѣ лежитъ Оротава. Въ Тенерифѣ вступили они въ тропическій климатъ. На островѣ вмѣстѣ съ пальмами и бананами жаркихъ странъ находятся миртовыя и лавровыя рощи. Близъ Оротавы морской берегъ усѣянъ кокосовыми и финиковыми деревьями; надъ ними стоятъ бананы съ драконовыми деревьями, которыхъ стволы извиваются змѣей; отлогости тамъ покрыты виноградниками, а разсѣянныя по холмамъ часовни окружены апельсинными деревьями, миртами и кипарисами. Зимой вершина Тенерифскаго пика покрывается снѣгомъ, у подошвы же его царствуетъ вѣчная весна: лѣтомъ морскіе вѣтры навѣваютъ прохладу, зимой морскіе потоки приносятъ теплый воздухъ. На Тенерифу, какъ и на островъ Мадеру, посылаютъ больныхъ возстанавливать или поддерживать исчезающія силы. Въ ботаническомъ саду Оротавы климатизируются растенія обѣихъ Индій. Въ Оротавѣ же путешественники видѣли знаменитое драконовое дерево (изъ роду лилейныхъ растеній), принадлежащее къ древнимъ произрастеніямъ нашей земли, но до сихъ поръ приносящее ежегодно цвѣты и плоды; ему считаютъ до 1000 лѣтъ. Есть деревья еще древнѣйшія, какъ напримѣръ, баобабъ, или обезьяновое хлѣбное дерево, *adansonia digitata*, находящееся на одномъ изъ острововъ Зеленаго мыса: ему полагаютъ уже слишкомъ 5150 лѣтъ; существуютъ еще деревья, имѣющія 6000 лѣтъ, возрастъ цѣлаго человѣчества, еще юнаго на землѣ, сравнительно съ исторіей земной коры и съ исторіей организмовъ. Гумбольдтъ и Бонпланъ подымались на вершину Тенерифскаго пика, или Тейды; она состоитъ изъ потухшаго волкана, и верхній конусъ ея, возвышающійся на 11,454 футовъ надъ моремъ, называется питономъ. Блестящіе шлаки, огарины (земляный сокъ) и лавы покрываютъ вершину пика; поросты едва начинаютъ расти на нихъ и работать надъ ихъ разложеніемъ. Съ этой вершины до самого моря можно слѣдовать за разными поясами растеній, рѣзко отличающимися одинъ отъ другого и дающими особенную физіономію всей растительности Тенерифы. Здѣсь на высотѣ 10,440′, покрытой въ Пиренеяхъ, еще вѣчнымъ снѣгомъ, встрѣчаются уже злаки и фіялки. Здѣсь въ высокихъ углубленіяхъ (5880 — 10380′), прорытыхъ нагорными потоками, ростутъ кусты шильныхъ растеній, драковъ, *Retama*, покрытыхъ цвѣтами и образующихъ собой какъ бы оазы среди золистыхъ пустынь; ниже (4080—5880′) слѣдуетъ поясъ папоротниковъ и древообразныхъ вересковъ, хвойныхъ и сосновыхъ деревъ съ длинными, твердыми листьями по два и по три въ одномъ влагалищѣ. Ярко-зеленыя лѣса ежевики и лавровъ занимаютъ влажныя мѣста (2580—4080′). Съ ними ростутъ желѣзныя и другія вѣчно зеленыя деревья, увитыя плющемъ, миртами и разными вьющимися растеніями; этотъ поясъ отдѣляетъ хвойныя деревья отъ скатовъ, покрытыхъ виноградниками, плодоносными деревьями, зерновымъ хлѣбомъ (1200 — 2580′); нако-

нецъ послѣдній поясъ, омываемый океаномъ, покрытъ африканскими формами, отличающимися голубовато-зеленымъ цвѣтомъ своихъ листьевъ; къ этому поясу принадлежатъ драконовыя деревья съ своими нагими, скрученными стволами, древообразные молочаи, финики, бананы, смоковницы, сахарный тростникъ. Только два послѣдніе пояса обработываются; съ плодоносными деревьями и зерновыми хлѣбами Европы здѣсь могутъ рости хлѣбное дерево Отаити, корица молуккскихъ острововъ, кофе Аравіи и какао Америки. Весь островъ представляетъ поясъ изъ лѣсовъ ежевики, лавровъ и пихтъ, обработанный людьми только съ одного края; изъ середины же подымается нагая, каменистая земля, порожденіе волканической силы; вершины ея, растреснувшіяся или разъѣденныя водами, мѣстами покрыты кустарниками и цвѣтами. Только на островѣ Тенерифѣ ростутъ кустарники ретамы; другіе острова канарской группы: Фортавентура, Канарія, Пальма, Лансерота, Гомера, Ферро, за исключеніемъ Пальмы, ниже того предѣла (6000′), до котораго достигаетъ это растеніе. Восточные острова — Лансерота и Фортавентура представляютъ равнины, мало возвышеній; на нихъ дуютъ все тѣ же вѣтры, всегда въ томъ же направленіи, и въ зыбучихъ пескахъ ихъ ростутъ молочаи и другія растенія африканскихъ пустынь, служащія пищей верблюдамъ; западная группа острововъ имѣетъ болѣе пріятный климатъ и болѣе возвышенную почву, орошаемую водой, покрытую лѣсами и способную къ обработкѣ.

Тенерифскій пикъ, или Тейда (*Echeyde*, адъ), есть отдѣльный кегель, подымающійся на небольшой плоскости; вершина кегеля образуетъ другую плоскость, на которой находится кратеръ, жерло; изъ него наконецъ подымается золистый кегель, Питонъ, сахарная голова. Пикъ имѣетъ въ окружности 324,000′; высота же его, имѣя 11,454′, составляетъ $^1/_{28}$ всей окружности; высота Везувія (3630′) равна $^1/_{55}$ своей окружности, высота Этны составляетъ $^1/_{54}$ ея окружности. Золистый кегель Везувія составляетъ $^1/_3$ всей высоты его, золистый кегель Тенерифскаго пика (504′) только $^1/_{22}$ его высоты, несмотря на то, что Везувій въ три раза ниже пика. Это доказываетъ, что изверженія Тенерифскаго пика шли нестолько изъ середины жерла, въ которомъ образуется обыкновенно золистый кегель, сколько изъ боковыхъ разсѣлинъ его. Форма и физіономія волкана открываютъ способъ его происхожденія, силу его дѣятельности. На высотѣ пика, куда съ большимъ трудомъ добрались наши путешественники, воздухъ былъ такъ прозраченъ, что можно было различать внизу, у подошвы горы, дома, стволы деревъ, паруса; тогда былъ конецъ іюня; вѣтеръ дулъ съ востока и стоградусный термометръ показывалъ въ тѣни 2°,7; руки и лицо мерзли, въ то время, когда золистая земля сжигала обувь. Едва путешественники опустились къ песчаному поясу ретамъ, какъ термометръ вдругъ поднялся до $21^1/_2{}^0$.

Посѣщеніе Гумбольдтомъ Тенерифскаго пика и впослѣдствіи его изслѣдованія Андовъ, вмѣстѣ съ странствованіями Леопольда фонъ Буха по Скандинавіи, показали всю значительность огненныхъ, волканическихъ дѣйствій при образованіи земной коры и всю одно-

сторонность нептунической теоріи Вернера. Леопольдъ фонъ Бухъ въ 1815 году осмотрѣлъ канарскіе острова, доказалъ волканическое происхожденіе ихъ, различилъ кратеръ или жерло поднятія отъ кратера или жерла самого изверженія и этими розысканіями проложилъ новые пути для геологіи. Земная кора, размягчаемая внутреннимъ огнемъ, подымается куполами порфира, холмами базальта; разверзшись, эти куполы и холмы даютъ выходъ волканамъ, покрывающимъ ихъ своими лавами. Выходящія изъ земли размягченныя или расплавленныя земныя массы (лавы), смотря по бо́льшей или ме́ньшей степени давленія, которому онѣ подчиняются, смотря по быстрому или медленному отвердѣнію или охлажденію своему, получаютъ болѣе или менѣе кристаллическое, или плотное сложеніе, получаютъ то ноздреватый, то шлаковый видъ. Такъ горныя породы порфира, базальта кристаллизировались подобно сахару; тѣ же горныя массы, которыя неуспѣвали кристаллизироватся, внезапно охлаждаясь, остеклялись, становились *обсидіаномъ*, чернымъ стекловиднымъ камнемъ; изъ обсидіана, раздуваемаго, разлагаемаго огнемъ и парами, произошла скважинистая, волокнистая масса — *пемза*. Старые базальты окружаютъ Тенерифскій пикъ до высоты 3000–3500′; между ними и верхними, новыми лавами находятся слои туфа и глины нептуническаго происхожденія, показывающіе въ промежуткахъ волканическаго покоя дѣятельность водъ, разлагающихъ, носящихъ съ собой, опускающихъ изъ себя и связующихъ земляныя вещества. Большая плоскость шильныхъ травъ, ретамы отдѣляетъ черныя, землистыя, базальтовыя лавы, отъ верхнихъ, стекловидныхъ, полевошпатовыхъ лавъ съ основой изъ обсидіана, смоляного камня (пехштейна, ретинита) и звонкаго камня (фонолита, клингштейна). Бѣлая пемзовая зола, окружающая Питонъ и равнину ретамъ, доказываетъ прежнюю дѣятельность волкана; эта зола показывается всегда у самого жерла волкана, подымается вмѣстѣ съ парами и заключаетъ своимъ появленіемъ всякое изверженіе. Черные же рапили, или обломки скважистыхъ лавъ, идутъ здѣсь до самого морскаго берега. На тенерифскомъ пикѣ находится въ большомъ обиліи обсидіанъ. Вмѣстѣ съ двумя другими камнями, нефритомъ или почечнымъ камнемъ (*jade*) и лидійскимъ камнемъ (разложившійся глиняный сланецъ, приведенный въ твердое состояніе кремноземомъ), обсидіанъ издревле служилъ для дѣланія оружія народамъ, незнавшимъ употребленія желѣза и бронзы. Гуаны, древніе жители Канарскихъ острововъ, какъ и древніе Мексиканцы, дѣлали изъ обсидіана ножи, мечи, острія копій, даже различныя украшенія; жители Квито приготовляли изъ этого камня зеркала.

Всѣ Канарскіе острова можно полагать находящимися на одномъ подводномъ *центральномъ* волканѣ; изъ него подземный огонь пробивается то сквозь одинъ, то сквозь другой островъ; также точно гористая часть Квито въ южной Америкѣ составляетъ одинъ огромный волканъ, занимающій пространство въ 400 квадр. миль и извергающій пламя особенными жерлами: Котопахи, Тунгурагуа и Пичинчи. Между Канарскими островами только на Тенерифѣ находится

огромная пирамида, выходящая изъ середины острова, оканчивающаяся жерломъ и дѣлающая изверженія лавы изъ боковъ своихъ, въ длинные промежутки времени; этотъ островъ можно считать главнымъ пунктомъ волканической дѣятельности всей группы Канарскихъ острововъ. Самое же жерло Тенерифскаго пика находится въ покоѣ уже нѣсколько вѣковъ, хотя уже въ историческія времена оно извергало пламя; жерло Везувія въ 1611 году покрывалось уже кустарникомъ, обращалось въ лѣсистую, котловидную долину; двадцать лѣтъ спустя, послѣдовало изверженіе и волканъ сдѣлался опять дѣятельнымъ, какъ за вѣкъ до того, въ 1500 году. Чѣмъ выше огнедышащая гора, тѣмъ продолжительнѣе время ея покоя; невысокій Стромболи липарскихъ острововъ — въ неумолкающей дѣятельности, но рѣже взрывы Везувія, еще рѣже случаются они на Этнѣ и гораздо рѣже на Тенерифскомъ пикѣ. Почти вѣкъ (92 года) молчала Тейда, какъ вдругъ въ 1798 году открылось въ горѣ боковое изверженіе; въ этотъ промежутокъ времени Везувій сдѣлалъ шестнадцать изверженій. Изверженія изъ самой вершины Тейды быть можетъ избавили бы островъ отъ сильныхъ, разрушительныхъ боковыхъ взрывовъ и всю группу Канарскихъ острововъ отъ страшныхъ землетрясеній. На островѣ Пальмѣ происходили изверженія на разныхъ мѣстахъ, то изъ вновь разверзшихся, поднявшихся жерлъ, то изъ малыхъ отверстій, выбрасывающихъ огарины и золу. На Лансеротѣ землетрясенія и потоки лавы разрушили въ 1730 году лучшую часть острова; продолжавшіяся послѣ того землетрясенія заставили жителей спасаться на другой островъ Фортавентуру; въ это время изъ моря подымались столбы дыма, изъ воды выходили заостренныя скалы, соединившіяся потомъ въ своемъ накопленіи, съ островомъ; сто лѣтъ спустя, въ 1824 году, тамъ повторилось волканическое изверженіе, изъ нѣсколькихъ внезапно разверзшихся отверстій, соединившихся въ три кратера или жерла поднявшихся кегелями. На Тенерифѣ вслѣдъ за землетрясеніемъ 1704 года сдѣлалось боковое огненное изверженіе въ Тейдѣ; въ 1705 году лава, вышедшая изъ другого отверствія, покрыла цѣлую долину; въ 1706 году новое изверженіе уничтожило самую посѣщаемую въ то время гавань острова и окруженный лавровымъ лѣсомъ цвѣтущій городъ Гарачино. Въ нѣсколько часовъ лава снесла растенія и дома, наполнила собой гавань и обратила ее въ большой мысъ; вмѣсто исчезнувшихъ деревъ, ручьевъ, города, кораблей, тамъ появились однѣ огарины, остеклованные камни да хижины рыбаковъ, отважившихся возвратиться на родное мѣсто; боковое изверженіе 1798 года, къ счастію, покрыло лавой необработанныя мѣста; оно продолжалось три мѣсяца и шесть дней; лавы и огарины извергались изъ четырехъ отверстій и поднялись въ своемъ накопленіи до четырехъ туазовъ вышины; обломки скалъ взбрасывались на высоту 3000′. Таковы дѣйствія волканической силы, работающей и теперь еще подъ землей!

Древніе переносили счастливыя страны земли то на сѣверъ, за Рифейскія горы, за Уралъ, то искали ихъ на югѣ, въ Африкѣ за Циренаикой, то наконецъ переносили ихъ на западъ, за столбы Гер-

кулесовы, гдѣ оканчивался извѣстный древнимъ міръ. Ихъ счастливые острова неопредѣлялись особеннымъ мѣстомъ, точно такъ, какъ Эльдорадо, золотая земля, первыхъ завоевателей Америки. Канарскіе острова могли быть извѣстны Финикіянамъ, Карѳагенцамъ, но только Римляне временъ Августа получили о нихъ нѣкоторое понятіе, приложили къ нимъ непосредственное названіе счастливыхъ острововъ, *insulae fortunatae*. Подземныя силы, созидавшія и разрушавшія эти острова, дѣйствовали на нихъ насильственно неменѣе самихъ людей, истреблявшихъ тамъ другъ друга. Въ половинѣ XIV вѣка Норманны начали завоеваніе Канарскихъ острововъ, Португальцы продолжали его въ XV вѣкѣ, наконецъ Испанцы совсѣмъ завладѣли ими. Туземцы Гуаны, вѣроятно происходившіе изъ Мавританіи, долго, упорно сопротивлялись; въ XV вѣкѣ, въ вѣкѣ географическихъ открытій, торговые народы искали невольниковъ на Канарскихъ островахъ, какъ теперь достаютъ ихъ съ африканскихъ береговъ, изъ Гвинеи, несмотря на строгую морскую полицію европейскихъ державъ, запрещающихъ торгъ невольниками. Въ то время, когда набожность прикрывала корыстные виды, смуглые Гуаны и черные негры продавались на рынкахъ Севильи, какъ некрещеные. На островахъ чего неистребили война и рабство, то унесла чума; Гуаны убивали себя и дѣтей своихъ, чтобы избѣжать рабства, но, враждуя между собой, продавали плѣнныхъ общимъ врагамъ своимъ; въ началѣ XVII вѣка исчезъ совсѣмъ этотъ народъ. Послѣ открытія Америки изъ Гуановъ хотѣли дѣлать тоже райское, невинное племя, которое въ концѣ XVIII вѣка думали находить между обитателями острововъ южнаго моря — Отаити и Маріанскихъ. Переработывающаяся образованность, недовольная собой или слабѣющая въ мукахъ новаго рожденія, ищетъ свои идеалы въ какомъ-то баснословномъ первобытномъ прошедшемъ, забывая свое призваніе — приготовлять свое будущее. Слѣдуя преданіямъ, сохранявшимся между Гуанами, великій духъ создалъ сперва благородныхъ и отдалъ имъ всѣхъ козъ на землѣ; потомъ онъ создалъ и низкій, простой народъ, и такъ какъ всѣ козы были уже розданы, то простымъ людямъ осталось только служить благороднымъ и работать за нихъ; благородный, своими руками унизившійся доить корову, лишался своего званія. Канарскіе острова, лежащіе на пути въ обѣ Индіи, были весьма важны для Испанцевъ; эти послѣдніе упорно отстаивали ихъ отъ нападеній Голландцевъ, Англичанъ и Берберовъ Африки. Теперешніе Канарцы — испанскаго происхожденія, отчасти и норманскаго; они имѣютъ безпокойный, предпріимчивый духъ и отправляются искать счастія на Филиппинскіе острова, на Маріанскіе, или воровьи, въ восточную Индію и въ испанскія колоніи Америки.

Изъ тенерифской гавани Санта-Крузъ наши путешественники продолжали свое плаваніе къ Америкѣ все путемъ Коломба; они прошли поворотный кругъ Рака; здѣсь начали вѣять постоянные вѣтры отъ востока на западъ, неся ихъ къ Антильскимъ островамъ. По ту сторону Америки, изъ Мексики, отъ Акапулко, можно плыть по всему южному морю, къ Филиппинскимъ островамъ, нетрогая парусовъ,

какъ бы внизъ по рѣкѣ. Потоки бороздятъ океанъ въ разныхъ направленіяхъ, подобно рѣкамъ, служа для сообщенія между народами. Нетакъ легко возвращаться изъ Америки въ Европу; для этого необходимо слѣдовать за тѣмъ же идущимъ къ Америкѣ потокомъ Атлантическаго океана, который возвращается опять къ Европѣ, обходитъ опасные своими подводными камнями Бермудскіе острова и болѣе высокими широтами обращается къ Азорскимъ островамъ. Гумбольдтъ проходилъ здѣсь мимо тѣхъ же колеблемыхъ вѣтромъ луговъ, образованныхъ на океанѣ морскими водорослями, которые такъ сильно занимали Коломба. Эти водоросли, вареки, *fucus natans*, достигающіе длины 800′, пускаютъ корни свои вѣроятно въ подводныхъ скалахъ, быстро ростутъ и замѣщаютъ то, что̀ унесъ потокъ или сорвали морскія животныя. Летучія рыбы падали на палубу корветы; особенное развитіе плавательныхъ пузырей и жабръ позволяетъ имъ подыматься надъ поверхностью моря отъ преслѣдующихъ ихъ въ водѣ дорадъ, золотыхъ рыбокъ; подымаясь, въ воздухѣ летучія рыбы становятся добычей морскихъ птицъ, схватывающихъ ихъ на лету. Море, какъ и земля, какъ и воздухъ, кипитъ жизнію. Далѣе наши путешественники встрѣтили обломки разбитаго корабля; вракъ его покрывали плавающіе водоросли, и онъ оставался печальнымъ свидѣтелемъ нѣкогда вмѣщавшихся въ немъ людей. За поворотнымъ кругомъ небо начало представлять другую картину: знакомыя звѣзды все ниже и ниже опускались и исчезали; появлялись новыя большія группы звѣздъ; разсѣянные планетные туманы свѣтились, какъ млечный путь; между ними оставались промежутки совсѣмъ черные безъ всякихъ звѣздъ; поднялось созвѣздіе корабля Арго, показались магеллановы облака; небо приняло наконецъ въ этихъ тропическихъ широтахъ совсѣмъ другую физіономію, совсѣмъ другой видъ. Въ ночи съ 4-го на 5-ое іюля подъ 16° сѣв. шир. показалось въ первый разъ созвѣздіе южнаго креста; Гумбольдтъ наконецъ созерцалъ эти звѣзды южнаго неба, къ которымъ стремился въ мечтахъ своей юности. Вблизи Антильскихъ острововъ, на корветѣ Пизарро открылась злая лихорадка; съ близкихъ береговъ начиналъ уже дуть сильный вѣтеръ, начинали падать крупныя капли тропическаго дождя. Капитанъ корветы опасался быть слишкомъ далеко отнесеннымъ на югъ отъ устья Ориноко, котораго воды, по мнѣнію нѣкоторыхъ, проникаютъ въ морѣ на 60 миль, измѣняя на такомъ разстояніи его соленость и цвѣтъ. Тогдашнія карты были невѣрны, и капитанъ незналъ положительно, на какой сторонѣ онъ находится, — старался приблизиться къ острову Табаго, чтобы между имъ и Тринидадомъ войти въ Антильское море. Показавшійся островъ Табаго представлялъ кучу скалъ хорошо обработанныхъ; бѣлизна камней живо выставляла зелень высокихъ, цилиндрическихъ, факельныхъ волчцовъ, покрывавшихъ вершины скалъ; кактусы точно также характеризируютъ новый свѣтъ, какъ вереск старый. Смерть одного юноши на кораблѣ, болѣзнь, свирѣпствовавшая на немъ, заставляли путешественниковъ желать поскорѣе оставить корабль, выйти на берегъ въ Куманѣ, чтобы оттуда

уже искать потомъ новаго случая переѣхать въ Кубу и Мексику. Это рѣшеніе опредѣлило дальнѣйшія путешествія Гумбольдта и Бонплана; оно позволило имъ свыкнуться съ новой природой въ сухомъ и здоровомъ климатѣ Куманы, увидѣть степи, льяносы южной Америки, достигнуть Ориноко, проникнуть по этой рѣкѣ до Ріо-Негро, текущаго въ рѣку Амазонокъ, изучать родину тѣхъ растеній, которыя въ теплицахъ Вѣны и Шёнбруна обворожали Гумбольдта. На пути къ Куманѣ показались нагіе берега острова Маргариты; отъ отражающихся лучей они казались волнующимися; подъ всѣми широтами, нагія, песчаныя пустыни принимаютъ этотъ видъ колеблющагося моря; у береговъ показались лодки съ индѣйцами; красный, мѣдный цвѣтъ индѣйцевъ придавалъ имъ вдали видъ бронзовыхъ статуй. Ихъ позвали, желая узнать отъ нихъ, куда держаться, чтобы войти въ куманскую пристань; лодки индѣйцевъ были выдолблены изъ одного древеснаго ствола, сами они принадлежали къ племени Гвайкверіевъ, которое вмѣстѣ съ Каранбами составляетъ самое красивое племя американской породы и принадлежитъ къ цивилизированнымъ индѣйцамъ, живущимъ на островѣ Маргариты и въ предмѣстьяхъ Куманы. Короли испанскіе въ грамотахъ своихъ называли ихъ своими любезными, благородными и вѣрными Гвайкверіями. Встрѣченные индѣйцы, оставившіе только въ прошлую ночь Куману, ѣхали къ берегамъ, богатымъ кедровыми лѣсами, за плотничьимъ деревомъ, и немедленно снабдили путешественниковъ свѣжими кокосовыми орѣхами и удивительнаго цвѣта рыбой изъ фамиліи щетинозубовъ (хоэтодоновъ). Бѣдныя лодки индѣйцевъ заключали сокровища для утомленныхъ мореплавателей; особенное вниманіе послѣднихъ привлекали лежащія въ лодкахъ вѣтви съ бананами, покрытыя огромными листьями геликоній, чешуйчатые покровы армадиллей, плоды *Crescentia Cujeta*, служащіе посудой туземцамъ,—всѣ эти предметы, украшающіе европейскіе музеи, здѣсь столь обыкновенные, имѣли особенную прелесть для путешественниковъ. Патронъ одной изъ лодокъ взялся быть кормчимъ на корветѣ; она скоро миновала небольшой оставленный островъ Кубагуа, бывшій нѣкогда знаменитымъ ловлей жемчужинъ, продававшихся въ XVI вѣкѣ въ Севильѣ, Толедо, Аугсбургѣ и Брюггѣ. Чтобы днемъ войти въ гавань, капитанъ рѣшился пролавировать всю ночь; ее провелъ Гумбольдтъ на палубѣ съ индѣйскимъ кормчимъ, который оказался человѣкомъ наблюдательнымъ и ловкимъ и впослѣдствіи, въ продолженіи шестнадцати мѣсяцовъ, служилъ проводникомъ Гумбольдту и Бонплану. Гвайкверій разсказывалъ на палубѣ о животныхъ и растеніяхъ своей земли, о близь лежащей холодной, горной странѣ, о разныхъ крокодилахъ, боа, электрическихъ угряхъ и тиграхъ. 16-го іюля 1799 года, черезъ сорокъ одинъ день послѣ отъѣзда изъ Коруны, путешественники увидѣли зеленые берега и въ туманной дали горы Новой Андалузіи. Городъ и замокъ Куманы показались между группами кокосовыхъ деревьевъ.

Во время переѣзда изъ Испаніи въ Куману, Гумбольдтъ, неподверженный морской болѣзни, могъ сдѣлать рядъ остроумныхъ и ин-

тересныхъ физическихъ наблюденій. При произведеніи наблюденій, кромѣ точности и проницательности, требуется еще искусство группировать явленія, связывать ихъ между собой, дѣлать сближенія съ родственными имъ другими явленіями. Гумбольдтъ, въ высшей степени одаренный качествами искуснаго наблюдателя, всегда умѣлъ самымъ сухимъ повидимому предметамъ придать особенную занимательность и высокій интересъ. Замѣчая отъ испанскихъ береговъ до Куманы возвышеніе въ температурѣ отъ 10° до 25° тепла, Гумбольдтъ различалъ температуру на открытомъ морѣ и температуру на землѣ; въ послѣднемъ случаѣ опять онъ отдѣлялъ температуру приморскихъ странъ отъ температуры мѣстъ, находящихся внутри земель; такъ изъ двухъ мѣстъ, находящихся подъ одной широтой, каковы напримѣръ Эдинбургъ и Москва, первый имѣетъ среднюю температуру, лѣтомъ въ 15°,10 тепла, зимой въ 3°,4 холода, а вторая лѣтомъ, среднимъ числомъ 19°,51 тепла, а зимой 11°,8 холода; Эдинбургъ свѣжѣе лѣтомъ и теплѣе зимой, Москва жарче лѣтомъ и холоднѣе зимой. Во время морского пути, отъ Испаніи до Куманы, между 43° с. ш. и 10° с. ш., температура воздуха на Атлантическомъ океанѣ, отъ Коруны до Канарскихъ острововъ поднялась отъ 10° до 18° стоградуснаго термометра; отъ Тенерифы до Куманы она возвышалась медленнѣе — отъ 18° до 25°. Жарчайшій день былъ замѣченъ въ концѣ іюля на 10° широты южнѣе отъ поворотнаго круга Рака и дошелъ до $21^3/_{10}$° Реом. Это умѣренное состояніе атмосферы на Антлантическомъ океанѣ, несмотря на близость экватора, зависитъ отъ движенія моря и волнъ, отъ испареній и отъ свойства воды глубоко пропускать въ себя солнечные лучи, черезъ что̀ верхніе морскіе слои бываютъ менѣе согрѣты, чѣмъ подъ той же широтой поверхность земли, которая, поглощая лучи, отражаетъ ихъ отъ себя и дѣлаетъ находящійся надъ ней воздухъ болѣе нагрѣтымъ. Въ XV вѣкѣ воображали, что подъ экваторомъ море кипитъ и сильный зной долженъ сжигать тамъ корабли. Въ обоихъ полушаріяхъ температура морского воздуха, подъ поворотными кругами, рѣдко доходитъ до 31° и 32° стогр. терм., тогда какъ подъ тѣми же широтами на твердой землѣ въ Африкѣ и въ Азіи жаръ достигаетъ до 35 и 36°. Средняя температура между 10° сѣв. ш. и 10° южн. ш. на океанѣ однимъ или двумя градусами ниже средней температуры того же пояса на твердой землѣ. Эта умѣренная теплота морского воздуха производитъ на морѣ и бо̀льшую равномѣрность въ температурѣ дня и ночи, которая и на твердой землѣ подъ тропиками непредставляетъ такихъ разительныхъ противоположностей въ температурѣ дня и ночи, которыя встрѣчаются въ болѣе высокихъ поясахъ. Европеецъ, переѣзжающій изъ Европы въ южную Америку въ продолженіи своего 35 или 40 дневнаго плаванія, постепенно, медленно переходитъ къ усиливающемуся жару и свыкается съ нимъ, тогда какъ житель Мексики черезъ 16 часовъ спускается изъ возвышенныхъ плоскостей ея, изъ страны сосенъ и дубовъ, гдѣ въ полдень жаръ достигаетъ только до 4 или 5°, — въ знойную равнину кокосовыхъ деревъ Вера-Круза, подвергается опаснымъ слѣдствіямъ такого быстраго перехода изъ холода въ зной и можетъ скорѣй сдѣлаться

жертвой желтой лихорадки. Какъ теплота уменьшается отъ экватора къ полюсамъ, такъ точно она уменьшается отъ поверхности земли къ верхнимъ воздушнымъ слоямъ. Подъ 20° с. ш. средняя температура нижнихъ слоевъ воздуха составляетъ 25° стогр. термометра, подъ 48° с. ш., 10° тепла, подъ 65° с. ш. только $^1/_2{}^0$ теплоты; на каждые $1^3/_2{}^0$ широты температура измѣняется на 1 градусъ стоградуснаго термометра. Поднимаясь къ верхнимъ слоямъ воздуха, при каждыхъ 90 туазахъ возвышенія надъ поверхностью моря, теплота уменьшается на 1 градусъ. Подъ тропиками, на горахъ, гдѣ идетъ весьма правильное уменьшеніе теплоты, каждые 500 туазовъ вертикальнаго возвышенія соотвѣтствуютъ по уменьшающейся температурѣ своей 9°45′ широты отъ экватора къ полюсамъ. Отъ этого распредѣленія теплоты на высотахъ и въ равнинахъ зависитъ распредѣленіе растеній на земномъ шарѣ. Самая температура морской воды уменьшается по мѣрѣ глубины. Чѣмъ глубже вода, тѣмъ холоднѣй, ибо къ низу опускаются охлаждаемыя на поверхности болѣе тяжелыя водяныя частицы; кромѣ этого температура воды различна въ разныхъ морскихъ потокахъ, смотря потому, идутъ ли они отъ экватора, или отъ полюсовъ; атлантическій потокъ, идущій изъ Мексиканскаго залива, *Gulf-Stream*, несетъ теплую воду; потокъ, идущій у береговъ южной Америки, Чили, приноситъ холодную воду. Температура же самыхъ верхнихъ морскихъ слоевъ нѣсколько теплѣе непосредственно лежащихъ надъ ними воздушныхъ слоевъ; равновѣсіе между температурой воздуха и моря могутъ нарушать вѣтры дующіе отъ полюсовъ, самыя испаренія воды, поглощеніе ею теплоты. Кромѣ метеорологіи, Гумбольдта занимали магнитныя явленія, занимала самая синева неба. Пастухи и охотники знаютъ, что на высотахъ лазурь неба густѣетъ; только мореходецъ можетъ съ точностью слѣдовать за этими измѣненіями, всегда имѣя свой взоръ обращеннымъ къ лазурному небосклону или къ морю, на которомъ всѣ воздушныя перемѣны быстрѣе отражаются, нежели на неровной земной поверхности. Подъ всѣми широтами отъ зенита до горизонта синева неба уменьшается. Краски болѣе низкихъ странъ атмосферы всегда блѣднѣе; онѣ ослабляются испареніями, разсѣивающими лучи свѣта. Вездѣ въ равнинахъ, чѣмъ чище становится воздухъ, тѣмъ онъ принимаетъ болѣе темный цвѣтъ, но недоходитъ до яркой, темной лазури высотъ. Соссюръ изобрѣлъ инструментъ для измѣреній небесной синевы — ціанометръ, на которомъ изображены синіе цвѣта, въ постепенномъ переходѣ ихъ отъ свѣтло-голубого до темно-синяго и чернаго, отъ 0 до 52 нумера. Гумбольдтъ нашелъ, что синева неба отъ Испаніи до южной Америки вообще сгустилась, что небо въ жаркихъ поясахъ темнѣе, нежели въ умѣренномъ, и на открытомъ морѣ блѣднѣе, нежели на твердой землѣ подъ тѣми же широтами; въ сухихъ степяхъ Венезуелы небо имѣло еще болѣе темную лазурь, нежели на океанѣ, подъ тропиками. Цвѣтъ самого моря казался бо́льшею частію зеленымъ, переходя отъ ультра-марина до изумруднаго. Онъ измѣнялся при самомъ ясномъ небѣ, своенравно принималъ то густо-синій цвѣтъ индиго, то опять темнозеленый, то наконецъ темносѣрый,

аспидный. Цвѣтъ неба невсегда имѣлъ вліяніе на морскія краски: океанъ иногда синѣлъ при небѣ, покрытомъ бѣлыми легкими облаками, хотя и при хорошей погодѣ. Вообще же подъ тропиками цвѣтъ моря, какъ и воздуха, темнѣе и ярче, нежели въ умѣренныхъ поясахъ.

Южная Америка, къ берегамъ которой пристalъ Гумбольдтъ, чтобы вновь открыть ее ученому свѣту, представляетъ, подобно Африкѣ и Новой Голландіи, большой треугольникъ и какъ онѣ находится на южной половинѣ земного шара. Развитіе береговъ въ отношеніи цѣлаго пространства въ этой части свѣта нестоль значительно, какъ въ Европѣ или въ сѣверной Америкѣ. Одна миля береговъ считается въ Европѣ на каждыя 31 квадр. милю пространства, въ сѣверной Америкѣ на каждыя 57 квад. миль, въ южной Америкѣ на 91 к. м., въ Азіи на 100 к. м., наконецъ въ Африкѣ на каждыя 142 квадр. м. Южная Америка, видомъ своимъ сходствуя съ сомкнутой со всѣхъ сторонъ Африкой, отличается отъ нея образованіемъ своихъ горъ и рѣкъ. Африка имѣетъ на югѣ обширную возвышенную плоскость, — южная Америка во всю длину свою узкій, высокій горный поясъ; та имѣетъ на сѣверѣ сухія, пустынныя равнины, эта роскошныя своими произрастеніями степи. Африка однообразна въ своихъ береговыхъ очертаніяхъ, однообразна въ своемъ пластическомъ развитіи въ вышину и ширину, остается и теперь еще, какъ и за тысячелѣтія, землей загадокъ и диковинъ и теперь еще закрыта въ своей внутренности, — южная же Америка, принявъ въ себя сѣмена европейской образованности, раскрылась со всѣхъ сторонъ, вошла теперь въ составъ исторіи человѣчества, связана уже нераздѣльно, неотъемлемо съ ходомъ и судьбами человѣческой цивилизаціи. Развитіе южной Америки въ горизонтальномъ и вертикальномъ отношеніяхъ, собственная пластика почвы, представляетъ слѣдующія пропорціи: $^1/_4$ всего пространства покрыта горными хребтами, горными вѣтвями или группами; $^3/_4$ пространства заняты равнинами, идущими длинными, непрерывными полосами, покрытыми злаками и лѣсами. Горы южной Америки составляютъ: Кордильеры Андовъ, береговая цѣпь Венезуелы, снѣжныя горы Санта-Марты въ новой Гренадѣ, горная группа Париме у верхняго Ориноко, въ Гвіанѣ и бразильскія горы. Равнины начинаются на сѣверѣ между кордильерами Чоко и Кунданамарки, продолжаются оттуда травяными степями, около береговъ Ориноко, далѣе идутъ густыми лѣсами у рѣки Амазонокъ и распространяются опять травяными степями по рѣкѣ Лаплатѣ и въ Патагоніи. Величайшая горная цѣпь Америки, Кордильеры Андовъ, идетъ по меридіану; она непохожа ни на центральную горную цѣпь Альповъ, имѣющую двойные отклоны къ Германіи и къ Италіи, ни на Гималаю, составляющую край возвышенной плоскости Тибета и имѣющую только одинъ отклонъ къ югу, къ Индіи, только одну сторону обработанную; Анды составляютъ колоссальную цѣпь, подошва которой съ одной стороны непосредственно опускается въ Тихій океанъ; другая же, восточная сторона идетъ къ Атлантическому океану, постепенно понижаясь. Не однѣ отдѣльныя вершины характеризируютъ горы, ихъ физіономію выражаютъ: высота горнаго хреб-

та, увѣнчаннаго тѣми вершинами, форма этого хребта, отклоны его и высота проходовъ, ущелій или прорывовъ горнаго хребта. Анды образуютъ длиннѣйшую горную цѣпь на землѣ: она начинается отъ острова Діэго Рамиреца у мыса Горна въ южной Америкѣ и тянется до полярныхъ береговъ сѣверной Америки. Бо́льшая половина Андовъ принадлежитъ южной Америкѣ, въ которой ширина ихъ въ отношеніи длины незначительна и составляетъ $^1/_{60}$ всей длины, тогда какъ ширина Альповъ составляетъ $^1/_5$ всей ихъ длины. До 20° южн. шир., до залива Арики Кордильеры идутъ отъ юга на сѣверъ, отсюда они обращаются на сѣверо-западъ и развѣтвляются на двѣ и на три параллельно идущія цѣпи, соединенныя горными узлами, и образуютъ такимъ образомъ высокія долины. Къ сѣверу эти вѣтви съ одной стороны идутъ понижаясь къ Панамскомуперешейку, съ другой расходятся къ Карибскому морю и на востокѣ соединяются съ горами Венезуелы. На сѣверѣ отъ этихъ послѣднихъ между рѣкой Магдалены и Маракаибскимъ моремъ поднимаются снѣжныя вершины Санта-Марты. Горная группа Париме еще неизвѣстна въ срединѣ своей; изъ нея вытекаетъ Ориноко, въ нее переносили, до самаго послѣдняго времени, несуществующее озеро Париме, въ ней нѣкогда искали баснословную золотую землю, Эльдорадо. Между гранитными и гнейсовыми массами этихъ горныхъ группъ находящіяся равнины и саваны непредставляютъ однообразія и непрерывныхъ степей нижняго Ориноко, рѣки Меты и Буэносъ-Айреса; въ тѣхъ равнинахъ и саванахъ не одни холмы состоятъ изъ гранита, онъ выходитъ наружу на самой плоскости почвы и непокрытъ тамъ никакими другими горными породами. Бразильскія горы, отдѣляясь рѣкой Амазонокъ отъ горъ Париме и равнинами Лаплаты отъ Андовъ, представляютъ ряды невысокихъ цѣпей, оканчивающихся холмами на западѣ; въ этихъ горахъ находятся округи, богатые алмазами – Голконда новаго свѣта. Вообще въ южной Америкѣ горы, лежащія на востокъ отъ Андовъ, въ три раза ниже этихъ послѣднихъ, нестоль богаты благородными металлами, непмѣютъ недавнихъ слѣдовъ огненной подземной дѣятельности и за исключеніемъ береговой цѣпи Венезуелы менѣе подвержены землетрясеніямъ. Между этими горами находятся углубленія, степи, идущія въ непрерывной связи отъ береговой горной цѣпи Венезуелы до Патагоніи. Вмѣстѣ съ плоскостями сѣверной Америки, спускающимися терасами къ рѣкѣ Миссисипи и къ канадскимъ озерамъ, равнины Ориноко, Маранона (рѣки Амазонокъ) и Лаплаты суть богатѣйшія и самыя влажныя на землѣ; это обиліе воды отличаетъ ихъ отъ сухихъ степей Азіи и пустынь Африки. Эти равнины, злачныя степи, саваны, льяносы, пампасы, травяныя моря, различно называемыя въ различныхъ мѣстахъ, составляютъ у рѣки Амазонокъ, или Маранонъ центральный бассейнъ южной Америки и величайшую равнину ея. Тропическіе дожди, жаркій и вмѣстѣ влажный климатъ развиваютъ здѣсь растительность въ силѣ и роскоши, въ какихъ она едва ли гдѣ находится въ другомъ мѣстѣ на землѣ. Густые лѣса отличаютъ эту центральную часть отъ болѣе травяной растительности сѣверныхъ льяносовъ Ориноко и южныхъ пампасовъ Лаплаты, Буэносъ-Айреса и

Патагоніи. Здѣсь у рѣкъ, несущихъ свои воды, по особенному наклоненію почвы, вмѣстѣ въ рѣку Амазонокъ и въ Ориноко, у Ріо-Негро и у рѣки Кассиквіары, разсѣянныя гранитныя скалы покрыты символическими письменами и изображеніями, свидѣтельствующими объ исчезнувшей въ тѣхъ странахъ древней цивилизаціи; для блуждающихъ тамъ племенъ дикихъ Индѣйцевъ смыслъ этихъ изображеній потерянъ, скрывается въ темныхъ преданіяхъ. Отъ юго-западныхъ скатовъ бразильскихъ горъ до Магеланова пролива простираются пампасы Лаплаты и равнины Патагоніи; тѣ части этого обширнаго бассейна, которыя идутъ отъ восточнаго берега Америки къ рѣкѣ Парагваю, непредставляютъ такой ровной плоскости, какъ части, находящіяся на западѣ и на юго-западѣ отъ Ріо Лаплаты и преимущественно называемыя пампасами.

Замѣчательнѣйшія страны этой части свѣта изслѣдовалъ Гумбольдтъ; черезъ горную цѣпь Венезуелы онъ проникнулъ къ льяносамъ Ориноко, по рѣкѣ Ориноко поднялся къ мѣстамъ, гдѣ рѣка Негро, текущая въ рѣку Амазонокъ, отдѣляетъ отъ себя рукавъ, рѣку Кассиквіару, впадающую въ рѣку Ориноко, и этимъ представляетъ удивительное натуральное водяное сообщеніе двухъ большихъ рѣкъ; потомъ Гумбольдтъ посѣтилъ островъ Кубу, возвратился оттуда опять въ южную Америку, поднялся вверхъ по другой большой рѣкѣ, рѣкѣ Магдалины, къ Андамъ, изучалъ ихъ хребты, долины, волканы, изъ Андовъ преслѣдовалъ теченіе рѣки Амазонокъ и, возвратившись опять къ нимъ, по другому отклону ихъ спустился къ южному морю, переѣхалъ по немъ въ Мексику, чтобы бросить тотъ же свѣтлый взглядъ и на эту часть Америки.

Когда путешественники вошли въ заливъ Каріако и приближались къ Куманѣ, ихъ вниманіе привлекали группы кокосовыхъ деревъ, поднимавшихся надъ окрестной равниной, усѣянной кустами кассій и древообразныхъ мимозъ (акацій), подобно пиніямъ Италіи, распространявшихъ въ видѣ зонтиковъ вѣтви свои. Ослѣпительный свѣтъ въ воздухѣ, на вѣчно тихихъ водахъ залива, котораго берега населяли бурые пеликаны, или алкатрасы, цапли и фламанги, на бѣловатыхъ ближайшихъ холмахъ, покрытыхъ цилиндрическими кактусами, этотъ блескъ дня, пестрыя перья птицъ, особенная форма растеній, яркость ихъ красокъ, — все открывало великій характеръ природы равноденственныхъ странъ. Кумана, главный городъ новой Андалузіи, лежитъ нѣсколько подалѣе отъ пристани у подошвы обнаженнаго холма; возлѣ города течетъ рѣка Мансанаресъ, выходящая изъ саванъ, и отдѣляетъ самый городъ отъ предмѣстій его, европейское народонаселеніе отъ цвѣтного индѣйскаго. Почва окрестностей Куманы состоитъ изъ гипса и брекчій (отвердѣвшихъ каменныхъ щебней). Надъ городомъ на нагомъ, бѣломъ холмѣ поднимается небольшая крѣпость. Валы крѣпостцы вмѣсто полисадъ усажены густымъ лѣсомъ опунцій и кактусовъ, достигающихъ здѣсь высоты 30 и 40 фут.; стволы ихъ, покрытые мхами, раздѣляемые на отрасли въ видѣ канделабръ, имѣютъ въ своемъ объемѣ болѣе 4 футъ и удивляютъ своимъ видомъ Европейца, знакомаго только съ кактусами теплицъ. Рвы крѣпостцы

стерегутъ крокодилы. Сухія полосы земли тропическихъ странъ Америки, покрытыя кактусами и опунціями, также непроходимы, какъ болота на сѣверѣ; путникъ, застигнутый въ тѣхъ мѣстахъ внезапно наставшей ночью, являющейся тамъ почти безъ сумерекъ, подвергается еще опасности отъ ползающихъ каскабелей, или гремучихъ змѣй, кораловъ и другихъ ядовитыхъ змѣй, посѣщающихъ эти сухія и жгучія мѣста, чтобы класть подъ пескомъ свои яйца. Послѣ дождя равнина Куманы распространяетъ особенный запахъ мускуса, свойственный въ жаркихъ поясахъ многимъ животнымъ различныхъ классовъ; остатки множества насѣкомыхъ и червей, наносимые въ равнину, распространяютъ этотъ запахъ; ребятишки, индѣйскаго племени Чаймасовъ, занимаются тогда въ равнинѣ ловлей червей, вытаскиваютъ изъ-подъ земли тысяченожекъ, или сколопендровъ, длиной отъ 18 до 19 дюймовъ, лакомятся ими, съѣдая ихъ съ большимъ удовольствіемъ. Къ морскому берегу, въ равнину холятъ прогуливаться жители Куманы; они сохраняютъ обычаи Кастиліи, пренебрегаютъ тѣнью деревъ и несажаютъ аллей. Лѣса находятся далѣе на югѣ за равниной, въ известковыхъ горахъ, откуда выходитъ рѣка Мансанаресъ и у береговъ которой тоже растутъ исполинскія деревья. Эта рѣка обиліемъ своихъ водъ и благодѣяніями своими для всего края далеко превосходитъ сопменную ей тощую рѣку Мадрита. Жители Куманы безпрестанно купаются въ рѣкѣ; мальчики почти невыходятъ изъ нея. Въ городѣ, здороваясь, мужчины и женщины, вмѣсто вопроса о погодѣ, спрашиваютъ другъ друга: «какъ холодна вода?» — Въ Куманѣ Гумбольдтъ началъ знакомиться съ тропической природой; всѣ явленія ея представляются отчетливо, противоположныя дѣйствія ея силъ отдѣляются ясно, опредѣлительно; здѣсь можно было съ точностью слѣдовать за всѣми взаимными, обратными дѣйствіями неба и земли: съ ясностью воздуха сопряжена засуха, полная обнаженность равнины, съ появившимися облаками и дождемъ опять возобновляется зелень; здѣсь можно было слѣдовать за постепеннымъ образованіемъ облаковъ, поднимающихся съ земли, несущихся къ горамъ, сбирающихся тамъ въ тучи, въ то время, когда чистое, сухое небо покоилось на равнинѣ Куманы, на противоположномъ полуостровѣ залива, на океанѣ. Заливъ Каріако, у котораго лежитъ Кумана, произошелъ отъ проникшаго во внутрь земли моря, вслѣдъ за разсѣлиной, произведенной въ землѣ подземнымъ потрясеніемъ; подземные удары здѣсь нерѣдко повторялись и море часто наводняло равнину. За 18 мѣсяцовъ до прибытія Гумбольдта въ Куману въ городѣ было землетрясеніе. Болѣе всего было памятно жителямъ землетрясеніе 1766 года: 21 октября послѣ 15-ти мѣсячной засухи землетрясеніе разрушило Куману, низвергло дома ея въ нѣсколько минутъ; подземные удары повторялись каждый часъ въ продолженіи 14 мѣсяцовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ провинціи разверзлась земля и извергла осѣрненную воду. Въ 1766 и 1767 годахъ жители Куманы бивуакировали на улицахъ и только тогда отважились вновь строить свои дома, когда подземные удары стали повторяться рѣже — по разу въ мѣсяцъ. Въ это время сильные дожди раздули рѣки, наводнили землю,

дали ей плодородіе, и когда въ Куманѣ церковными процессіями старались отклонить бѣду, тогда Индѣйцы, низкія хижины которыхъ легко выдерживали подземные удары, привѣтствовали празднествами и танцами разрушительныя силы, долженствующія, по ихъ преданіямъ, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ міра означать эпоху ихъ возрожденія. Всѣ замѣченныя въ Куманѣ землетрясенія шли горизонтальными волнами, но въ 1797 году въ Куманѣ въ первый разъ испытали вертикальное потрясеніе, снизу вверхъ, разрушившее $^4/_5$ города; страшный подземный шумъ, подобный взрыву глубокихъ минъ, сопровождалъ это землетрясеніе. Жители Куманы всегда ждутъ землетрясеній и безпрестанно наблюдаютъ разныя явленія, предвѣщающія ихъ; сильныя землетрясенія предшествуются легкими колебаніями земли и какимъ-то свистомъ, особенно знакомымъ жителямъ; они замѣчаютъ движенія домашнихъ животныхъ, преимущественно свиней, которыя своимъ безпокойствомъ открываютъ близость опасности. Вредныя газныя испаренія, часто связанныя съ этими подземными явленіями, заражаютъ травы, вмѣстѣ съ этимъ и животныхъ. Пламя, иногда показывающееся у береговъ Мансанареса и у залива во время землетрясенія, считается суевѣрными жителями блуждающей душой тирана Агвирра, нѣкогда ознаменовавшаго эти мѣста своими преступленіями. Въ этихъ мѣстахъ землетрясенія неповторяются въ опредѣленное время: эпохи ихъ возвращенія раздѣлены неровными промежутками. Куманцы полагаютъ, что холмъ, на которомъ построена ихъ крѣпостца св. Антонія, и возвышеніе, на которомъ стоитъ монастырь св. Франциска, заключаютъ въ себѣ сѣру и другія горючія матеріи, и что въ нихъ находится источникъ всѣхъ подземныхъ дѣйствій. Вернеръ и Палласъ непредполагали болѣе глубокаго очага волканической дѣятельности; Гумбольдтъ доказалъ, какъ глубоко лежитъ этотъ очагъ, показавъ связь землетрясеній съ изверженіями огнедышащихъ горъ и быстрое распространеніе волнъ потрясенія даже подъ самымъ океаномъ. Притомъ землетрясенія случаются въ различныхъ горныхъ пластахъ, и потому не какая-нибудь особенная горная порода благопріятствуетъ возбужденію или передачѣ волканической дѣятельности, хотя особенное положеніе горныхъ пластовъ внутри земли можетъ способствовать распространенію подземныхъ газовъ или останавливать ихъ. До 1797 года землетрясенія у залива Каріако были чувствуемы только на южномъ известковомъ берегу его, но съ того времени ихъ начали чувствовать и на противоположномъ берегу, на слюдяносланцовомъ полуостровѣ Араѣ, и даже мысъ этого острова сдѣлался центромъ подземныхъ, волканическихъ волненій: землетрясенія Куманы находятся въ связи нетолько съ землетрясеніями малыхъ Антильскихъ острововъ, но и съ землетрясеніями Андовъ. 4 февраля 1797 года въ Андахъ провинціи Квито случилось страшное землетрясеніе, во время котораго погибло 40,000 человѣкъ, похороненныхъ подъ развалинами обрушившихся домовъ, поглощенныхъ разверзшимися въ землѣ безднами или утонувшихъ въ внезапно появившихся озерахъ; въ это же время жители восточныхъ Антильскихъ острововъ были приведены въ ужасъ подземны-

ми ударами, продолжавшимися 8 мѣсяцовъ и переставшими только тогда, когда волканъ на островѣ Гваделупѣ извергъ пемзу, золу и сѣрные пары. Вслѣдъ за этимъ изверженіемъ, случившимся 27 сентября и во время котораго слышался далеко распространяющійся подземный шумъ, произошло 19 декабря большое землетрясеніе въ Куманѣ. Всѣ эти явленія доказываютъ тѣсную связь землетрясеній съ изверженіями волкановъ, хотя колебанія земли идутъ и распространяются далѣе видимыхъ на поверхности земли волкановъ; все доказываетъ здѣсь дѣйствіе паровъ, спертыхъ во внутренности земли, порывающихся найти себѣ выходъ сквозь горные пласты; пары эти колеблютъ землю и наконецъ вырываются сквозь волканы, чтобы исчезнуть въ воздухѣ. Часто въ Андахъ, по берегу Тихаго океана, землетрясенія быстро распространяются отъ Чили до Гваяквильскаго залива, на пространствѣ 450 миль, и подземные удары бываютъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ потрясенная земля находится далѣе отъ дѣятельныхъ волкановъ или чѣмъ менѣе на поверхности ея отдушинъ для сообщеній внутреннихъ силъ съ внѣшнимъ воздухомъ.

Первое небольшое путешествіе изъ Куманы для осмотра окружныхъ мѣстъ Гумбольдтъ и Бонпланъ сдѣлали на полуостровъ Араю; переѣзжая на него изъ Куманы, ночью, по заливу, они страдали отъ холода, хотя стоградусный термометръ показывалъ 20°, 8 тепла. Наши путешественники, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ тропическихъ странахъ, сдѣлались весьма чувствительными къ малѣйшимъ измѣненіямъ температуры. Въ Куманѣ послѣ дождя, когда опускается термометръ и показываетъ $20^1/_2{}^0$ тепла, всѣ жалуются на сильный холодъ. На оконечности полуострова Арая находится соляный заводъ; жилище начальника завода состоитъ въ висячей койкѣ, на которой онъ живетъ, спитъ, управляетъ работами и — болѣе всего — лѣнится; нѣсколько хижинъ индѣйскихъ рыбаковъ разсѣяны по берегу; другихъ заведеній нѣтъ возлѣ соляныхъ копей. Зато видъ оттуда поразительный на разсѣянные на морѣ острова на сѣверѣ и на горы, находящіяся на югѣ. Почва этого полуострова, глинистая, проникнутая обильной солью, заставила обратить на него вниманіе съ самого открытія Америки. Кажется еще Индѣйцы, питающіеся болѣе всего растеніями и изъ всѣхъ человѣческихъ племенъ наименѣе нуждающіеся въ соли, разгребали эту почву. Гумбольдтъ и Бонпланъ провели здѣсь два дни, скитаясь между индѣйскими хижинами. Богатство туземцевъ составляютъ козы, свободно пасущіяся по окрестности; каждая коза носитъ на себѣ знакъ своего хозяина, и индѣецъ, убившій неосторожно чужую козу, спѣшитъ отнести ее къ извѣстному хозяину ея; похищеніе козы есть неслыханное преступленіе: такъ эти индѣйцы, въ своемъ первобытномъ состояніи, уважаютъ право владѣнія, означенное какимъ-нибудь знакомъ на свободно-блуждающей козѣ; эта черта нравовъ — общая всѣмъ индѣйскимъ племенамъ, столько же въ южной Америкѣ, какъ и въ Мексикѣ и въ Канадѣ. Между хижинами цвѣтныхъ людей, окружающими соляныя озера, замѣшалась хижина бѣлаго, кастильянскаго башмачника; такъ какъ башмаковъ тамъ никому неудобно, то онъ занимался стрѣльбой изъ

лука птицъ, жалуясь на дороговизну пороха, заставившую такого человѣка, какъ онъ, употреблять оружіе *этихъ* индѣйцевъ; зато онъ слылъ между ними ученымъ; онъ зналъ, какъ образуется соль подъ вліяніемъ солнца и луны, умѣлъ предсказывать землетрясенія, узнавать золотыя и серебряныя руды и лекарственныя растенія, которыя онъ, какъ и всѣ колонисты отъ Чили до Калифорніи, раздѣлялъ на жаркія и на холодныя, на такія, которыя дѣйствуютъ возбудительно, и на такія, которыя успокоиваютъ; мало ли что̀ еще было ему извѣстно; но при этой сомнительной мудрости, башмачникъ могъ сообщить нашимъ путешественникамъ много любопытнаго о преданіяхъ страны, о нѣкогда процвѣтавшей тамъ ловлѣ жемчужинъ. Любя прежде всего мудрость, онъ, какъ Іовъ, презиралъ жемчугомъ Индіи; въ доказательство словъ своихъ онъ вынулъ изъ своей кожаной сумки нѣсколько мелкихъ жемчужинъ и просилъ Гумбольдта и Бонплана принять ихъ отъ него, записавъ только у себя, что имъ подарилъ бѣдный и бѣлый башмачникъ благороднаго кастильянскаго происхожденія то, что̀ по ту сторону океана покупается дорогой цѣной. Впрочемъ и у мудреца были свои заносчивыя желанія: ему бы хотѣлось имѣть осла, чтобы перевозить въ хижину бананы съ пристани.

Берега, богатые раковинами съ жемчужинами, представляютъ такой же жалкій видъ нищеты, какъ и земли, богатыя золотомъ и алмазами въ Чоко (Колумбія) и въ Бразиліи. Въ XVI вѣкѣ эти мѣста, близъ полуострова Араи, были столь же знамениты своей жемчужной ловлей, какъ въ древнемъ мірѣ берега Персидскаго залива и острова Тапробана (Цейлона). Первые испанскіе завоеватели нашли дикихъ уже съ ожерельями и нарукавниками, украшенными жемчугомъ; болѣе образованные народы Мексики и Перу высоко цѣнили жемчужины особенной, необыкновенной формы. Въ концѣ XVI вѣка жемчужная ловля у этихъ береговъ уменьшилась и въ серединѣ XVII вѣка совсѣмъ прекратилась. Венеціянцы начали въ это время искусно поддѣлывать жемчугъ, и вошедшіе въ бо̀льшее употребленіе алмазы сдѣлали жемчужную ловлю неприбыльной; притомъ и раковины, заключающія въ створкахъ своихъ жемчугъ, стали рѣже водится у этихъ береговъ, не оттого, какъ увѣряетъ народное преданіе, что эти молюски, пугаемые веслами, отправились искать убѣжища въ другихъ водахъ, но болѣе оттого, что неблагоразумно веденная ловля препятствовала имъ распложаться. Въ новое время испанская Америка доставляла еще жемчугъ торговлѣ, только изъ Панамскаго залива и изъ устья Ріо-дела-Хача (*Hacha*). У острова Цейлона теперь, какъ и въ древнія времена, продолжается жемчужная ловля; она ведется тамъ только мѣсяцъ, тогда какъ у арайскихъ береговъ, у острова Кубагуи, она продолжалась круглый годъ и истощала пласты жемчужныхъ раковинъ. Притомъ землетрясенія могли измѣнить здѣсь положеніе морского дна, потоки могли измѣнить его температуру и такимъ образомъ остановить распложеніе этихъ животныхъ; опыты, дѣлаемые на островѣ Цейлонѣ разводить жемчужныя раковины у тѣхъ береговъ, гдѣ ихъ нѣтъ, оставались напрасными. —

Путешественники, странствуя по полуострову, нашли въ деревнѣ Маникваресѣ горшечниковъ, продолжающихъ дѣлать свою посуду, въ той же формѣ и на томъ же мѣстѣ, на которомъ она дѣлалась за три вѣка до этого; глина, употребляемая ими для дѣланія посуды, состоитъ изъ разложившагося слюднаго сланца, окрашеннаго желѣзной окисью. Тутъ приносили нашимъ путешественникамъ показывать *глазной камень*, *piedra de los ojos*, диковинное произведеніе страны, по мнѣнію жителей; этотъ камень, вмѣстѣ камень и звѣрь, находится въ пескѣ и лежитъ въ немъ неподвижно, на тарелкѣ же, если до него дотронется кислота, то онъ двигается, какъ звѣрь, въ глазу же быстро поворачивается и выгоняетъ всякую случайно попавшуюся туда нечистоту. Напрасно было увѣрять туземцевъ, что этотъ камень есть нечто иное, какъ известковое вещество, приводимое кислотой въ броженіе и двигающееся отъ развивающейся въ немъ угольной матеріи. Это объясненіе казалось слишкомъ естественнымъ для народной физики, любящей одни чудеса. И въ Европѣ хлѣбъ, двигающійся въ печи во время испусканія изъ себя угольной кислоты, произвелъ повѣрье о заколдованныхъ печахъ.

Жители Араи съ гордостью припоминаютъ, что ихъ полуостровъ есть одно изъ древнѣйшихъ кастильскихъ колоній. Въ старомъ свѣтѣ, въ Китаѣ, въ Японіи, считается *новымъ* все, что случились въ продолженіи двухъ послѣднихъ тысячелѣтій, — въ колоніяхъ новаго свѣта кажется все старымъ, что происходило за 300 лѣтъ, во время открытія Европейцами Америки; воспоминанія непереходятъ далѣе. Эта черта отличаетъ столько же испанскія и португальскія поселенія южной Америки, сколько и англо-американскія сѣверной Америки. Готовые нравы, перенесенные изъ метрополіи, не на новой землѣ получили свой характеръ, не на ней образовались, не на ней было ихъ прошедшее; что же касается до туземцевъ, то самая религія, обращавшая ихъ, дала имъ однообразный видъ, что-то безжизненно формальное, наложила на нихъ извнѣ установленные обряды и непозволила развиваться ни тѣмъ индивидуальностямъ, ни тѣмъ національнымъ воспоминаніямъ, которыя означаютъ самобытный ходъ народовъ. Хотя въ Перу, Гватималѣ и Мексикѣ и существуютъ еще памятники прежде бывшей тамъ цивилизаціи, но туземцы забыли о ней; языкъ, одежда, обычаи предковъ сохранились, — историческое и религіозное преданіе исчезло. Два событія преобладаютъ въ исторіи этихъ странъ: основаніе европейскихъ колоній насиліемъ, фанатизмомъ, корыстолюбіемъ, и отторженіе этихъ колоній отъ ихъ метрополій; второе событіе составило новую эру не для одной Америки, но и для стараго свѣта; Сѣверо-Американскіе-Штаты взяли уже свой полетъ, южныя колоніи находятся еще въ броженіи.

Другое странствованіе изъ Куманы Гумбольдтъ и Бонпланъ предприняли на юго-востокъ, въ горы, къ индѣйскимъ миссіямъ. На этомъ пути все поражало странниковъ своею новостью: незнакомыя для нихъ растенія и животныя въ лѣсахъ, большія пещеры въ горахъ, полу-дикія племена, самые монахи-миссіонеры, собирающіе эти племена въ деревни, пріучающіе индѣйцевъ къ осѣдлости. Въ лѣсахъ деревья

исполинскаго вида увиты совсѣмъ ліанами ; можно подумать, что въ тропическихъ странахъ чужеядныя, паразитныя растенія замѣщаютъ поросты и мхи сѣвернаго пояса. Почва, которую проходили путешественники, состояла изъ брекчій и изъ конгломератовъ (отвердѣвшихъ валуновъ и галекъ), по которымъ съ горъ стремились ручьи ; растительность всюду казалась сильнѣе, гдѣ на извѣстнякѣ лежалъ кварцовый песчаникъ, менѣе брекчій пропускающій воду. Попадавшіяся хижины индѣйцевъ были выстроены изъ тростниковъ или бамбуковъ, по серединѣ небольшого загороженнаго мѣста, усаженнаго пизангами (бананами), арбузными деревьями, сахарнымъ тростниковъ и маисомъ (кукурузой) ; небольшой клочокъ земли, покрытый пизангомъ, даетъ въ двадцать разъ болѣе питательнаго вещества, чѣмъ такой же участокъ, засѣянный зерновымъ хлѣбомъ. Богатая почва, сильная растительность умножаютъ средства для пропитанія, останавливаютъ развитіе человѣка, невнушаютъ ему необходимости работать, быть дѣятельнымъ. Подъ тѣнью пизанга или хлѣбнаго дерева индѣецъ покоится беззаботно, духовная сила его дремлетъ, тогда какъ въ полѣ, на которомъ обработывается зерновой хлѣбъ, землепашецъ, безпрестанно борясь съ стихіями, то послушными, то враждебными, долженъ быть дѣятельнымъ, предъусмотрительнымъ, долженъ изощрять свои силы. Всѣ потребности индѣйской семьи собраны и удовлетворены въ ихъ хижинѣ, въ окружающемъ ее саду; сообщенія одной семьи съ другой или одного племени съ другимъ затруднительны или ненужны; миссіонеры могли бы открыть индѣйцамъ новыя духовныя нужды, но такія нужды ростутъ вмѣстѣ съ матеріяльными, вмѣстѣ съ расширяющейся человѣческой дѣятельностію; только тогда, когда человѣкъ преслѣдуетъ различныя всѣстороннія цѣли свои, открывается все разнообразіе его силъ, вся глубина его духа. Притомъ въ этихъ странахъ природа, развиваясь во всей своей величественной дикости, подавляетъ человѣка; онъ не царь ея, — она владѣетъ имъ тирански. Поднявшись къ холмамъ, путешественники опять увидѣли море и въ первый разъ могли окинуть взоромъ разстилавшійся передъ ними роскошный коверъ тропической растительности ; здѣсь они въ первый разъ нарвали прекрасныхъ черноустниковъ (*melastoma rubescens*). Ночь провели они на нагихъ крутыхъ холмахъ, въ странноприимномъ домѣ; кругомъ горѣли лѣса, нарочно зажигаемые пастухами для улучшенія пастбищъ. Далѣе продолжая свое путешествіе, Гумбольдтъ и Бонпланъ увидѣли дерево трескалку, *Hura crepitans;* плодъ его состоитъ изъ жосткой, плоской, двѣнадцати-сторонней и имѣющей столько же раздѣловъ сумки, которая, когда сѣмена становятся въ ней спѣлыми, лопается съ трескомъ. Здѣсь природа ненапоминала описаній ни Миссисипи, ни Флориды, ни даже Антильскихъ острововъ. Здѣсь чувствуешь себя не у предѣловъ жаркаго пояса, но въ самой серединѣ обширной, знойной земли, гдѣ все огромно — горы, рѣки, растенія. Красота формъ, свѣжесть красокъ, сильное развитіе отличаютъ тропическія растенія; стволы деревъ покрываетъ густой, зеленый коверъ; пересаженныя на землю ятрышныя растенія, перцы и повои (*pothos*), питаемыя только однимъ фиго-

вымъ американскимъ деревомъ, покрыли бы собой большую полосу земли. Деревья, служа мѣстомъ прозябанія для другихъ растеній, расширяютъ область растительной жизни, подобно скатамъ и разсѣлинамъ скалъ, покрываемымъ растительными группами. Ліаны, ползущія по землѣ, увивающія деревья, подымающіяся по нимъ на 100 ф., перекидываются опять съ одного дерева на другое, переплетаются между собой; это сплетеніе растеній затрудняетъ часто разпознаніе, какому растенію принадлежатъ находимые листья, цвѣты и плоды. Гумбольдтъ и Бонпланъ шли нѣсколько часовъ въ чащѣ лѣса, сквозь которую рѣдко показывалась густая небесная лазурь; тутъ они замѣтили искусно свитыя, въ видѣ бутылокъ и мѣшковъ, гнѣзда оріолей, которыхъ пѣніе раздавалось среди криковъ попугаевъ и аррасовъ. Лѣсные водопады заглушали часто своимъ шумомъ крикъ этихъ птицъ. По окончаніи лѣса, дорога пошла открытымъ мѣстомъ, покрытымъ водяными растеніями въ 8 и 10 ф. вышиной, съ стрѣльчатыми листьями; далѣе она была уставлена высокими тростниками, бамбуками, подымавшими на 40 ф. свои тонкіе и легкіе листья, которые, наклоняясь къ ручьямъ, колеблясь надъ ними, придавали особенное очарованіе ландшафту. Эти злаки на югѣ Европы, въ Испаніи, хотя и достигаютъ значительной высоты, но немогутъ дать понятія о древообразныхъ травахъ тропическихъ странъ. Собственное отечество бамбуковъ есть сѣверный отклонъ Андовъ; они ростутъ тамъ нетолько въ глубокихъ плоскостяхъ наравнѣ съ поверхностью океана, но еще находятся и въ высокихъ долинахъ Кордильеровъ, на высотѣ 5000′. — Первая миссія, встрѣченная нашими путешественниками, называлась Сан-Фернандо; хижины ея были обложены глиной, скрѣплены ліанами и стояли съ своими небольшими садиками въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой; широкія и прямыя улицы раздѣляли ихъ; въ серединѣ на площади стояли церковь, домъ миссіонера и низкое строеніе, называвшееся королевскимъ домомъ и служившее для принятія путешественниковъ. Въ миссіи этой все имѣло видъ строгости и чистоты. Миссіонеромъ былъ пожилой арагонскій капуцинъ, живой и веселый, любившій разсказы о сраженіяхъ и осадахъ; онъ посматривалъ съ улыбкой на инструменты путешественниковъ, на ихъ сухія растенія, находилъ ихъ розысканія и наблюденія безполезными и полагалъ, что изъ всѣхъ удовольствій жизни, неисключая даже сна, столь сладостнаго для человѣка, нѣтъ лучшаго предмета для наслажденій, какъ кусокъ хорошей говядины. Нашимъ путешественникамъ разсказывали объ одномъ бѣднякѣ, жившемъ въ то время въ ближней деревнѣ, который во время болѣзни жены своей самъ кормилъ своей грудью грудного ребенка; природа неотказалась тутъ служить родительскому чувству.

Изъ миссіи Сан-Фернандо путешественники достигли города Кумапакоа, славившагося своими табачными плантаціями; болѣе влажная атмосфера долины, въ которой лежалъ городъ, придавала особенную живость краскамъ растеній, впрочемъ довольно однообразныхъ. Обработываніе табаку составляло тогда королевскую привиллегію; досмотрщики обходили землю, чтобы уничтожать некоролевскія расте-

нія и запрещать курить доморощенныя сигары. Употребленіе табаку было извѣстно въ бо́льшей части Америки до открытія ея, тогда какъ картофель небылъ извѣстенъ ни въ Мексикѣ, ни на Антильскихъ островахъ, хотя онъ тамъ также хорошо успѣваетъ, какъ и въ горныхъ странахъ. И въ Европѣ табакъ былъ воздѣлываемъ прежде картофеля; съ середины XVI вѣка табакъ былъ разводимъ въ Португаліи, картофель же только къ концу XVII вѣка сдѣлался предметомъ земледѣлія въ Европѣ. Кромѣ табаку въ Куманакоа воздѣлывалось и индиго. Вся долина ясно показывала, что она нѣкогда составляла дно озера: въ ней находили вмѣстѣ съ кремнями раковины и огромныя бедренныя кости, длиной въ 4′; эти остатки большихъ животныхъ Индѣйцы принимали за кости своихъ исполинскихъ предковъ, ученые же считали нѣкогда эти окаменѣлости *игрой природы*, *lusus naturae*, недостойной никакого вниманія. Изъ этихъ окаменѣлыхъ костей и раковинъ созидается теперь исторія земного шара, ихъ изученіе составляетъ теперь особенную науку — палеонтологію, ученіе о первобытныхъ организмахъ на землѣ. Мощная каменная стѣна, поднимающаяся надъ долиной, составлявшая нѣкогда крутые берега озера, носитъ на себѣ слѣды огненныхъ, подземныхъ дѣйствій. Землетрясенія разорвали ее, и сквозь длинную щель ея, уставленную группами деревъ, стремится каскадами лѣсной потокъ. Изъ глубины ущелья, оканчивающагося пещерой, показывается часто пламя, подымаясь на нѣсколько сотъ футовъ. Путешественниковъ увѣряли на мызахъ, что въ ближайшихъ горныхъ ущельяхъ живутъ тигры или ягуары, смѣлые и кровожадные и нисколько нетрусливые, какъ думалъ о нихъ Бюффонъ. Воды потоковъ, вытекая изъ мергельныхъ (рухляковыхъ) пещеръ, заключающихъ въ себѣ много колчадановъ, и увлекая съ собой металлическія осѣренныя зерна, заставили думать жителей, что эти зерна золотыя и что въ ущельяхъ должна скрываться золотая руда; жители просили Гумбольдта открыть ее, зная, что онъ Нѣмецъ; въ южной Америкѣ каждый Нѣмецъ считается минералогомъ, какъ каждый Французъ врачомъ. Объясненіе Гумбольдта свойствъ почвы и этихъ колчадановъ, вводившихъ въ обманъ, никого неразувѣрили. — Черезъ травяныя равнины саваны, колеблющіяся, какъ океанъ, продолжали путешественники свой путь къ монастырю Карипе, главному мѣсту миссій, посылаемыхъ къ Индѣйцамъ-Чаймасамъ. Въ своемъ ночномъ пути, Гумбольдтъ и Бонпланъ, отлыхая подъ деревомъ, наслаждались тишиной тропической ночи, видомъ звѣзднаго южнаго неба; свѣтящіяся насѣкомыя роились вокругъ ихъ; все имъ казалось здѣсь чуждымъ, необыкновеннымъ, и вдругъ мычаніе коровы или быка, поднявшееся изъ глубины долины, напоминало родину, переносило изъ одного полушарія въ другое. Въ этихъ мѣстахъ воздухъ, наполненный сильными лѣсными испареніями, приносимый вѣтромъ, вреденъ европейскимъ переселенцамъ: онъ приноситъ имъ какъ бы отраву, губитъ ихъ злыми лихорадками. Далѣе по горамъ, до 4000 ф. высоты, путешественники шли все лугами; огонь пастуховъ вѣроятно истребилъ здѣсь лѣса; если травы и альпійскія растенія въ продолженіи вѣковъ покроютъ своей густой

растительностію землю, то сѣмена деревъ уже немогутъ прозябать на ней, хотя вѣтеръ и птицы безпрестанно приносятъ эти сѣмена изъ отдаленныхъ лѣсовъ. Дорога шла мимо нѣсколькихъ миссій. Индѣйскія деревни часто и легко переносятся съ одного мѣста на другое по волѣ и прихоти миссіонера; строятся онѣ быстро, какъ лагерь; всюду, гдѣ только есть глина, камышь, листья пальмъ и геликоній, хижина бываетъ готова въ нѣсколько дней. Въ одной деревнѣ путешественники нашли въ домѣ миссіонера каминъ, построенный монахомъ для того, чтобы въ этой тропической землѣ припоминать себѣ зиму своей родины Аррагоніи. Вообще миссіонеры находили Индѣйцевъ послушными ихъ волѣ, пріучили ихъ къ нѣкоторому порядку, но немогли еще научить ихъ настоящему хозяйству. Несмотря на то, что Индѣйцы живутъ уже въ деревняхъ, неразъ случалось находить ихъ хижины совсѣмъ оставленными; обильная производительность почвы, позволяя Индѣйцамъ обработывать только небольшой клочокъ земли, пренебрегать запасами, непредохраняетъ ихъ отъ частаго голода; тогда цѣлыя семейства уходятъ въ лѣса, чтобы питаться тамъ сочными растеніями, капустной пальмой, корнями папоротниковъ или древесными плодами. Путешественники начали подниматься по крутымъ скаламъ; мулы и лошади, свыкшіеся съ своей мѣстностью, ступали надежно и твердо по разбитымъ, неровнымъ стезямъ. На этихъ переходахъ горцы, снабжая путешественниковъ мулами, приговаривали, что даютъ не того мула, который покойнѣе, но того, который разумнѣе ходитъ; похвала оказывалась справедливой: такъ эти животныя умѣютъ выбирать, куда имъ лучше ступить на этихъ крутизнахъ.

Черезъ горный хребетъ спустились наконецъ путешественники въ лѣсистую долину, гдѣ находится живописный монастырь Карипе. Лавровая аллея вела къ нему; монахи гостепріимно встрѣтили путешественниковъ, дали имъ всѣ средства и пособія дѣлать ихъ ученыя наблюденія и даже небезпокоили Гумбольдта религіозными преніями, узнавъ, что онъ протестантскаго исповѣданія. Изъ этого монастыря посылаются въ миссіи молодые монахи, сюда возвращаются старые или больные, чтобы отдохнуть или укрѣпиться въ болѣе здоровомъ горномъ воздухѣ. Въ средніе вѣка въ Европѣ тоже монахи прокладывали дорогу для новой цивилизаціи; въ Сиріи, какъ и въ сѣверной Европѣ, въ древней Галліи, какъ и въ новомъ свѣтѣ, монастыри имѣли вліяніе на обработываніе земли, на введеніе экзотическихъ растеній, служили дѣятельно обществу, пока богатство или праздность не останавливали ихъ полезныхъ трудовъ. Монахи ввели въ Карипе воздѣлываніе кофейнаго кустарника, учредили между Индѣйцами порядокъ своей родины, выбрали изъ самихъ Индѣйцевъ алкадовъ и алгвазиловъ для распредѣленія работъ и присмотра за ними, дали этимъ выборнымъ право носить въ рукахъ трость и этимъ отличіемъ подняли ихъ въ собственныхъ глазахъ. Эти индѣйскіе сановники являлись въ церковь монастыря или въ собраніе общинъ съ важнымъ, холоднымъ, таинственнымъ видомъ. Алкады приходили всякой день въ монастырь, нестолько для дѣла, сколько для того, чтобы навѣдаться

о здоровьи путешественниковъ и при этой вѣжливости выпить рюмку водки. Впрочемъ, рѣдкое въ новомъ свѣтѣ, кроткое управленіе аррагонскихъ монаховъ ввело между подвластными имъ Индѣйцами нѣкоторый порядокъ, правильную и осѣдлую жизнь.

Въ долинѣ Карипе славится пещера Гуачаровъ; рѣка вытекаетъ изъ пещеры, наполненной тысячью ночныхъ птицъ, которыхъ чистый и непортящійся жиръ употребляется въ пищу миссіонерами. Народныя повѣрья населили пещеру чудесами. Видъ ея величественный; столько же размѣры, блескъ и форма капельниковъ, или известковыхъ натековъ (сталактитовъ), обложившихъ собой ея стѣны, сколько и входъ въ пещеру, образующій сводъ въ 80 футовъ ширины и въ 72 фута высоты, обросшій гигантскими тропическими растеніями, даютъ этой пещерѣ высокій характеръ. Отверстія пещеръ, какъ и водопады, получаютъ свою физіономію отъ окружающихъ ихъ предметовъ; такъ сѣверные гроты съ своими соснами и лиственными деревьями производятъ другое впечатлѣніе, нежели пещеры тропическихъ странъ, у входа своего украшенныя особенными растительными формами. Когда путешественники проникли въ пещеру на 430 шаговъ и были зажжены факелы, тогда раздался пронзительный крикъ ночныхъ птицъ; путешественники недоходили до конца ея; одинъ монахъ изъ монастыря Карипе, пройдя въ ней 2500 футовъ, все еще небылъ у ея конца. Гумбольдтъ первый познакомилъ Европу съ этой любопытной пещерой. Жители долины полагаютъ, что ночныя птицы гуачары живутъ только въ этой пещерѣ, потому-что они ихъ только въ ней ловятъ; гуачары знамениты неоднимъ жиромъ своимъ, но и каменными зернушками, находимыми въ ихъ внутренностяхъ и употребляемыми какъ средство противъ лихорадки. По разсказамъ Индѣйцевъ, въ мрачной глубинѣ грота, куда непроникаютъ ни солнце, ни луна, находится адъ, сбираются духи предковъ; итти къ гуачарамъ, значитъ итти къ отцамъ, умереть; въ пещеру же собираются и колдуньи заключать союзъ съ главой злыхъ духовъ—Иворокіамо. Вымыслы и волшебство принимаютъ ту же форму въ сѣверныхъ странахъ, въ Гренландіи, какъ и здѣсь въ тропическихъ странахъ Америки; фантазія человѣка одинаково возбуждается, работаетъ, выдумываетъ тартаръ Грековъ съ его стигійскими птицами или изъ пещеры гуачаровъ дѣлаетъ адъ, подземное жилище духовъ.

Изъ монастыря Гумбольдтъ и Бонпланъ дѣлали частыя прогулки по окреснымъ горамъ и лѣсамъ, собирали растенія, посѣщали хижины индѣйцевъ или собранія ихъ, на которыхъ алкады назначали работы слѣдующаго дня; монастырскій колоколъ призывалъ путешественниковъ къ гостепріимной трапезѣ; они присутствовали и при урокахъ, даваемыхъ индѣйцамъ монахами, во время которыхъ слова и понятія учителя часто никакъ несвязывались съ представленіями ученика. По вечерамъ, когда небо предвѣщало дождь, въ воздухѣ раздавался ревъ обезьянъ, косматыхъ сакисовъ (арагаутовъ), подобный завыванію вѣтра сквозь чащу лѣса; пальмы и древообразные папоротники, покрывающіе холмъ, на которомъ стоитъ монастырь, придавали

особенный характеръ ландшафту; но, несмотря на этотъ новый незнакомый міръ, на эти новыя формы растеній, новые звуки, чуждое небо,— вдругъ какой-нибудь дернъ, покрывающій землю, мхи и самые папоротники, облекающіе корни деревъ, лѣсной потокъ, пробѣгающій по наклоненнымъ известняковымъ пластамъ, игра красокъ въ водѣ, зелени и небѣ, опять напоминаютъ о прежде уже извѣстныхъ впечатлѣніяхъ души, опять узнаешь, находишь себя въ этой новой сферѣ.

На возвратномъ пути изъ монастыря въ Куману нужно было сперва подняться черезъ невысокую гору, по крутымъ, неровнымъ ступенямъ, имѣющимъ отъ 3 до 4 футовъ вышины; этотъ трудный переходъ называется тамъ *чистилищемъ*; мулы, подобно дикимъ козамъ, вскакивали на ступени, по которымъ въ дождливое время стремятся водопады. Пробираясь по этой опасной лѣстницѣ, путешественники проходили весьма густой лѣсъ, самый густой изъ всѣхъ лѣсовъ, видѣнныхъ Гумбольдтомъ. Подъ сѣнью темнозеленыхъ листьевъ высокихъ и толстыхъ деревьевъ тамъ постоянно царствовалъ полу-свѣтъ, неизвѣстный въ нашихъ сосновыхъ, дубовыхъ и буковыхъ лѣсахъ; почва оставалась всегда влажной отъ сильныхъ испареній; пряный запахъ, распространяемый цвѣтами, плодами, даже древесиной, соединялся съ запахомъ сѣверныхъ осеннихъ тумановъ. Между деревьями, вышиной отъ 120 до 130 футовъ, путешественники замѣтили: курукай, дающій бѣлую, сильно-пахучую смолу, употребляемую Индѣйцами для куренія передъ идолами; змѣистыя деревья, клещи (*Croton Sanguiflumm*), которыхъ пурпуровый сокъ капалъ вдоль по бѣловатой корѣ; наконецъ особенные виды пальмъ и папоротниковъ, похожихъ издали на пальмы. Папоротники любятъ болѣе влажную почву, боятся непосредственныхъ солнечныхъ лучей; пальмы напротивъ преимущественно произрастаютъ на сухой и обнаженной почвѣ; папоротники даже тамъ, гдѣ они ростутъ, у самыхъ береговъ, всегда являются подъ покровомъ густой тѣни; такъ имъ нужны прежде всего: полу-свѣтъ, умѣренная теплота, влажный и неподвижный воздухъ. Въ этомъ лѣсу нѣкоторые старые стволы были покрыты угольной пылью, имѣвшей металлическій блескъ. По ту сторону горы, къ низу ея, число папоротниковъ начало уменьшаться, число пальмъ увеличиваться; съ пальмами появились рои ширококрылыхъ бабочекъ, нимфъ (*nymphalis*), отличающихся высокимъ полетомъ. Небо покрывалось тучами: онѣ нависли надъ вершинами горъ; вблизи раздавались жалобные стоны обезьянъ, возвѣщавшіе грозу. Здѣсь Гумбольдтъ ближе познакомился съ этими обезьянами, косматыми сакисами: ростъ ихъ достигаетъ 3-хъ футъ; физіономія ихъ представляетъ нѣчто сходственное съ человѣческой, но вмѣстѣ съ этимъ что-то мрачное и печальное. Въ противоположность этимъ сакисамъ, маленькія сапажу игривы, весело смотрятъ и свистятъ, какъ воробьи. Дурачества и веселость обезьянъ кажется уменьшаются по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ ихъ развитіе. Сакисы сидѣли рядомъ на горизонтально переплетенныхъ сучьяхъ; общество ихъ состояло изъ 30 или 40 обезьянъ. Въ это время путешественники встрѣтили толпу совершенно нагихъ индѣйцевъ; женщины несли тяжелыя ноши, всѣ муж-

чины до послѣдняго мальчика имѣли лукъ и стрѣлы; всѣ они шли молча, потупивъ взоры; у нихъ нельзя было ничего разспросить о дорогѣ. Черезъ разбросанныя скалы путешественники достигли наконецъ опушки лѣса; далѣе путь шелъ къ одной миссіи черезъ савану, зелень которой начинала уже обновляться зимними дождями, и гдѣ новыя неизвѣстныя растенія привлекали вниманіе путешественниковъ. Въ слѣдующей миссіи хозяинъ нашихъ странниковъ, приходскій священникъ, навязался имъ въ проводники къ заливу Каріако; они незнали, куда дѣваться отъ его метафизики, отъ его разсужденій о свободной волѣ человѣка, о власти духа надъ тѣломъ, о состояніи души въ животныхъ; эти разсужденія немѣшали ему утверждать о необходимости торга невольниками, о врожденной злобѣ черныхъ и о выгодахъ рабства для самихъ негровъ. Ближе къ г. Каріако дорога сдѣлалась опять затруднительной; съ усиліемъ можно было продираться сквозь ліаны, заставившія собой безъ того узкую тропинку, сдѣлавшуюся сверхъ того скользкой отъ нанесенной дождями глины. Возлѣ самого залива, вокругъ города Каріако, гдѣ почва плодородна, воздухъ влажный, растительность сильная, свирѣпствовала лихорадка; обильное разложеніе органическихъ, растительныхъ частей заражаетъ воздухъ, наполняетъ его газами, дѣлающими этотъ воздухъ убійственнымъ для Европейцевъ. Сверхъ того вѣтеръ дуетъ въ этихъ мѣстахъ съ сѣверо-запада, проходитъ черезъ болота и приноситъ ихъ гніющія испаренія, которыя, смѣшиваясь съ господствующими здѣсь вредными газами, усиливаютъ зло. Цвѣтные люди и креолы (бѣлые родившіеся въ Америкѣ) выдерживаютъ лучше Европейцевъ этотъ климатъ. Тутъ, какъ и въ окрестностяхъ Рима, утвердилось повѣрье, что при бо́льшей обработкѣ земли воздухъ сдѣлался бы еще нездоровѣе. Въ Каріако выдѣлываются хлопчатая бумага и сахарный тростникъ; разведеніе какао оставлено; хлопчатая бумага и сахарный тростникъ приносятъ жатву черезъ годъ, какао же даетъ плоды только черезъ 8 или 10 лѣтъ; какао Куманы и Каракаи особенно славится. Изъ Каріако путешественники водой поѣхали въ Куману; во время ихъ плаванія по заливу тучи покрывали небо, противный вѣтеръ замедлялъ ходъ ихъ судна, ливень мочилъ ихъ; стаи фламинговъ и цаплей летѣли къ берегу; только большой пеликанъ (алькатрасъ) покойно продолжалъ свою рыбную ловлю у залива. Послѣ труднаго плаванія судно вошло наконецъ въ устье Мансанареса, и путешественники возвратились въ Куману.

Посѣщеніе Гумбольдтомъ миссій у индѣйцевъ-чаймасовъ дало ему поводъ бросить общій взглядъ на индѣйско-американскіе народы. Сѣверо-восточная часть равноденственныхъ странъ южной Америки *Terra ferma* и берега Оринока обитаемы разнообразными народами американской породы. Эти народы нельзя назвать дикими, а скорѣе одичавшими потомками народовъ, бывшихъ нѣсколько уже подвинутыми въ образованности; оставшіеся памятники свидѣтельствуютъ объ этомъ; притомъ едва ли находятся на землѣ народы, пребывающіе въ совершенной, первобытной дикости. Во время завоеванія Америки, только на хребтахъ Андовъ, у береговъ, лежащихъ

противъ Азіи, найдены были туземныя, большія государства; по другую сторону Андовъ, въ необозримыхъ лѣсныхъ и травяныхъ равнинахъ, орошаемыхъ большими рѣками, скитались полудикія племена, раздѣленныя между собой пространствами, языкомъ и обычаями, подобно какимъ-то разбросаннымъ остаткамъ народовъ, бывшихъ прежде собранными въ большія группы. Туземцы составляли въ послѣднее время почти половину неслишкомъ многолюднаго народонаселенія испанскихъ провинцій—Куманы и Новой Барцелоны; ихъ число было значительнѣе тамъ, нежели число Индѣйцевъ въ сѣверной Америкѣ, но нестоль значительно, какъ въ Новой Испаніи, въ Мексикѣ, въ которой за долго до пришествія Испанцевъ, въ XIII вѣкѣ, было извѣстно земледѣліе. Индѣйцы въ южной Америкѣ невсѣ собраны миссіонерами въ отдѣльныя деревни; нѣкоторые индѣйцы живутъ разсѣянными около городовъ, вдоль береговъ, занимаясь рыбной ловлей, другіе же обитаютъ въ степи, въ льяносохъ или саванахъ, на небольшихъ мызахъ. Въ лѣсахъ южной Америки живутъ независимые народы, занимающіеся воздѣлываніемъ полей, разведеніемъ растеній, способныхъ къ обработкѣ; эти народы едва ли болѣе варварскіе, чѣмъ тѣ, которые подчинились миссіонерамъ; есть между ними кочующія племена, племена, живущія звѣриной ловлей; но земледѣліе было вообще извѣстно тамъ до прибытія Европейцевъ. Независимыя индѣйскія деревни находятся между рѣкой Ориноко и рѣкой Амазонокъ, въ мѣстахъ, очищенныхъ отъ лѣса и куда непроникали еще миссіонеры. Въ обѣихъ Америкахъ, сѣверной и южной, до шести милліоновъ Индѣйцевъ, или людей американской породы. Въ умѣренномъ поясѣ Америки, у Миссисипи, столкновеніе Индѣйцевъ съ Европейцами вытѣсняетъ первыхъ, истребляетъ ихъ; эти Индѣйцы живутъ охотой, имѣютъ нужду въ обширныхъ земляхъ для своего пропитанія: европейская цивилизація, занимая эти земли, сгоняетъ, уничтожаетъ Индѣйцевъ. Для Индѣйцевъ южной Америки сближеніе съ Европейцами нестоль пагубно, потому-что эти Индѣйцы живутъ земледѣліемъ и небольшое поле достаточно для ихъ прокормленія. Поселенія монаховъ, подвигаясь впередъ и захватывая своими миссіями разсѣянныя индѣйскія племена, сами теперь находятся заключенными между независимыми Индѣйцами и свѣтскими поселенцами, подвигающимися по слѣдамъ миссіонеровъ и мало по малу вытѣсняющими этихъ послѣднихъ; приходскіе священники замѣщаютъ монаховъ, миссія обращается въ настоящую испанскую деревню, и туземцы, принимая испанскій языкъ, утрачиваютъ даже память о своемъ народномъ языкѣ. Въ провинціяхъ новой Андалузіи и новой Барцелоны считается 14 различныхъ индѣйскихъ народовъ; изъ нихъ 9 или 10 племенъ считаютъ себя по языку своему совершенно отличными отъ другихъ племенъ. Чѣмъ люди живутъ отдѣльнѣе, семьей, народомъ, безъ взаимныхъ сношеній, тѣмъ болѣе укрѣпляется въ каждой семьѣ и народѣ свой особенный языкъ; иногда въ семействахъ образованныхъ народовъ дѣти выдумываютъ свой языкъ, и это разнообразіе знаковъ для выраженія ограниченнаго круга понятій несоставляетъ еще духовныхъ богатствъ человѣка. Притомъ политика миссіо-

неровъ старалась держать подчиненные народы въ отдаленіи другъ отъ друга и этимъ укрѣплялось различіе языковъ, останавливающее духовное развитіе человѣка, которое вырабатывается только живыми сношеніями съ другими людьми, народами и міромъ. Заключенные въ кругѣ своихъ мгновенныхъ, чисто животныхъ нуждъ, Индѣйцы послушно слѣдуютъ въ процессіяхъ за своими миссіонерами и остаются неподвижными въ своихъ мысляхъ, какъ и въ требованіяхъ. Важность, скрытность, нерадостный, таинственный видъ этихъ Индѣйцевъ обманываютъ на первый разъ; подумаешь, что подъ этой внѣшностію таится наклонность къ созерцательности, тихая задумчивость, тогда какъ она выражаетъ только нищету духа или скрытую, тупую, умственную лѣнь. Черты лица чаймасовъ представляютъ какое-то однообразіе; до пятидесяти лѣтъ невидно на лицѣ чаймасовъ никакихъ морщинъ, нѣтъ на головѣ сѣдыхъ волосъ и незамѣтно ослабленія въ членахъ; такая продолжительная крѣпость силъ даетъ одинаковый видъ людямъ различныхъ возрастовъ и дѣлаетъ чаймасовъ еще болѣе похожими другъ на друга. Съ развитіемъ личности индивидуализируются и черты лица; въ нихъ, въ этихъ чертахъ, выражается особенная личность съ ея ощущеніями, мыслями, страстями, неоставляя между прочимъ общихъ типическихъ очертаній, характеризирующихъ какой-нибудь народъ или даже семью; эти общія народныя очертанія безъ той особенности, личности представляли бы одно скучное и утомительное однообразіе. Тонкая, рѣдкая борода, узкій лобъ, красный цвѣтъ кожи, отличая народную физіономію чаймасовъ, составляютъ разумѣется для нихъ и понятіе высшей красоты лица. Въ средніе вѣка, въ сѣверной Европѣ, рубаха и панталоны помогали обращенію варваровъ, укрощенію ихъ нравовъ; съ южно-американскими полудикими такое средство неможетъ быть дѣйствительнымъ, ибо они спасаются въ лѣса отъ панталонъ, стыдясь отказываться отъ своей наготы, и презираютъ одежду. Слуга, индѣйскій уроженецъ, провожавшій Гумбольдта въ Европу, увидѣвъ въ первый разъ во Франціи работающихъ въ полѣ крестьянъ, съ шляпами на головахъ, получилъ весьма дурное понятіе о такой жалкой землѣ, въ которой дворяне сами пашутъ землю. Въ его понятіяхъ покрытая голова означаетъ дворянина. Вообще Индѣйцы ищутъ уединенія, любятъ лѣса; дѣти часто убѣгаютъ туда и остаются жить въ нихъ, питаясь одними растеніями; иногда вся семья оставляетъ свою деревенскую хижину и уходитъ въ свой отдаленный, уединенный садъ, *conucos*. Съ трудомъ и неохотно учатся Индѣйцы по-испански; только въ немногомъ числѣ ихъ пробудилось честолюбіе сдѣлаться *образованными Индѣйцами* или такъ называемыми *латинскими Индѣйцами*. Миссіонеры между прочимъ нашли какой-то общій индѣйскій языкъ между всѣми этими разнородными языками, который служитъ нѣкоторой нитью и средствомъ въ ихъ сношеніяхъ съ различными индѣйскими племенами. Кромѣ красноцвѣтныхъ туземцевъ обѣихъ Америкъ, другую, менѣе многочисленную, часть американскихъ туземцевъ составляютъ: на сѣверовостокѣ Америки Эскимосцы Гренландіи, Лабрадора и сѣвер-

ныхъ береговъ Гудзонова залива, на сѣверозападѣ жители Берингова пролива, полуострова Алашки и залива принца Вильгельма. Несмотря на то, что обѣ вѣтви этихъ полярныхъ народовъ, восточные — Эскимосцы и западные — Чугуазы, раздѣлены пространствомъ въ 800 миль, въ ихъ языкахъ находится близкое сродство. Такое же сродство распространяется и на народы сѣверовосточной Азіи: Чукчи суть азіятскіе эскимосцы. Подобно Малайцамъ Азіи, эти полярные народы занимаютъ только берега. Эта часть американскихъ туземцевъ питается рыбной ловлей, отличается малымъ ростомъ, живостью, болтливостью, раздражительностію, некурчавыми, гладкими черными волосами, бѣловатымъ цвѣтомъ кожи. Другая же, многочисленнѣйшая часть американскихъ туземцевъ, разсѣянная въ сѣверной и южной Америкѣ отъ рѣки Кука, по ту сторону Каменныхъ горъ (*Rocky-Mountains*) до Магеланова пролива, отличается высокимъ ростомъ, крѣпкимъ сложеніемъ, воинственностію, молчаливостью и мѣднымъ цвѣтомъ кожи. Человѣческія племена измѣняются скорѣе въ чертахъ лица, въ тѣлосложеніи, нежели въ первобытномъ цвѣтѣ своей кожи, независимомъ отъ прямого вліянія климатовъ, тогда какъ животныя, того же вида, въ видоизмѣненіяхъ своихъ, подъ вліяніемъ свѣта или мрака, тепла или холода, принимаютъ прежде всего другой цвѣтъ.

Послѣднее время своего пребыванія въ Куманѣ Гумбольдтъ и Бонпланъ проводили въ приготовленіяхъ къ путешествію на рѣку Ориноко, въ собираніяхъ растеній, въ дѣланіи метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденій. Разъ на нашихъ путешественниковъ, прогуливавшихся по окрестностямъ Куманы, напалъ съ палкой въ рукѣ замбосъ (цвѣтной человѣкъ, происходящій отъ негра и индіянки) и ранилъ Бонплана; пойманный, онъ невашелъ другой причины къ оправданію своему, кромѣ той, что, слыша этихъ двухъ иностранцевъ говорящихъ по-французски, онъ почувствовалъ неудержимое стремленіе причинить имъ какое-нибудь зло. Къ счастію ударъ, полученный Бонпланомъ, былъ неопасенъ, и Бонпланъ скоро выздоровѣлъ.

Съ нѣкотораго времени въ воздухѣ начали тамъ замѣчать особенныя явленія: съ 16 октября по 3 ноября каждый вечеръ поднимался красноватый туманъ, покрывавшій на нѣсколько минутъ все небо; въ послѣдніе дни онъ становился все гуще и гуще; ночной жаръ былъ удушливый, вѣтеръ переставалъ дуть съ моря, небо казалось въ огнѣ, почва всюду трескалась. 4 ноября, около двухъ часовъ пополудни, ближнія горы покрылись черными облаками, постепенно поднимавшимися къ зениту. Около четырехъ часовъ на необычайной высотѣ началъ раздаваться громъ, съ глухимъ, часто прерывающимся шумомъ. Въ мгновеніе сильнѣйшихъ ударовъ грома, въ промежуткѣ двухъ секундъ времени, произошли два подземные удара. Народъ на улицѣ закричалъ свое: *Misericordia, trembla.* Бонпланъ, разбиравшій въ эту минуту свои растенія, едва удержался на ногахъ, а Гумбольдтъ, лежавшій въ своей койкѣ, почувствовалъ сильное потрясеніе; оно шло отъ сѣвера на югъ. За нѣсколько минутъ до

перваго подземнаго удара вѣтеръ сильно рванулся, бросивъ нѣсколько капель дождя. Небо оставалось все время покрытымъ; за порывомъ вѣтра послѣдовала полная тишина, продолжавшаяся всю ночь. Солнце при захожденіи своемъ показалось сквозь разорванныя облака, облившіяся великолѣпными красками. Около девяти часовъ послѣдовалъ третій подземный ударъ, слабѣе первыхъ двухъ и въ сопровожденіи подземнаго шума; жители, напуганные страшнымъ землетрясеніемъ, испытаннымъ ими два года тому назадъ, приходили къ Гумбольдту и Бонплану спрашивать ихъ, что̀ показываютъ ихъ инструменты, непредвѣщаютъ ли чего на слѣдующій день? 5 ноября въ тотъ же часъ, какъ и наканунѣ, повторились порывъ вѣтра, дождь и громъ, но безъ землетрясенія; воздушныя явленія, случившіяся въ одно время съ землетрясеніемъ, могли ненаходиться съ нимъ ни въ какомъ близкомъ соотношеніи. Гумбольдтъ здѣсь въ первый разъ испыталъ землетрясеніе; оно поразило его, какъ нѣчто непредвидѣнное, неизвѣданное, внезапно нарушающее обычный ходъ явленій. Впослѣдствіи на перуанскомъ берегу и въ горахъ Квито, испытывая частыя землетрясенія, Гумбольдтъ привыкъ къ нимъ, какъ привыкаютъ слышать грозу; въ городѣ Квито, онъ и недумалъ подниматься съ своего мѣста, когда сильный подземный шумъ, какъ бы идущій отъ ближняго волкана Пичинчи, за 7 или 8 минутъ возвѣщалъ подземный ударъ. Съ 7 ноября красноватый туманъ исчезъ. Другое неменѣе замѣчательное явленіе случилось около этого времени; въ ночь съ 11 на 12 ноября, Бонпланъ, вставшій рано, увидѣлъ на небѣ свѣтящіеся метеоры; огненные шары и падающія звѣзды въ безчисленномъ множествѣ стремились одни за другими въ продолженіи четырехъ часовъ, оставляя за собой струи, свѣтящіяся нѣсколько секундъ; огненные шары казалось разлетались взрывомъ; направленіе всѣхъ этихъ метеоровъ шло отъ сѣвера на югъ; вѣтеръ былъ нечувствительный, небо совершенно чистое. Жители Куманы припоминали прежнія подобныя явленія и приводили ихъ въ связь съ своими землетрясеніями. Эти же метеоры были видимы въ то самое время и въ Германіи, вблизи Веймара, что̀ доказываетъ значительную высоту ихъ и независимость отъ дѣйствій, происходящихъ на земной корѣ или внутри земли. Въ новое время тщательныя наблюденія этихъ падающихъ звѣздъ доказали періодическое возвращеніе ихъ, заставили отнести ихъ къ группамъ небесныхъ тѣлъ, кружащимся около солнца и на пути своемъ пересѣкающимся съ земнымъ путемъ; въ своемъ кругообращеніи эти небесныя тѣла, коснувшись земной атмосферы, зажигаются въ ней, становятся видимыми. Равноденственныя страны, при своемъ ясномъ небѣ, при правильномъ ходѣ своихъ воздушныхъ явленій, становясь болѣе и болѣе доступными цивилизаціи, ученымъ розысканіямъ, могутъ особенно способствовать успѣхамъ физическихъ наукъ, столько же въ отношеніи физики земного шара, сколько и въ отношеніи физической астрономіи. Гумбольдтъ проложилъ тутъ широкую дорогу.

-3-

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ ГУМБОЛЬДТЪ И ЕГО КОСМОСЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АМЕРИКУ.

2.

Каракасъ. – Озеро Валенція. – Степи.

Гумбольдтъ и Бонпланъ, сбираясь ѣхать на Ореноко, познакомились въ Куманѣ съ молодымъ францисканскимъ монахомъ Хуаномъ Гонзалесомъ, прожившимъ нѣсколько лѣтъ въ Эсмеральдѣ, отдаленнѣйшей миссіи верхняго Ореноко, извѣстной своими вредными насѣкомыми. Гонзалесъ, знакомый съ мѣстами, мимо которыхъ течетъ Ореноко, съ лѣсами, идущими отъ Эсмеральды къ источникамъ этой рѣки, могъ снабдить нашихъ путешественниковъ совѣтами и показаніями для изслѣдованія мало извѣстнаго и спорнаго въ то время теченія ея. Береговые жители Куманы и Каракаса знакомы были только съ странами, находящимися около устья Ореноко; земли же, находящіяся далѣе *льяносовъ*, простирающихся за горной цѣпью Венезуэлы, были совсѣмъ неизвѣстны. Многіе полагали, что травяныя равнины Калабосо распространяются на югъ, непрерывно на 600 миль, до степей или пампасовъ Буэносъ-Айреса; другіе думали, что южнѣе катарактовъ (пороговъ) Атуры на Ореноко воздухъ до такой степени здоровъ, индѣйцы, скитающіеся тамъ, такъ злы, а животныя такъ опасны, что далѣе этихъ пороговъ трудно проникнуть во внутрь земли. Но

10495

разсказы молодого монаха укрѣпляли нашихъ путешественниковъ въ ихъ намѣреніи, а рекомендательныя письма губернатора Куманы позволяли надѣяться на помощь и пособіе въ миссіяхъ францисканскихъ монаховъ, настоящихъ владѣтелей Ореноко.

Изъ Каракаса шла дорога въ степи. Путешественники, желая избѣжать затруднительный переѣздъ изъ Куманы въ Каракасъ сухимъ путемъ, рѣшились ѣхать моремъ въ Гвайру, — гавань, находящуюся у подошвы горы, за которой лежитъ высокая долина Каракаса. Внизъ по Мансанаресу спустились они къ морю. Кокосовыя деревья, отѣняющія извилистые берега рѣки, какъ въ умѣренномъ поясѣ Европы ивы и тополи, указывали имъ ея теченіе; ближе къ устью и у моря деревья исчезли; ихъ замѣстили колючіе кустарники. Въ небольшомъ купеческомъ суднѣ, безъ палубы, длиной въ 30′ и едва на 3′ подымающемся изъ воды, путешественники пустились въ море. Индѣйцы Гвайкверіи вели судно; надобно замѣтить, что эти ловкіе матросы часто выходятъ въ море на 90 и на 100 миль, ночью направляя свой путь по полярнымъ звѣздамъ, днемъ по теченію солнца или по направленію вѣтра, который они считаютъ никогда неизмѣняющимся. Только пять мѣсяцовъ передъ этимъ Гумбольдтъ вступилъ на берега Куманы, какъ на новооткрытую землю; а теперь скалы, воды, растенія, люди, — все уже было ему извѣстно, близко; здѣсь ознакомился онъ съ величавой, тропической природой и впервые былъ пораженъ ея мощною растительностью. Впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, какъ и на закатѣ дней своихъ, Гумбольдтъ живо припоминалъ себѣ Куману съ ея равниной; она глубже врѣзалась въ его фантазію, чѣмъ увидѣнныя имъ впослѣдствіи испанскія вершины Кордильеровъ.

Нагіе берега на югѣ подвержены особенной игрѣ свѣта и красокъ; легкій паръ, не уничтожающій тамъ прозрачности воздуха, сливаетъ въ кроткую, тихую гармонію всѣ оттѣнки, всю силу свѣта; оттого и впечатлѣніе этихъ странъ остается неизгладимымъ въ душѣ. Судно шло въ виду береговъ, заходя въ гавани. Все море подернуто было фосфорическимъ блескомъ отъ безчисленнаго множества микроскопическихъ, свѣтящихся животныхъ. У устья рѣки Невери, близъ гавани Новой Барцелоны (значительной по своей торговлѣ скотомъ, пригоняемымъ изъ степей для перевезенія его на англійскіе острова), путешественники наши видѣли крокодиловъ, спящихъ на солнцѣ у пустынныхъ береговъ. Замѣчательно, что эти крокодилы выходили иногда въ море. Судно продолжало свой путь мимо низкихъ острововъ, покрытыхъ злаками и камышами. Въ влажныхъ и низкихъ мѣстахъ жаркаго пояса высокіе злаки и камыши не имѣютъ того вида, какъ на лугахъ сѣверныхъ странъ. На сѣверѣ дикіе полевые цвѣты, едва подымаясь надъ злаками, узорно испещряютъ дерновый коверъ; въ тропическихъ же странахъ всѣ цвѣты являются въ большихъ размѣрахъ и лилейныя растенія, перемѣшивающіяся съ злаками и замѣняющія луговые цвѣтки сѣвера, высокими кустарниками поднимаются надъ землей. Близъ мыса Кодера морское вол-

ненiе усилилось, и путешественники должны были пристать къ берегу у Хичераты, а нѣкоторые изъ нихъ, слишкомъ страдавшiе отъ морской болѣзни, въ томъ числѣ и Бонпланъ, рѣшились сухимъ путемъ достигнуть до Каракаса.

Гумбольдтъ, незнакомый съ этой болѣзнью, разставшись съ Бонпланомъ, продолжалъ свой путь моремъ до Гвайры. Онъ разсказываетъ, что акулы, живущiя у самыхъ береговъ Гвайры, не нападаютъ на купающихся людей, точно также и у залива Санто-Марты; у ближнихъ же острововъ эти животныя опасны и кровожадны. Въ Санта-Мартѣ, по мнѣнiю народа, они смирны оттого, что епископъ однажды благословилъ ихъ тамъ, окропивъ святой водой. Замѣчательно, что многiя животныя, напримѣръ крокодилы, въ иныхъ мѣстахъ совершенно безвредны и не нападаютъ на людей, въ другихъ же мѣстахъ они страшны своей свирѣпостью; такъ точно и обезьяны, одной и той же породы, пойманныя въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, легко дѣлаются ручными, взятыя же изъ другого мѣста скоро умираютъ въ неволѣ отъ страху или бѣшенства. Домы Гвайры совершенно упираются въ крутыя скалы, поднимающiяся надъ ними; едва сто или сто сорокъ туазовъ пространства находится между подошвой горной стѣны и моремъ; за этой горной стѣной лежитъ высокая долина Каракаса. Климатъ Гвайры жарче, нежели въ другихъ прибрежныхъ мѣстахъ этой полосы земли; морскiе вечерне вѣтры здѣсь рѣже и притомъ отражающiеся отъ скалъ солнечные лучи еще болѣе разжигаютъ воздухъ. Жолтая лихорадка, развившись здѣсь, начала распространяться далѣе, за горы, въ *льяносы;* она исчезаетъ при измѣненiи въ температурѣ и появляется въ жаркiя времена года. Въ Гаваннѣ, на островѣ Кубѣ и въ Вера-Крузѣ въ Мексикѣ жолтая лихорадка периодически исчезаетъ въ то время, когда въ Мексиканскомъ заливѣ начинаютъ дуть сѣверные вѣтры.

Гумбольдтъ прибылъ въ Каракасъ четырьмя днями ранѣе Бонплана, которому препятствовали въ пути ливни и горные потоки. Гумбольдтъ поднимался изъ Гвайры къ Каракасу черезъ высокое альпiйское ущелье. Здѣсь его поразили жаркiя политическiя пренiя туземцевъ объ интересахъ, двигавшихъ тогда гражданское общество въ новомъ свѣтѣ; изъ этихъ преній онъ узналъ о ненависти мулатовъ къ европейцамъ и свободнымъ неграмъ, о богатствѣ монаховъ, о трудностяхъ держать въ повиновенiи рабовъ и проч. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ новомъ свѣтѣ, въ Кордильерахъ Андовъ, въ высокихъ долинахъ Новой Гренады и Квито, пользующихся умѣреннымъ климатомъ и обитаемыхъ на высотѣ 12,000′, наиболѣе развернулась цивилизацiя, тогда какъ въ Европѣ на такой же высотѣ нѣтъ и слѣдовъ человѣческихъ жилищъ. Пренiя, услышанныя Гумбольдтомъ въ горномъ ущельи надъ Каракасомъ, казалось еще не предвѣщали ничего особеннаго для тѣхъ странъ, а между тѣмъ въ Европѣ уже совершались великiе перевороты и кровавыя сцены разыгрывались на Антильскомъ морѣ, на островѣ Сан-Доминго....

Наконецъ Каракасъ съ своими высокими зданiями открылся передъ нашими путешественниками въ глубокой долинѣ, окруженной

плантаціями кофейныхъ и европейскихъ плодоносныхъ деревъ. Каракасъ былъ въ то время столицей Капитаната Каракаса, или семи соединенныхъ провинцій Венезуэлы, состоящихъ изъ пяти береговыхъ провинцій: Новой Андалузіи или Куманы съ островомъ Маргаритой, Новой Барцелоны, Каракаса, Коро и Маракаибо и двухъ внутреннихъ провинцій — Варинаса и Гвіаны. Всѣ испанскія владѣнія въ Америкѣ состояли тогда изъ четырехъ вице-королевствъ: Мексики, Новой Гренады, Перу, Буэносъ-Айреса и пяти генеральныхъ капитанатовъ: Гватималы (въ средней Америкѣ), Венезуэлы (*Terra ferma*), Чили (въ южной Америкѣ), Кубы и Порто-Рико въ Антильскомъ морѣ. Изъ всѣхъ этихъ обширныхъ испанскихъ владѣній образовались теперь независимые штаты и только Куба и Порто-Рико принадлежатъ еще Испаніи. Первобытная цивилизація Америки была сосредоточена въ Мексикѣ, Гватималѣ и Перу; новые завоеватели Америки шли во внутрь земли отъ приморскихъ береговъ, по большимъ рѣкамъ или черезъ горныя цѣпи въ высокія долины, имѣющія умѣренный климатъ; цивилизація скоплялась такимъ образомъ въ одно время на различныхъ пунктахъ, отъ которыхъ уже потомъ распространялась въ разныя стороны. Эти различныя полосы земли соединялись въ провинціи, входили въ составъ вице-королевствъ, или капитанатовъ; пустыни или непокоренныя полудикія племена раздѣляли эти провинціи; какой-нибудь обработанный перешеекъ соединялъ ихъ, настоящей же связи между ними не существовало — и только прибрежныя мѣста были хорошо извѣстны, внутреннія же доступны были только по рѣкамъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, тамъ, гдѣ цивилизація безпрестанно сталкивалась съ варварствомъ, обработанныя земли съ непроходимыми лѣсами. Семь провинцій Венезуэлы занимали три отдѣльныя полосы; вдоль морского берега и вблизи горной береговой цѣпи находились обработанныя земли; далѣе на югъ простирались обширныя пастбища, *льяносы;* наконецъ по другую сторону Ореноко были лѣса, доступные только близъ рѣкъ, ихъ орошающихъ. Монахи и солдаты занимали передовые посты колоній, углублявшихся въ лѣса. Къ этимъ колоніямъ шли навстрѣчу съ противоположной бразильской стороны португальскіе поселенцы. Здѣсь у этихъ крайнихъ предѣловъ совершались насилія и злоупотребленія всякаго рода и господствовала страшная нищета. Монахи раздували вражду между воюющими индѣйскими племенами, желая ослабить ихъ и привлечь къ себѣ, а солдаты, поставленные защищать монаховъ, враждовали съ этими послѣдними и старались утверждать за собой пріобрѣтаемыя земли. Такимъ-то путемъ подвигалось завованіе этихъ земель и обработываніе ихъ. Въ льяносахъ было уже не столько бѣдствій и нищеты, пища была тамъ обильнѣе, люди въ нихъ привыкли уже къ осѣдлой жизни; въ равнинахъ находились даже города, но они не были связаны между собой близкими частыми сношеніями; деревни походили на лагерь, хижины на шатры, покрытые звѣриными кожами. Земледѣліе болѣе соединяло жителей у приморскихъ береговъ и въ близълежащихъ высокихъ долинахъ. Въ провинціяхъ Венезуэлы развитіе общежитія шло правильными

полосами, сообразно самому раздѣленію земли и ея обработкѣ; хорошо воздѣланные берега и ближнія долины вызывали тамъ промышленность и торговлю и способствовали къ образованію береговыхъ жителей; эта образованность слабо оказывалась въ льяносахъ пастуховъ и исчезала совсѣмъ у лѣсовъ Ореноко. Въ другихъ земляхъ, напротивъ, образованность шла изъ середины земли; такъ напримѣръ въ Мексикѣ, Квито и Перу она сосредоточивалась въ высокихъ долинахъ, въ горахъ, идущихъ во внутрь земля; тамъ находились наибольшія хозяйственныя заведенія, населенные города, древнѣйшія государственныя учрежденія. Въ Буэносъ-Айресѣ же открывалось совсѣмъ другое явленіе: въ немъ между пастбищами или пампасами встрѣчались большіе хорошо воздѣланные участки земли и жилища осѣдлыхъ индѣйцевъ. Развитіе береговъ Венезуэлы, омываемой малымъ Антильскимъ моремъ, имѣло вліяніе на судьбу всѣхъ восточныхъ провинцій южной Америки. Антильское море, находясь въ непосредственномъ сообщеніи съ Атлантическимъ океаномъ, служило ближайшей связью Европы съ Америкой. Западная часть Америки, Новая Гренада, центральная Америка и Мексика находятся въ сообщеніи съ Европой и другими колоніями, посредствомъ гаваней мексиканскаго залива, Карѳагены, Санта-Марты, Вера-Круца и Кампеча, не круглый годъ открытыхъ для кораблей; мексиканскій заливъ, по причинѣ своихъ опасныхъ, сѣверныхъ вѣтровъ часть года не посѣщается мореплавателями. Гавани же Венезуэлы, Кумана, Новая Барцелона, Гвайра, Порто-Кабелло, Коро и Маракайбо находятся круглый годъ въ сношеніяхъ съ Антильскимъ моремъ. У этихъ береговъ скоро отозвались европейскіе перевороты; здѣсь пробудилось страстное участіе жителей ко всему, что̀ дѣлается въ старомъ свѣтѣ; здѣсь колонисты отдѣлились отъ метрополіи и наконецъ здѣсь же загорѣлась война за независимость колоній южной Америки. Въ Венезуэлѣ бѣлые составляли значительнѣйшую часть народонаселенія; а красные туземцы едва ли $^1/_9$ часть всего народонаселенія, тогда какъ въ Мексикѣ они составляли половину его; число же негровъ было весьма незначительное въ Венезуэлѣ: оно не превышало $^1/_{15}$ всего народонаселенія, тогда какъ на островѣ Кубѣ число негровъ составляло $^1/_3$.

Множество каналовъ въ Антильскомъ морѣ служатъ для легкаго сообщенія между островами и берегами твердой земли; берега этого Средиземнаго моря принадлежатъ Венезуэлѣ, Новой Гренадѣ, Мексикѣ, Сѣверо-американскимъ Соединеннымъ Штатамъ и Антильскимъ островамъ; у этихъ береговъ собраны полтора милліона негровъ, рабовъ и свободныхъ. Освобожденіе негровъ сдѣлалось здѣсь болѣе политической необходимостью, чѣмъ требованіемъ человѣческаго права и справедливости; на сѣверныхъ и восточныхъ берегахъ Антильскаго моря африканское, черное народонаселеніе есть многочисленнѣйшее и можетъ сдѣлаться тамъ господствующимъ. Основаніе на Сан-Доминго независимаго государства негровъ доказало это. Несмотря на это, вопросъ о неграхъ не рѣшенъ еще во всѣхъ антильскихъ колоніяхъ, хотя Англія уже подала примѣръ освобожденія негровъ въ своихъ колоніяхъ. Во время пребыванія Гумбольдта въ тѣхъ

краяхъ, смуты Сан-Доминго держали всѣхъ береговыхъ жителей въ страхѣ; еще въ половинѣ XVI вѣка опасались, что островъ Сан-Доминго сдѣлается добычей негровъ; въ 1791 Оже, ученикъ европейскихъ филантроповъ, другъ негровъ, былъ колесованъ въ Сан-Доминго, какъ злодѣй, за свои проповѣди, написанныя въ духѣ знаменитыхъ французскихъ проповѣдниковъ. Эта страшная жертва вызвала еще болѣе страшныхъ мстителей; не сословія и не народы поднялись тамъ другъ на друга, а цѣлыя человѣческія породы: креолы противъ мулатовъ и черныхъ, мулаты съ своей стороны тоже противъ черныхъ, наконецъ мулаты, отвергаемые и оскорбляемые бѣлыми, соединились съ черными противъ бѣлыхъ, истребили ихъ на островѣ и основали на немъ государство цвѣтныхъ людей – *республику Гаити*. Въ испанскихъ колоніяхъ законы и нравы покровительствовали освобожденію невольниковъ; господинъ обязанъ былъ освобождать невольника за 300 піастровъ, весьма часто рабы освобождались тамъ по духовнымъ завѣщаніямъ. Важнѣйшую часть народонаселенія испанскихъ колоній составляли креолы, — испанцы, родившіеся въ Америкѣ; въ Мексикѣ они составляли $^1/_5$ часть всего народонаселенія, на островѣ Кубѣ $^1/_3$, число ихъ въ Венезуэлѣ было еще значительнѣе; собственно же европейцевъ во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ считалось только 200,000, а креоловъ 3,000,000, число же всѣхъ жителей полагалось до 15,000,000. Неравное разпредѣленіе силъ, значенія и правъ колонистовъ и различныхъ классовъ людей въ колоніяхъ въ отношеніи другъ друга и въ отношеніи метрополіи и центральнаго правленія, во врема Гумбольдта, еще не являлись во всей своей нелѣпости и неправотѣ; все казалось тогда неподвижнымъ, хотя злоупотребленія властей, богатство и праздность духовныхъ бросались въ глаза всѣмъ. Честолюбивые отправлялись къ испанскому двору за почестями и милостями, большинство колонистовъ жило мирно внутри земель своихъ, въ отдаленіи отъ центральныхъ пунктовъ управленія и еще болѣе отъ метрополіи, въ полномъ невѣдѣніи о тѣхъ, кто управляетъ колоніями; сообщенія въ странѣ были трудныя и рѣдкія. Города Венезуэлы, основанные испанскими завоевателями, сохранили отъ индѣйцевъ одни свои названія: Куманы, Каракаса, Коры, Маракаибо; самые же туземцы были въ нихъ едва замѣтными; частыя торговыя сношенія начали въ нихъ развертывать самобытную жизнь; города эти въ своихъ прямыхъ сношеніяхъ съ чужими странами могли обходиться безъ посредства своей столицы Каракаса и, почувствовавъ тяжесть своей зависимости отъ метрополіи, наконецъ возстали противъ нея.

Въ 1800 году народонаселеніе Каракаса (гдѣ родился Симонъ Боливаръ, утвердившій независимость всей южной Америки) состояло изъ 40,000 человѣкъ; въ первыхъ годахъ XIX вѣка оно дошло до 50,000; землетрясеніе 1812 года погубило 1,200 человѣкъ; впослѣдствіи политическія бури уменьшили его до 20,000 человѣкъ. Каракасъ лежитъ въ долинѣ на высотѣ 2,500′ надъ моремъ; въ холодное время года, въ ноябрѣ и въ декабрѣ утро въ Каракасѣ бываетъ обыкновенно свѣтлое, но къ вечеру всегда поднимается туманъ, скрываю-

щій сосѣднія горы и придающій долинѣ видъ печальный. Въ лѣтніе мѣсяцы ночи тамъ бываютъ свѣтлыя, воздухъ все время остается прозрачнымъ, и тогда можно вполнѣ наслаждаться прелестью этой долины. Въ Каракасѣ господствуетъ вѣчная весна; средняя температура года достигаетъ отъ 21° до 22° стогр. терм.; днемъ бываетъ отъ 20° до 26°, а ночью отъ 16° до 18°; въ долинѣ вмѣстѣ съ пизангами, померанцами и кофейнымъ кустарникомъ ростутъ яблони, абрикосовыя деревья и пшеница. Несмотря на это, климатъ въ этой долинѣ непостояненъ. Измѣненія термометра на нѣсколько градусовъ, столь обыкновенныя для европейца, весьма ощутительны въ этомъ тропическомъ поясѣ. Жители Каракаса особенно боятся западныхъ, или морскихъ вѣтровъ, развивающихъ головныя боли; въ Каракасѣ запираются отъ этихъ вѣтровъ, какъ въ Италіи отъ дующаго изъ Африки Сирокко. Восточные или юговосточные вѣтры приносятъ болѣе сухой, горный воздухъ и разсѣиваютъ туманы. Градъ въ долинѣ падаетъ весьма рѣдко, одинъ разъ въ четыре или въ пять лѣтъ. Вообще въ тропическихъ странахъ, при весьма частой грозѣ, паденіе града есть величайшая рѣдкость; ниже 1,800′ надъ моремъ онъ не падаетъ, равно какъ и въ мѣстахъ, (по замѣчанію Леопольда фонъ Буха), гдѣ живутъ кретины. Въ долинѣ произрастаетъ сахарный тростникъ, но по причинѣ сухой и каменистой почвы здѣсь предпочитаютъ разводить кофейный кустарникъ. Европейцу пріятно видѣть рядомъ съ бананами и кофейнымъ деревомъ произведенія своихъ отечественныхъ огородовъ и садовъ, но если онъ уже свыкся съ жаркимъ климатомъ, то для него все-таки здоровѣе оставаться въ сухомъ и знойномъ климатѣ Кумаиы, чѣмъ въ мѣстахъ, славящихся вѣчной весной, непостоянствомъ погоды и опасными болѣзнями. Гумбольдтъ и Бонпланъ провели два мѣсяца въ Каракасѣ и вполнѣ ознакомились съ землей и жителями. По замѣчанію нашихъ путешественниковъ, въ Каракасѣ сохранялся въ чистотѣ испанскій гостепріимный характеръ; нравы отличались утонченностью и вѣжливостью; старые испанскіе дворяне проявляли менѣе чѣмъ въ Европѣ высокомѣрія въ обращеніи съ лицами другихъ сословій. Жители Каракаса занимались музыкой, они знакомы были съ французской и испанской литературами, но не имѣли ни малѣйшаго ученаго образованія. Въ Каракасѣ, при 40 или 50,000 жителей, до самого 1806 года не было ни одной типографіи, тогда какъ въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ каждое мѣстечко въ 8,000 жителей имѣло свою газету. Гумбольдтъ, видѣвшій впослѣдствіи другіе главные города испанскихъ колоній, сравнивалъ ихъ между собой и нашелъ въ Санти Фе-де Богота (въ Новой Гренадѣ) и въ Мексикѣ болѣе расположенія къ ученымъ занятіямъ, въ Квито и въ Лимѣ (въ Перу) къ изящнымъ искусствамъ, въ Гаваннѣ же (на островѣ Кубѣ) и въ Каракасѣ болѣе политическаго смысла. Только здѣсь знали о положеніи колоній и метрополіи....

Желая взойти на вершину Силлы, господствующей надъ Каракасомъ, Гумбольдтъ не находилъ проводниковъ. Туземные охотники никогда не достигали вершины этой горы; собирать же травы, выламывать камни и минералы, дѣлать барометрическія и термометриче-

скія наблюденія разумѣется никому не приходило въ голову. Постоянныхъ и ясныхъ дней не было, и потому путешественники наши рѣшились выбрать такой день, когда облака спустятся въ долину; они надѣялись, что въ это время на вершинѣ горы будетъ ясно. День этотъ наступилъ. 22 января 1800 года Гумбольдъ и Бонпланъ отправились къ вершинѣ Силлы, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ. Ночь они провели въ ущельи, въ кофейной плантаціи. На другой день рано утромъ ученые начали свое восхожденіе на гору. Проводники воображали, что надобно будетъ употребить не болѣе 6 часовъ для того, чтобы достигнуть вершины. Поднимаясь по узкой стезѣ, путешественники слышали шумъ водопада, но самого потока не было видно подъ густой тѣнью критрій, клузій и индѣйскихъ фиговыхъ деревъ. Густой туманъ кружился около двуглавой вершины Силлы. Проводники начинали терять мужество. Съ каждымъ шагомъ путь становился затруднительнѣе. Отъ водопада по отклону горы тянулись пастбища, на которыхъ попадались небольшія лилейныя растенія съ желтыми цвѣтками и кустарники ежевики. Туманъ сгущаясь закрывалъ тропинку, по которой они взбирались; ноги ихъ безпрестанно скользили, такъ что они принуждены были ползти. На верху въ ущельи показался пальмовый лѣсокъ; въ этомъ лѣскѣ, на небольшомъ пространствѣ, они увидѣли разнообразнѣйшія растенія; особенно отличались между ними кусты изъ семейства зонтичныхъ растеній, вышиной отъ 10 до 15 футовъ, называемые креолами *incienso*, ладонъ. Небо становилось все темнѣе; термометръ опускался до 11^0 — значительный холодъ для тропическихъ странъ. За группой альпійскихъ растеній послѣдовала опять савана. Путешественники старались около западнаго купола Силлы спуститься въ углубленіе, отдѣляющее его отъ восточнаго купола. Здѣсь необходимо было ножомъ и топоромъ прокладывать дорогу сквозь густыя, банановыя растенія. Отъ времени до времени виднѣлся сквозь облака восточный куполъ Силлы. Но вдругъ густое облако скрыло всѣ предметы; было бы опасно продолжать путь по краю каменной стѣны, поднимающейся на 6000′ надъ моремъ: отъ этого путешественники должны были остановиться въ углубленіи, куда отставшіе дорогой негры принесли имъ къ обѣду только оливы и немного хлѣба. Дотащившись до углубленія, они отказывались итти далѣе. Ихъ болтливость и фамильярность представляли разительную противоположность съ молчаливостью и важностью индѣйцевъ, провожавшихъ Гумбольдта въ горахъ Карипе. Когда сильный восточный вѣтеръ разсѣялъ тучи, глазамъ нашихъ путешественниковъ открылись обѣ вершины, усѣянныя злаками и кустами бефаріи, — южно-американской альпійской розы. Къ самой вершинѣ восточнаго, болѣе высокаго купола растенія менѣе затрудняли дорогу; отклонъ его круто поднимался надъ моремъ, на 8,100′, переходя изъ гнейса въ настоящій гранитъ. Видъ съ вершины Силлы простирался къ сѣверу, на морѣ, къ югу на плодородную долину Каракаса, на пространство до 30 миль. Эта вершина замѣчательна не столько по своей высотѣ, сколько по страшной крутизнѣ, наклоненной къ морю. Вся горная масса Сил-

лы обросла растеніями; густые кусты спускаются съ хребтовъ ея къ углубленію, находящемуся между обоими куполами, и идутъ внизъ къ ущелію, слѣдуя за его извилинами; можно подозрѣвать подъ этими альпійскими растеніями скрытые ключи, оживляющіе ихъ зелень... Когда путешественники наши достигли вершины, вокругъ ихъ начали роиться небольшія пчелки, называемыя жителями *ангелочками* (*angelitos*), потому что онѣ рѣдко жалятъ. Термометръ измѣнялся на высотѣ отъ 11° до 14°, магнитная стрѣлка усилилась относительно Каракаса на 1 градусъ, лазурь воздуха была гуще, нежели у морского берега, и сухость воздуха увеличивалась по мѣрѣ сгущенія тумана. Гумбольдтъ и Бонпланъ не напрасно всходили на эту высоту: они нашли здѣсь новыя рѣдкія растенія и кромѣ того кварцовый кремень, свидѣтельствовавшій о весьма важномъ геогностическомъ явленіи, о прежнемъ поднятіи всей береговой горной цѣпи. Около $4^1/_2$ часовъ пополудни путешественники, окончивъ свои физическія наблюденія, начали осторожно спускаться съ горы, по той же тропинкѣ, по которой поднимались. Ночь настигла ихъ въ пальмовомъ лѣску. Они продолжали спускаться, держа другъ друга за руки. Жители Каракаса были очень недовольны результатомъ измѣреній ихъ горы; они полагали Силлу немного ниже тенерифскаго пика и никакъ не ожидали, чтобы она были даже ниже апенинскихъ вершинъ (въ Абруцахъ).

Гумбольдтъ же былъ очень обрадованъ, найдя, что направленіе горъ Каракаса, идущихъ отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, дѣлаетъ съ меридіаномъ уголъ въ 52°; такое же направленіе онъ нашелъ въ Альпахъ и изъ этого сходства въ направленіяхъ готовъ уже былъ вывести общія заключенія и составить общую систему направленій большихъ горныхъ кряжей. Но впослѣдствіи изученіе Андовъ, идущихъ отъ юга на сѣверъ, показало Гумбольдту всю неполноту его системы и заставило его еще глубже вникнуть въ строеніе земной коры. Въ гнейсѣ Каракаса, переходящемъ въ гранитъ, Гумбольдтъ искалъ слѣдовъ металлическихъ рудъ, часто находимыхъ въ этихъ горныхъ породахъ. Въ Перу и Мексикѣ богатѣйшія руды находятся не въ гнейсѣ, а въ переходномъ сланцѣ, траппѣ, порфирѣ, сѣрой ваккѣ и альпійскомъ известнякѣ. Около Каракаса въ кварцовыхъ жилахъ гнейса найдено имъ незначительное количество золота, осѣренное серебро, лазурная мѣдь и осѣренный свинецъ; но эти руды не стоятъ разработокъ. Еще въ XVI вѣкѣ прибывшіе сюда испанцы пробовали разработывать металлическія руды, но успѣхъ не отвѣчалъ ихъ надеждѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ путешествія Гумбольдта, въ 1812 году, землетрясеніе разрушило часть Каракаса, и домъ, въ которомъ жилъ Гумбольдтъ. Незадолго до этихъ страшныхъ явленій природы начались не менѣе страшныя кровавыя сцены войны за независимость колоній южной Америки. Возстанія Венезуэлы и Новой Гренады были сначала подавлены испанцами; обѣщанныя *амнистіи* нарушены; казни и война истребляли лучшихъ гражданъ... Завоеваніе, какъ и освобожденіе этой земли, стоило много крови; къ этому же еще присоединились бѣдствія другого рода. Въ до-

линѣ Каракаса издавна были замѣчаемы землетрясенія; но первый сильный подземный ударъ въ Каракасѣ былъ въ декабрѣ 1811 года, а второй, разрушившій городъ, 26 марта 1812 года. Связь между землетрясеніями Куманы въ 1797 и изверженіями волкановъ малыхъ антильскихъ острововъ, не скрывшаяся отъ вниманія Гумбольдта, представилась здѣсь въ размѣрахъ болѣе обширныхъ. Съ 1811 по 1813 годъ было потрясено огромное пространство земли, идущее отъ меридіана Азорскихъ острововъ, черезъ долину Огіо, потомъ Кордильеры новой Гренады, берега Вензуэлы, до волкановъ Антильскихъ острововъ, — пространство, обнимающее весь антильскій бассейнъ, уставленный на западѣ волканами центральной Америки, Кордильерами Никарагуи, Гватималы и Мексики, а на востокѣ волканами Антильскихъ острововъ. Вслѣдъ за первымъ подземнымъ ударомъ въ Каракасѣ, въ декабрѣ 1811 года, казалось ничего не предвѣщало новой бѣды, и на твердой землѣ южной Америки никто и не подозрѣвалъ о землетрясеніи острова Сан-Винцена и о колебаніяхъ бассейна Миссисипи, продолжавшихся непрерывно отъ 7 до 8 февраля 1812 года. Въ Венезуэлѣ была тогда страшная засуха. Въ Каракасѣ, 26 марта 1812 года, послѣ знойнаго дня въ $4^1/_2$ часа по полудни внезапно загудѣли колокола, пришедшіе въ движеніе не отъ руки человѣческой, но отъ потрясенной земли, колебавшейся въ продолженіи 10 или 12 секундъ подобно кипящей жидкости. Жители, пришедшіе сначала въ ужасъ, начали уже было мало-по-малу успокоиваться, полагая, что опасность миновалась, какъ вдругъ раздался съ страшнымъ подземнымъ громомъ, вертикальный подземный ударъ, продолжавшійся 3 или 4 секунды и сопровождаемый другими волнистыми, горизонталаными колебаніями земли, шедшими въ двухъ пересѣкающихся направленіяхъ, отъ сѣвера на югъ и отъ востока на западъ. Этотъ ударъ разрушилъ городъ менѣе нежели въ минуту, похоронивъ подъ его развалинами отъ 9 до 10,000 человѣкъ!... Землетрясеніе Каракаса распространилось на всю провинцію Венезуэлы, по прибережью и за горами; оно было чувствуемо и въ Новой Гренадѣ. Вслѣдъ за землетрясеніемъ Миссисипи и Каракаса, 30 апрѣля 1812 года произошло изверженіе волкана Сан-Винцена, находившагося въ спокойномъ состояніи съ 1718 года.

Гумбольдтъ значительно расширилъ взглядъ на волканическую дѣятельность земной внутренности. Обыкновенно представляли эту дѣятельность только въ видѣ отдѣльнаго волкана или огнедышащей горы, какъ въ Везувіи или въ Этнѣ, тогда какъ подземная огненная дѣятельность не только извергаетъ газы, огарины, лавы, образуетъ камни, но она еще потрясаетъ землю на огромныхъ пространствахъ, съ быстротою электрической искры; производитъ подземный громъ, вдали отъ всякихъ дѣятельныхъ волкановъ и поднимаетъ острова и горы. Волканическая дѣятельность земли привлекаетъ вниманіе не только геогноста, разсматривающаго образованіе горныхъ породъ, но и физика, изслѣдывающаго законы, которымъ подчиненъ весь земной шаръ. Внутренность земли — отвердѣвшая, окисленная земная кора и окружающая ее атмосфера находятся въ безпрестанныхъ взаимныхъ сообщеніяхъ и противодѣйствіяхъ и эти-то противо-

дѣйствія производятъ на земной поверхности всѣ измѣненія, совершаютъ всѣ процессы жизни. Лава, вытекая землистыми потоками изъ земной внутренности, скопляется пластами, охлаждается и повторяетъ передъ нашими глазами образованіе кристаллическихъ горныхъ породъ, образовавшихъ въ различные возрасты земли ея кору. Жерла огнедышащихъ горъ открыли строеніе волкановъ, извергающихъ грязь въ южной Америкѣ, Италіи, Тавридѣ и у Каспійскаго моря; эти волканы тоже сначала выбрасываютъ камни, огонь и пары, а потомъ уже грязь, нафту и удушливые газы. Въ волканической дѣятельности найдена та сила, которая, образовавъ пласты каменной соли, горное масло, сгущенный водородъ, осѣренное желѣзо, осѣренный свинецъ, и теперь не перестаетъ образовывать ихъ въ разсѣлинахъ земли; она же производитъ горячіе ключи и вбрасываетъ къ верху металлическія руды. Самыя землетрясенія, какъ дѣйствія подземной волканической силы, не ограничиваются одними динамическими явленіями — движеніемъ, но сопровождаются изверженіями газовъ, дыма. Волканическая сила оказывается теперь на немногихъ пунктахъ земной поверхности, 1) дѣятельными волканами, числомъ до 190, составляющими центральную группу или выходящими рядами, по земнымъ разсѣлинамъ, или 2) извѣстными кругами потрясенія земной коры. Въ первыя эпохи исторіи земного шара отвердѣвшая кора имѣла болѣе разсѣлинъ, внутренность земли имѣла болѣе исходовъ для сообщенія своего съ внѣшней атмосферой, расплавленныя подземныя массы, пробиваясь сквозь широкія разсѣлины, сильно колебали поверхность земли, то поднимая се до небольшихъ холмовъ, то воздымая ее до Андовъ и до Гималаи....

Гумбольдтъ и Бонпланъ отправились изъ Каракаса черезъ горы и долины, его окружающія, мимо горячихъ ключей, находящихся близь озера Валенсіи, въ обширныя равнины Калабозо, въ восточную часть провинціи Варинаса, къ рѣкѣ Ореноко. Они замѣтили, что земли, находящіяся за береговой горной стѣной, лишенныя непосредственныхъ морскихъ испареній, покрыты преимущественно растеніями съ гладкими и крѣпкими листьями, придающими почти зимній видъ этимъ тропическимъ ландшафтамъ; но близь Ореноко опять начинаетъ появляться свѣжая зелень. Въ окрестностяхъ Каракаса и вблизи Валенсіи жители съ успѣхомъ разводятъ кофейное дерево. Всеобщая европейская война, коснувшаяся и сосѣднихъ морей, заставила предпочитать здѣсь разведенія кофе воздѣлыванію какао; зерна кофе могутъ хорошо сохраняться нѣсколько лѣтъ, тогда какъ какао не болѣе года можетъ продержаться въ магазинахъ безъ порчи, слѣдственно для сбыта его нельзя выжидать благопріятныхъ политическихъ или торговыхъ обстоятельствъ. Кофейное дерево въ Аравіи и въ Явѣ достигаетъ до 30 и 40 фут. высоты; въ Америкѣ оно не очень высоко и его нарочно подрѣзаютъ, чтобы оно развѣтвлялось короной и имѣло болѣе цвѣтовъ. Вѣчно зеленыя листья его похожи на лавровыя; дерево цвѣтетъ черезъ годъ; самое расцвѣтаніе его продолжается не болѣе 24 часовъ — и бѣлые, пахучіе цвѣты покрываютъ

тогда дерево, какъ бы снѣгомъ. Плоды похожи видомъ на вишню, имѣютъ красный цвѣтъ и въ мясистой массѣ своей заключаютъ два зерна, съ одной стороны выпуклыя, съ другой плоскія, называемыя кофейными бобами, хотя они нисколько не принадлежатъ къ овощнымъ плодамъ, къ стручкамъ. Есть кофейныя деревья, дающія до 20 фунтовъ кофе, среднимъ же числомъ каждое дерево даетъ отъ $1^1/_2$ до 2 фунтовъ. Неизвѣстно, отечество кофе есть ли Іеменъ, противоположная Аравіи возвышенная плоскость Абиссиніи. Употребленіе кофе не было извѣстно въ классической древности. Преданіе разсказываетъ, что первый началъ употреблять кофе настоятель одного мусульманскаго монастыря, замѣтившій, что козы, поѣвъ кофейныхъ плодовъ, всегда дѣлаются игривы и прыгаютъ цѣлую ночь. Эти козы подали ему мысль приготовить питье изъ этихъ плодовъ, для того, чтобы во время всенощнаго бденія въ мечети питьемъ этимъ поддерживать въ себѣ бодрость. Какъ бы то ни было, достовѣрно извѣстно только то, что кофе вошелъ въ употребленіе у южныхъ береговъ Аравіи не ранѣе половины XV вѣка и оттуда распространился на востокѣ; въ Европѣ, исключая Турціи, онъ былъ мало извѣстенъ до половины XVII вѣка. Около этого времени кофе былъ привезенъ въ Марсель и съ тѣхъ поръ распространился по Европѣ, встрѣчая здѣсь, какъ и на востокѣ, яростныхъ противниковъ въ лицѣ врачей и богослововъ. Въ 1820 году въ Европу ввезено было 140 милліоновъ фунтовъ кофе: изъ Америки 106 милліоновъ фунт., съ Иль-де-Франса и острова Бурбона отъ 4 до 5 мил. фунт., изъ Аравіи и изъ Явы 30 мил. фунт. Въ одномъ Парижѣ въ этомъ году было продано 5 мил. фунт. кофе. Въ 1835 году въ Европѣ было употреблено 226 мил. фунт. Въ Англіи до 1808 года почти совсѣмъ не пили кофе; въ этомъ году потреблено его 1 мил.фунт.; съ 1809 до 1813 годъ каждый годъ до 7 мил фун., а въ 1832 году потреблено его 22 мил. фунт. Къ 226 мил. фунт. кофе, потребляемыхъ ежегодно въ Европѣ, должно прибавить до 37 мил. фунт. потребляемыхъ въ Америкѣ; если прибавить къ этому страны, производящія кофе (Яву, Аравію) и потребляющія его на востокѣ, то можно положить ежегодное потребленіе кофе на землѣ отъ 300 до 400 мил. фунт... За 400 лѣтъ употребленіе кофе было извѣстно на востокѣ только дервишамъ. Возрастающее требованіе кофе, обширное потребленіе его нимало не уменьшаютъ требованій на чай. Въ Бразиліи успѣшно разводятъ чайный кустарникъ; бразильское правительство, перенеся его на свою почву, вызвало въ Бразилію и китайскихъ переселенцевъ для обработыванія чая. Чайный кустъ находится въ ближайшемъ сродствѣ съ камеліями и принадлежитъ къ этимъ семействамъ растеній. Въ Европѣ ежегодно потребляется чаю 45 мил. фунт.; изъ этого числа въ Россіи потребляется $5^1/_2$ мил. фунт., въ Англіи 30 мил. фунт., во Франціи 230,000 фунт., въ Германіи $1^1/_2$ мил. фунт., сверхъ того въ Сѣверной Америкѣ потребляется его отъ 6 до 8 мил. фунт. Чай могъ бы поспѣвать и въ провинціяхъ Куманы и Каракаса, въ которыхъ всѣ климаты поднимаются отъ моря какъ бы этажами, образуя долины, возвышающіяся одна надъ другой....

8 февраля (1800) наши путешественники поднялись на высокій хребетъ, отдѣляющій долину Каракаса отъ долины Арагвы. По ту сторону хребта скалы были покрыты мхомъ и только обильные ключи, вырываясь изъ гнейса, текли между кустами пышныхъ растеній, — геликоній; ключи эти, стекая каскадами въ горный потокъ, въ своемъ стремленіи обнажали корни плумерій, или ясминныхъ деревъ, украшающихъ на островахъ западной Индіи сады индѣйцевъ, великолѣпной *Brownea* и *Ficus gigantea*. *Brownea*, называемая туземцами горной розой, или *Palo de Cruz*, имѣетъ какъ бы въ одномъ букетѣ отъ 400 до 500 пурпурныхъ цвѣтовъ; стволъ ея достигаетъ высоты 50 или 60′. Это растеніе одно изъ роскошнѣйшихъ украшеній жаркаго пояса. Добываніе превосходнаго угля изъ древесины *Brownea* начало истреблять ее. Далѣе земля была усѣяна кругомъ ананасами, гемимеридами (*hemimeris*, сухолюбъ) и черноустами (мелостомами), около которыхъ вились злачныя растенія. Между этими прекрасными растеніями, принадлежащими тѣнистому и прохладному поясу папоротниковъ, на мѣстахъ болѣе открытыхъ поднимались пальмы и группы серебристо-лиственныхъ кекропій, которыхъ тонкіе стволы имѣли черную, какъ бы обгорѣвшую вершину; это дерево, похожее на пальму, на вершинѣ своей имѣло едва 8 или 10 листьевъ; муравьи, роящіеся въ немъ, казалось препятствовали его дальнѣйшему прозябанію.... По обросшему лѣсомъ отклону горы наши путешественники спустились сперва въ небольшую долину, въ которой росли вмѣстѣ пизанги-бананы, картофель и кофе; встрѣченные здѣсь испанскіе чиновники табачной фермы отзывались очень неблагосклонно о землѣ, которой дикая красота, плодородіе и кроткій климатъ восхищали Гумбольдта и его спутника. Изъ этой долины они опять поднялись въ горы, мимо небольшихъ мызъ, въ которыхъ останавливаются погонщики муловъ, для отдохновенія и особенно для того, чтобы выпить здѣсь *гварáпо*, любимый напитокъ индѣйцевъ, приготовляемый изъ дрожжей сахарнаго тростника. Далѣе, по скатамъ горъ, внутри долины деревни становились многочисленнѣе и населеннѣе. Здѣсь изъ болѣе высокихъ долинъ умѣреннаго пояса у рѣки Туи переходишь опять въ болѣе жаркій поясъ, и переходъ этотъ очень ощутителенъ; дневной жаръ, достигая 24°, на ночь понижался до 17°. Въ этихъ мѣстахъ находятся большія сахарныя плантаціи.

Сахарный тростникъ, подобно другимъ травамъ имѣющій перегороженную въ коленцахъ соломину (*culmus*, стебель, наполненный сердцевиною), подымается на 6 или 10′ вышины и имѣетъ въ діаметрѣ отъ 1 до 4 дюймовъ; листья его длинные и тонкіе, цвѣтки расположены какъ въ овсѣ, т.е. состоятъ изъ чешускъ, покрытыхъ длинными, тонкими, шелковидными волосками. Издали можно отличить по цвѣту листьевъ три различные вида сахарнаго тростника: старый креольскій — темнозеленаго цвѣта, привезенный изъ Индіи сперва въ Сицилію, потомъ на Канарскіе и Антильскіе острова; второй видъ — свѣтлозеленаго цвѣта, выше, толще, сочнѣе и вообще болѣе роскошнаго развитія, чѣмъ первый; онъ вывезенъ изъ Южнаго моря, изъ Отаити и распространенъ по другимъ частямъ свѣта, путеше-

ственниками Бугенвилемъ, Кукомъ и Блайфомъ (*Bligh*); Бугенвиль привезъ его сперва въ Иль-де-Франсъ, оттуда въ Кайену и наконецъ на Мартинику. Этотъ тростникъ, занимая одинаковое пространство земли съ другими видами тростника, не только доставляетъ третью болѣе сырого, сахарнаго сока, нежели старый креольскій, но еще изъ его волокнистой древесины получается большое количество топлива. На Антильскихъ островахъ, гдѣ истреблены лѣса, выжимки изъ него замѣняютъ дрова. Третій видъ сахарнаго тростника, изъ Батавіи; онъ фіолетоваго цвѣта съ широкими, пурпурными листьями и изъ него преимущественно приготовляется ромъ. Въ 1830 году сахару было вывезено изъ западной Индіи 766 милліоновъ фунтовъ, изъ Бразиліи 140 милліоновъ фунт., изъ Бенгаліи, Явы, острова Бурбона 60 мил., изъ Иль-де-Франса 50 мил., всего 1016 мил. фунтовъ. Изъ этого числа 70 мил. фунтовъ потребляется въ Сѣверной Америкѣ и 950 милліоновъ въ Европѣ (въ четыре раза болѣе, чѣмъ кофе). Великобританія потребляетъ сахару ежегодно до 350 мил. фунт.; (въ 1700 году тамъ потреблялось его только 20 мил. а въ 1782 году уже 155 мил.;) Франція въ 1832 году потребила сахару 160 мил. фунт., (во Франціи же во времена Генриха IV сахаръ былъ такъ рѣдокъ, что его продавали въ аптекахъ унціями.) Древнимъ грекамъ и римлянамъ сахаръ вовсе былъ неизвѣстенъ, какъ и кофе; только древніе китайцы и индусы знали его употребленіе; изъ Индіи сахарный тростникъ былъ перевезенъ въ Аравію, оттуда аравійскіе завоеватели распространили его по Средиземному морю, а крестовые походы еще болѣе познакомили европейцевъ съ употребленіемъ сахару.

Въ долинѣ Туи сохранилось преданіе о золотой рудѣ. Гумбольдтъ, какъ минералогъ, осмотрѣлъ тѣ мѣста, гдѣ предполагалась золотая руда. Кромѣ кварцовыхъ жилъ онъ однако ничего не открылъ; въ нихъ могло заключаться и золото, но не было никакихъ показаній, которыя бы могли поощрить его къ дальнѣйшимъ розысканіямъ. Эти напрасные поиски были впрочемъ вознаграждены видомъ сильной растительности тѣхъ мѣстъ. Огромные стволы фиговыхъ деревъ, покрытые ванилью, широко разростались у корней своихъ; тутъ нѣкоторыя деревья имѣли до $22^1/_2{}'$ въ діаметрѣ; боковые корни, идущіе отъ ствола, далеко вились по землѣ; будучи разрубленными, на $20'$ разстоянія отъ дерева, эти корни выливали изъ себя млечный сокъ, измѣнявшійся и свертывающійся мгновенно при своемъ истеченіи. Въ этихъ исполинскихъ растеніяхъ тропическихъ странъ, быть можетъ въ продолженіи тысячелѣтій, въ одномъ и томъ же деревѣ безпрестанно заготовляются, безпрестанно приводятся въ движеніе питательные соки; сквозь ткани клѣтокъ и сосудовъ они стремятся къ вершинѣ дерева на $180'$ и опять опускаются къ своимъ вьющимся корнямъ. Подъ твердой, неровной корой, подъ слоями древесныхъ нитей, наросшихъ въ продолженіи вѣковъ, въ одномъ и томъ же деревѣ совершается безпрерывная органическая жизнь, тогда какъ цѣлыя человѣческія племена проходятъ и исчезаютъ!

Въ долинахъ Туи Гумбольдтъ наблюдалъ почти каждую ночь свѣтящійся на небѣ зодіакальный свѣтъ, видѣнный имъ еще въ Кара-

касѣ; этотъ свѣтъ имѣлъ фигуру кегля и свѣтился подобно млечному пути, онъ былъ такъ прозраченъ, что сквозь него виднѣлись малѣйшія звѣзды. На берегу рѣки Туи, у одной мызы, путешественники увидѣли столѣтнюю негритянку, сохранившую совершенное здоровье. Въ тропическихъ странахъ негры какъ и индѣйцы вообще живутъ долѣе бѣлыхъ.

Обработанныя поля находятся въ долинахъ Туи на 270 и 300 туазовъ надъ поверхностію моря; зерновый хлѣбъ ростетъ здѣсь между сахарнымъ тростникомъ, кофе и пизангомъ-банановъ. Ни въ какой равноденственной странѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ на островѣ Кубѣ, не опускаются такъ низко къ морскому уровню хлѣбныя поля, какъ въ этихъ долинахъ. Въ Мексикѣ лучшія хлѣбныя поля находятся на высотѣ 400—1,200 туазовъ, они рѣдко опускаются тамъ до 400 туазовъ надъ моремъ. Замѣчательно, что европейскіе хлѣба ростутъ всюду, отъ экватора до Лапландіи, на пространствѣ 69 градусовъ широты, вездѣ, гдѣ лѣтняя температура поднимается выше 9 или 10°; они поспѣваютъ въ земляхъ знойныхъ, имѣющихъ + 22° средней теплоты, и въ холодныхъ, въ которыхъ средняя температура года составляетъ — 2°. Извѣстна меньшая степень теплоты, необходимая для созрѣванія пшеницы, ячменю и овса, но не такъ легко опредѣлить наибольшую степень теплоты, которую могутъ переносить эти злаки, выдерживающіе почти всѣ климаты. Въ долинахъ Туи, въ Витторіи и ея окрестностяхъ, пшеницу жнутъ черезъ 70 или 75 дней послѣ ея посѣва; зерна ея крупны, бѣлы и обильны клеемъ; она даетъ тамъ самъ-16; во Франціи среднимъ числомъ самъ-5 или 6. Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась извѣстна степень обилія жатвъ подъ различными широтами, съ тѣхъ поръ, какъ узнали, подъ вліяніемъ какой температуры она наиболѣе преуспѣваетъ, убѣдились, что далѣе 45° широты пшеница нигдѣ такъ хорошо не родится, какъ у сѣверныхъ береговъ Африки и на возвышенныхъ плоскостяхъ новой Гренады, Перу и Мексики. Для преуспѣванія зернового хлѣба важнѣе всего температура 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцовъ; въ сѣверной Европѣ эта температура достигаетъ отъ 15 до 19° по стоградусному термометру; въ Берберіи и въ Египтѣ отъ 27° до 29°, въ тропическихъ странахъ Америки, на высотахъ отъ 300 до 1400 туазовъ, отъ 24° до 25°. Зерновый хлѣбъ не терпитъ между прочимъ ни излишней сухости, ни слишкомъ большой влажности воздуха. На островѣ Кубы, на востокѣ отъ Гаванны, зерновые хлѣба спускаются къ поверхности моря; на западѣ же отъ острова Кубы, по отклону Мексиканскихъ горъ, близъ Халапо, на 677 туазовъ высоты, пшеница прозябаетъ такъ роскошно, что не образовываетъ колосьевъ. Во время первыхъ переселеній испанцевъ въ Америку, когда поселенцы еще не привыкли къ употребленію американскаго маиса, или кукурузы, съ успѣхомъ сѣялись въ Америкѣ европейскіе хлѣба. Ихъ оставили впрочемъ для болѣе выгодной обработки хлопчатой бумаги и кофе.

Ближе къ озеру Валенсіи, въ долинахъ хлѣбныя поля начали исчезать, а съ ними и водяныя мельницы съ горизонтальными колесами; дорога все шла между плантаціями сахарнаго тростника, ин-

диго, хлопчатой бумаги и кофе. Правильно выстроенныя деревни, съ четырехъугольной площадью и церковью, по серединѣ, показывали, что селенія были основаны миссіями и монахами. Здѣсь путешественники встрѣтили послѣднія отдѣленія земской полиціи, совсѣмъ отвыкшей отъ военной службы въ своихъ мирныхъ долинахъ. Генералъ-капитанъ Венезуэлы, для поддержанія военнаго духа, дѣлалъ въ то время смотры и маневры. Въ одномъ мѣстечкѣ хозяинъ нашихъ путешественниковъ, поручикъ милиціи, жаловался Гумбольдту на перенесенные имъ военные труды: «Вообразите» говорилъ онъ — «я находился среди заряженныхъ ружей, которыя могли ежеминутно разорваться, 4 часа сряду стоялъ на солнце, и мои негры не смѣли держать надо мною зонтикъ!» Это было въ 1800 году. 12 лѣтъ спустя, эти же самыя мирныя долины и окрестности озера Валенсіи содѣлались театромъ кровавыхъ битвъ между милиціей и солдатами метрополіи.

Путешественники наши, продолжая свой путь, увидѣли вдали на горизонтѣ холмъ, обросшій растеніями; вблизи этотъ холмъ оказался деревомъ *Заманго Гвайры* (изъ семейства мимозъ и акацій); Заманго имѣлъ въ окружности 576′; высота ствола достигла до 60′, діаметръ его имѣлъ 9 футовъ. Правильно округленная вершина этаго дерева прекрасно рисовались на темной лазури неба, вѣтви его, широко распадаясь, склонялись къ землѣ, но не доходили до нея на 12 или 15 футовъ. Индѣйцы особенно уважаютъ это дерево. У сѣверныхъ береговъ озера Валенсіи почва земли казалась еще обработаннѣе, еще богаче. Колонисты разработывали здѣсь сперва индиго, потомъ какао, наконецъ хлопчатую бумагу и кофе; только какао и кофе остались значительнымъ предметомъ торговли южныхъ американцевъ съ Европой. Индиго получается теперь бо́льшею частію изъ восточно́й индіи.

Путешественники всюду находили у колонистовъ самое искреннее гостепріимство. Одна молодая мать, хозяйка ихъ, услышавъ, что они отправляются въ степи, посылала съ ними поклонъ ея мужу, находившемуся у береговъ Ореноко и просила ихъ «не забыть разсказать ея мужу, какого цвѣта глаза у ея новорожденнаго...» Путники, въ этихъ странахъ, не имѣющихъ постоянныхъ и частыхъ сообщеній, служатъ вмѣсто гонцовъ и курьеровъ. Мѣстами открывалось понемногу передъ путешественниками озеро Валенсіи. Тутъ остановили вниманіе нашихъ путешественниковъ небольшія бумажныя плантаціи, обработываемыя свободными работниками, бѣлыми людьми и мулатами. Графъ Товаръ, владѣвшій въ томъ краю обширными землями, желая уничтожить рабство негровъ и поощрить свободный трудъ, раздѣлилъ свои земли на небольшіе участки и отдалъ ихъ на откупъ бѣднымъ семействамъ и освобожденнымъ рабамъ. Примѣру его послѣдовали другіе, большіе владѣльцы, и такимъ образомъ въ этой сторонѣ земля обработывалась свободными мулатами, замбосами и неграми — и плантаціи процвѣтали *безъ рабовъ*.

Озеро Валенсія, по-индѣйски *Шакаригуа*, въ окружности своей болѣе Невшательскаго озера; южные берега его гористы, обнажены

и пустынны, сѣверные обработаны, заняты плантаціями хлопчатой бумаги, сахарнаго тростника и кофе; дороги, усаженныя вѣчно цвѣтущими кустами (*Cestrum, Azedorais*), соединяютъ разсѣянныя мызы; каждая мыза обставлена деревьями (*Цейбой*), съ большими желтыми цвѣтками; пурпурныя еритреи, обвивающія вѣтви деревъ, придаютъ особенную физіономію цѣлому ландшафту. Кусты хлопчатника съ ихъ широкими, темнозелеными листьями рѣзко отдѣляются на однообразной синевѣ безоблачнаго неба. Растеніе это любитъ сухую, песчаную почву; оно принадлежитъ къ семейству мальвъ. Стебель хлопчатныхъ кустовъ и деревьевъ достигаетъ до 15 и 20′ вышины. Большіе цвѣтки хлопчатниковъ имѣютъ двойную чашечку, пятилепестной вѣнчикъ, обыкновенно желтый, иногда же красный. Плодъ состоитъ изъ коробочки (*capsula*), раскрывающейся нѣсколькими створками и заключающей въ себѣ множество сѣмянъ, покрытыхъ длинной, плотной, бѣлой, иногда желтой шерстью; это-та шерсть и есть хлопчатая бумага. Еще желтые цвѣты хлопчатника не успѣютъ опасть, какъ уже изъ полуотверстой коробочки показываются хлопья бѣлой какъ снѣгъ шерсти: это придаетъ особенно живописный видъ всей хлопчатниковой плантаціи. Отечество хлопчатой бумаги есть Индія; ее воздѣлывали въ древности и въ верхнемъ Египтѣ; аравитяне перенесли ее въ южную Европу, откуда она перешла въ западную Индію. Въ сухое время года плантаціи озера Валенсіи орошаются искусственно. Берега озера, съ одной стороны обработанные, съ другой подымающіеся дикими, обнаженными скалами, напоминали Гумбольдту Женевское озеро, переносили его въ страны, прославленныя описаніями Жанъ-Жака Руссо, котораго творенія страстно изучались лучшими умами той эпохи.

Воды озера Валенсіи представляютъ весьма замѣчательное явленіе: онѣ замѣтно убываютъ. Берега и окрестности другихъ рѣкъ и озеръ показываютъ слѣды прежде бывшихъ другихъ отношеній между водой и сушью.... Раковины, живущія въ озерѣ Валенсіи, находятся и вдали отъ береговъ озера, внутри земли, въ пластахъ толщиной отъ трехъ до четырехъ футовъ и свидѣтельствуютъ о первобытномъ совершенно особенномъ положеніи тамошней почвы. Участки земли, находившіеся сперва подъ водой, усѣяны теперь пизангами, сахарнымъ тростникомъ и хлопчатниками; одни острова соединяются понемногу съ берегами, другіе поднимаются изъ мелководья, нѣкоторые образовали уже холмы посреди равнины. Не подводные каналы увлекаютъ воду вглубь земли, а испаренія уносятъ ее въ воздухъ. Озеро Валенсія, какъ и озера мексиканской долины, служитъ средоточіемъ особенной системы рѣкъ или горныхъ источниковъ, неимѣющей никакого сообщенія съ Океаномъ. Въ новомъ свѣтѣ, какъ и въ старомъ, въ озерѣ Валенсіи, какъ и въ Каспійскомъ морѣ, предполагали существованіе подземныхъ каналовъ, соединяющихъ ихъ воды съ водами Океана; но озеро Валенсія лежитъ на 222 туаза выше Океана, а Каспійское море на 44 туаза ниже его, и не можетъ быть въ сообщеніи съ нимъ, потому-что жидкости, соединяемыя трубами, должны необходимо приходить въ равновѣсіе, получить одинаковый

уровень. Гумбольдтъ полагаетъ, что убыль воды въ озерѣ Валенсіи произошло отъ измѣненія въ количествѣ воды, втекающей въ озеро, отъ изсушенія или уменьшенія источниковъ; источники же изсякли или уменьшились отъ истребленія лѣсовъ на вершинахъ горъ, отъ обработыванія земли, отъ воздѣлыванія индиго въ равнинѣ, которая была сперва покрыта разросшимися кустами и густымъ дерномъ и потому не испаряла въ такой степени земную влагу.... Въ серединѣ прошлаго вѣка горы, окружающія долины Арагвы, были покрыты лѣсомъ; большія деревья давали тѣнь и прохладу берегамъ озера Валенсіи. Малообитаемыя равнины были покрыты кустарникомъ; между ними поднимались отдѣльныя группы деревьевъ съ ихъ вьющимися, чужеядными растеніями; густая трава предохраняла почву отъ солнечнаго зноя. Съ истребленіемъ деревьевъ и кустарниковъ, съ разведеніемъ индиго и хлопчатой бумаги уменьшались ежегодно всѣ естественные притоки воды къ озеру Валенціи. Сила же испаренія самой воды зависитъ отъ болѣе или менѣе тѣнистой поверхности водъ, отъ подвижности или покоя, отъ глубины, свойства и цвѣта воды, отъ плотности паровъ, заключенныхъ въ атмосферѣ, и отъ сопротивленія, оказываемаго распространенію испареній, болѣе или менѣе плотнымъ, болѣе или менѣе подвижнымъ воздухомъ. Въ этихъ жаркихъ почвахъ испаренія не такъ велики, какъ можно бы было ожидать отъ возвышенной температуры воздуха, а этотъ воздухъ самъ по себѣ такъ влаженъ, что онъ противодѣйствуетъ испареніямъ почвы и останавливаетъ ихъ. Сверхъ того рѣки, текущія изъ долинъ къ озеру, въ нижнемъ теченіи своемъ, отъ декабря до іюля перестаютъ впадать въ озеро. При развившейся промышленности плантаторы отклонили ихъ отъ озера, для орошенія земель своихъ. До пятнадцати острововъ, отчасти населенныхъ и обработанныхъ, придаютъ особенную красоту озеру. На югѣ отъ озера находятся лучшія табачныя плантаціи цѣлой провинціи. Между водами, текущими въ озеро, есть такія, которыя выходятъ изъ горячихъ ключей. Только источники Маріары и Ласъ-Тринчерасъ были изслѣдованы Гумбольдтомъ.

Въ гранитномъ ущельи береговыхъ Кордильеровъ, близь Маріары находятся горячіе ключи; они бьютъ изъ различныхъ воронокъ различной температуры, отъ 36° до 59° стогр. терм.; нижнія воронки жарче верхнихъ; воды заключаютъ въ себѣ небольшое количество осѣреннаго водороднаго газа. Горячіе ключи сливаются въ ручей, который на 50 футовъ разстоянія отъ своихъ источниковъ имѣетъ только 48°. Дожди превращаютъ ручей въ горный потокъ и тогда теплота его уменьшается. Въ водѣ нѣтъ насѣкомыхъ, а въ воронкахъ находили потонувшихъ лягушекъ, спасавшихся туда отъ преслѣдованій змѣй. На югѣ отъ того же ущелья находится еще другой сѣрный ключь, менѣе теплый и заключающій еще менѣе газовъ; воды его стекаются въ небольшой бассейнъ, служащій ванной неграмъ, которые въ немъ освѣжаются послѣ своей дневной работы. Хотя эта вода 12 или 14° жарче воздуха, но ее называютъ *прохладной*, потому-что подъ тропиками это названіе употребляет-

ся для означенія всего, что̀ возстановляетъ силы, укрощаетъ нервную раздражительность и вообще доставляетъ пріятное ощущеніе. Цѣлый день наши путешественники провели у горячихъ источниковъ Маріары, покоясь въ своихъ развѣшенныхъ надъ деревьями койкахъ, ботанизируя и купаясь... Вблизи источниковъ они нашли высокое дерево *Gyrocarpus*, или *Valador*, опереннные плоды котораго, падая съ него, кружатся въ воздухѣ какъ *воланы*. Собранные путешественниками плоды были совершенно спѣлые; посланные въ Европу сѣмена этого дерева хорошо принялись въ садахъ Парижа, Малмезона и Берлина... Когда Гумбольдтъ и Бонпланъ вышли изъ воды и, по обычаю страны, полузавернутые въ простыни, сушились на солнцѣ, подошелъ къ нимъ маленькій человѣчекъ — мулатъ, и послѣ торжественнаго поклона началъ важную, длинную рѣчь: онъ имъ исчислялъ достоинства водъ, ихъ цѣлебную силу, выгодную мѣстность между Валенсіей и Каракасомъ, множество больныхъ, приходящихъ къ нимъ, и представлялъ удобства своей близлежащій хижины, покрытой пальмовыми листьями. «Въ ней», онъ говорилъ, «гости найдутъ всѣ удобства жизни: гвозди для вѣшанія коекъ, бычачьи кожи, тростниковыя скамьи, земляные горшки, безпрестанно наполненные свѣжей водой, наконецъ отличныхъ большихъ ящерицъ, игвановъ, доставляющихъ прохладительную пищу»... Этотъ краснорѣчивый мулатъ былъ инспекторомъ водъ и содержателемъ трактира и принялъ нашихъ путешественниковъ за больныхъ, пришедшихъ къ водамъ искать исцѣленія; узнавъ же, что они прибыли не болѣе какъ изъ любопытства «посмотрѣть,—и больше ничего», «*para ver, no mas*», онъ отвернулся отъ нихъ и пересталъ докучать имъ своею любезностію.

Отъ источниковъ Маріары путешественники отправились къ новой Валенсіи. Дорога шла между замангами, или мимозными деревьями, которыхъ стволы поднимались до 60 фут. вышины, а вѣтви раскидывались горизонтально отъ одного дерева до другого слишкомъ на 150′. Для избѣжанія дневного зноя путешественники наши ѣхали ночью. Пожары саванъ, нарочно зажигаемыхъ для полученія болѣе тучныхъ пастбищъ, то освѣщали зубчатые верхи горъ, то покрывали ихъ своимъ густо-красноватымъ дымомъ. Въ кустахъ, за путниками, слѣдовалъ съ воемъ ягуаръ (американскій тигръ). Аллея изъ Каролиній вела къ одной богатой сахарной плантаціи. Въ этой плантаціи путешественники вполнѣ насладились сельскою роскошью. Садъ, роща, увеселительный домъ на гнейсовой скалѣ, бельведеръ съ далекимъ видомъ на сѣверную часть озера, пальмовый лѣсъ, — все доставляло изысканнѣйшія удобства и удовольствія; но самая плантація обработывалась невольниками. 230 негровъ обработывали 77 тростниковыхъ полей. Креольскій и отаитскій сахарный тростникъ сажаютъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ; онъ цвѣтетъ въ октябрѣ, въ это время обрѣзаютъ верхушку, прежде нежели совсѣмъ разовьется вѣнчикъ; тростникъ поспѣваетъ обыкновенно черезъ 14 мѣсяцовъ. Для внутренняго употребленія производится въ Америкѣ папелонъ, предпочитаемый тамъ рафинаду и сырому сахару; небольшія

головы этого папелона состоятъ изъ нечистаго сахара, смѣшаннаго съ патокой и слизистымъ веществомъ, и имѣютъ темножолтый цвѣтъ; бѣдные люди ѣдятъ его въ Америкѣ какъ сыръ и почитаютъ весьма питательной пищей. Изъ папелона, приведеннаго въ броженіе водой, получается гварипо, любимый народный напитокъ. Для промыванія и очищенія сахарнаго сока въ провинціи Каракасѣ употребляется очищенный поташъ. Издревле извѣстный только въ Индіи, Китаѣ и на островахъ Тихаго океана, сахарный тростникъ, какъ мы уже замѣтили выше, былъ перенесенъ арабами къ берегамъ Средиземнаго моря. Въ XIV вѣкѣ его разводили на островахъ Кипрѣ, Родосѣ и въ Мореѣ, въ XV вѣкѣ онъ былъ введенъ въ Сицилію, Калабрію и на берега Испаніи. Изъ Сициліи сахарный тростникъ былъ перенесенъ на островъ Мадеру и на Канарскіе острова. Отсюда онъ перешелъ на Антильскіе острова, а съ Антильскихъ острововъ на твердую землю южной Америки, въ долины Арагвы. Маисъ, произведеніе новаго свѣта, привезенный изъ Антильскихъ острововъ на Канарскіе, въ замѣну полученнаго отсюда сахарнаго тростника, почти совсѣмъ вытѣснилъ здѣсь этотъ послѣдній: его обработываютъ только на островѣ Пальмѣ. Канарскій сахарный тростникъ начали разводить съ 1513 года на островѣ Сан-Доминго, подъ руководствомъ монаховъ ордена св. Іеронима; почти въ тоже время для разработки его привезены были туда африканскіе негры. Еще въ 1519 году точно также какъ и въ послѣднее время говорили въ колоніяхъ, «что Антильскіе острова совершенно опустѣютъ, если не будутъ ежегодно привозить для обработыванія ихъ невольниковъ съ гвинейскихъ береговъ.» А между тѣмъ негры на Сан-Доминго основали свою республику Гаити; англичане освободили негровъ въ своихъ антильскихъ колоніяхъ; европейскія державы составили союзъ для истребленія торга невольниками... И теперь Франція готовится освободить негровъ въ своихъ колоніяхъ. Правда, Испанія и Данія еще медлятъ приступить къ этой мѣрѣ въ своихъ колоніяхъ Антильскаго моря; еще не вездѣ земля воздѣлывается свободнымъ трудомъ, но вопросъ о невольникахъ уже рѣшенъ въ сознаніи и совѣсти европейскаго общества!...

Канарійцы до сихъ поръ управляютъ большими сахарными плантаціями твердой земли южной Америки; они тамъ завѣдываютъ обработкой, очисткой и извлеченіемъ сахару. Съ Канарскаго же острова Ланцероты перевели въ Венезуэлу верблюдовъ; такое переселеніе, сопряженное съ большими трудностями и издержками, не могло еще распространиться. Испанскіе завоеватели, переселившіе въ Америку рогатый скотъ, лошадей и муловъ, употребляли, вмѣстѣ вьючнаго скота, индѣйцевъ, для переноски товаровъ, для служенія войскамъ, отправляющимся на поиски, за добычей, для славы испанскаго имени! Съ царствованія Карла III съ индѣйцами начали обращаться почеловѣчнѣе. Требованія развернувшейся промышленности и торговли заставили искать удобнѣйшихъ средствъ сообщенія, и тогда-то сдѣланъ былъ опытъ ввести верблюдовъ въ Венезуэлу. Внутри жаркихъ равнинъ, неимѣющихъ каналовъ, верблюдъ — этотъ *степной корабль пустыни,* оказываетъ великія услуги человѣку.

На дорогѣ къ Новой Валенсіи находился небольшой пальмовый лѣсъ; его высохшіе листья при малѣйшемъ вѣтрѣ издавали какіе-то особенные, странные звуки. Ближе къ городу земля становилась обнаженнѣе, пустыннѣе; пасущіеся верблюды, волнующіеся пары надъ выжженной почвой сообщали окрестности видъ совершенно африканскій; глиняная, уравненная и оставленная водой почва, сильнѣе отражая лучи, умножала зной. Только у береговъ Ріо ди Валенсія стояли рѣдкія кокосовыя деревья; кругомъ же земля не представляла ни малѣйшей растительности. Вообще въ равноденственныхъ странахъ полагаютъ землю тѣмъ менѣе плодородной, чѣмъ болѣе она была воздѣлываема. Въ странахъ, не разработанныхъ рукой человѣка, каждое растеніе, поднимаясь мощнымъ кустомъ или деревомъ, предохраняетъ почву отъ солнечныхъ лучей и распространяетъ подъ широкой тѣнью своей прохладу и влажность... Не такъ съ обработанной землей, покрытой сахарнымъ тростникомъ, индиго или маніоко (хлѣбнымъ корнемъ): ихъ корни стоятъ плотнѣе одинъ возлѣ другого и питаются болѣе всего изъ земли; самыя растенія эти по формѣ своей не препятствуютъ лучамъ солнца проникать землю и сжигать въ ней начала плодородія. Такое сравненіе дѣвственной почвы, въ продолженіи вѣковъ предоставленной самой себѣ, съ долго обработываемыми землями, привело ко мнѣнію объ истощеніи земли. Это такъ называемое истощеніе земли не такъ ощутительно на твердой землѣ Америки, мало населенной сравнительно съ своимъ пространствомъ, сколько на малыхъ Антильскихъ островахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы на истощенной почвѣ не разводили бы нѣкоторое время индиго или сахарный тростникъ, а оставили бы поля подъ паромъ или посѣяли бы на нихъ неоднородныя семейства растеній, съ широкими листьями, покрывающими почву, то земля опять бы улучшилась и сдѣлалась бы по прежнему плодородной.

Новая Валенсія, расположенная на открытой равнинѣ, основана двѣнадцатью годами ранѣе Каракаса (въ 1555 году). Несчетное множество муравьевъ роютъ здѣсь въ почвѣ подземные каналы, наполняемые водой въ дождливое время и подкапывающіе зданія города. Св. Сатурнинъ, почитаемый туземными жителями защитникомъ противъ этихъ насѣкомыхъ, до сихъ поръ еще не сжалился надъ мольбами жителей и не уничтожилъ враговъ Новой Валенсіи. Мѣста эти ознаменовались войнами, бунтами и набѣгами индѣйцевъ. Здѣсь памятно имя Лопеца д'Агвира, одного изъ дикихъ героевъ исторіи завоеванія Америки. Изъ Перу, по рѣкѣ Амазонокъ, Лопецъ спустился къ Океану, вошелъ въ Антильское море, приставалъ къ острову Маргаритѣ, и оттуда перешелъ къ берегамъ Венезуэлы, въ гавань Бурбураты и въ долины Арагвы. Изъ Валенсіи онъ писалъ (1561) къ королю испанскому Филиппу II о независимости земли, о низверженіи короля и хвалился своими злодѣяніями и вмѣстѣ набожностію. Онъ давалъ совѣты королю, какъ управлять колоніями и учреждать миссіи, хладнокровно разсказывая о своихъ убійствахъ и возстаніи, и жаловался на распутство монаховъ. Среди дикихъ индѣйцевъ, въ плаваніи своемъ по большому морю пресной

воды, онъ «съ ужасомъ помышлялъ объ ереси Мартина Лютера и о возрастающемъ вліяніи поклонниковъ Лютера въ Европѣ.» Агвира, оставленный своими товарищами, былъ убитъ; умирая, онъ закололъ дочь свою, чтобы избавить ее отъ стыда быть дочерью измѣнника. Въ 1578 и 1580 годахъ Валенсія испытала нападенія каранбовъ, приходившихъ съ Ореноко. Потомки этихъ воинственныхъ племенъ мирно живутъ теперь въ миссіяхъ, и скитающіяся еще полу-дикія орды въ Гвіанѣ болѣе не отваживаются переходить степи, отдѣляющія страну лѣсовъ отъ обработанныхъ земель. Въ 1677 году Валенсія была еще разъ разграблена не индѣйцами, а французскими флибустьерами.

Гумбольдтъ не упустилъ случая изслѣдовать горячіе ключи Тринчеро, находящіеся неподалеку отъ Новой Валенсіи. Температура этихъ ключей составляла 90°,3 стогр. терм.; яйца въ нихъ сваривались въ четыре минуты; ключи били изъ грубозернистаго гранита. Вода при своемъ испареніи оставляла осадокъ, каменную кору углекислой извести. Роскошная растительность окружала мѣста, запруженныя горячими ключами. Мимозы съ нѣжными и перистыми листьями, клузіи и фиговыя деревья пускали свои корни на днѣ одного пруда, имѣвшаго 85° тепла; подымавшіеся жаркіе пары не лишали листья этихъ растеній ихъ яркой зелени, несмотря на то, что вѣтви, наклоняясь къ водѣ, отстояли отъ нея едва на 2 или на 3 дюйма. Аронникъ (клещинецъ, имбирь), съ древеснымъ стволомъ и большими стрѣльчатыми листьями поднимался изъ пруда, имѣвшаго 70° теплоты... Ближе къ морскому берегу, къ Порто-Кабелло, къ которому спускались наши путешественники, жаръ становился нестерпимъ. Въ окрестностяхъ Порто-Кабелло во время наводненій свирѣпствуетъ желтая лихорадка; зной же въ самомъ Порто-Кабелло не такъ силенъ, какъ въ Гвайрѣ.

Изъ Порто-Кабелло путешественники возвратились опять черезъ Новую Валенсію въ долины Арагвы, чтобы отправиться оттуда въ степи. Гумбольдтъ изслѣдовалъ въ томъ краю одно дерево, о которомъ разсказывали, будто оно даетъ питательное молоко; но такъ какъ всѣ млечные соки растеній кислы, горьки и болѣе или менѣе ядовиты, то разсказы, будто сокомъ этого дерева питаются негры, казались очень сомнительными. Это дерево, носящее названіе *коровьяго дерева (Chrysophyllum Cachito)*, имѣетъ прекрасный видъ звѣздояблонника (золотолиста) и длинные, заостренные, липкіе листья. Гумбольдтъ не видѣлъ цвѣтковъ дерева, плодъ же его имѣетъ въ себѣ мало мякоти и заключаетъ въ себѣ одинъ или два орѣха. Изъ надрѣзаннаго ствола вытекаетъ въ значительномъ количествѣ липкое, довольно густое молоко, совершенно мягкаго вкуса, съ пріятнымъ, бальзамическимъ запахомъ. Наши путешественники пили сами это молоко утромъ и вечеромъ и не чувствовали отъ него никакого вреда. Негры и работники употребляли его въ разныхъ видахъ. Хозяинъ мызы, въ которой остановились наши путешественники, увѣрялъ, что негры полнѣютъ отъ этого молока. Коровье дерево растетъ въ прибрежныхъ Кордильерахъ Венезуэлы между Борбулой и Маракайб-

скимъ озеромъ и въ долинѣ Каракуа, находящейся на востокѣ отъ Каракаса. Здѣсь природа удивляла Гумбольдта не обширными лѣсами своими, не теченіемъ водъ и строеніемъ горъ, но своей чудной производительностію, единствомъ своихъ дѣйствій, при разнообразіи средствъ. Наука, снимая съ природы очарованіе таинственнаго, открыла близкую связь между растительной и животной жизнію; то, что считалось исключительно принадлежащимъ или къ растительнымъ, или къ животнымъ веществамъ, найдено въ основаніи своемъ составленнымъ изъ одинаковыхъ химическихъ основныхъ частей. Но еще прежде чѣмъ химики нашли восковыя частички въ цвѣточной пыли и лакѣ листьевъ, жители Андовъ Квинділу уже приготовляли восковыя свѣчи изъ густой восковой коры одного пальмоваго дерева (*Ceroxylon andicola*). Недавно въ миндальномъ молокѣ открытъ казеомъ, основное начало сыра, тогда какъ въ продолженіи вѣковъ, въ горахъ Венезуэлы, сокъ одного дерева считался молочнымъ, питательнымъ веществомъ, и комки, отдѣляющіеся отъ этого молока, назывались сыромъ. Такъ нужда „мѣстныя потребности открываютъ то, до чего наука доходитъ длиннымъ путемъ опытовъ и розысканій! Народы, получающіе изъ растеній значительную часть своей пищи, искали мучныя и питательныя частицы всюду, гдѣ только природа расположила ихъ въ сокахъ, въ корѣ, въ корняхъ и плодахъ. Мука, находимая въ полной чистотѣ въ сѣменахъ злаковъ, зерновыхъ хлѣбовъ, находится въ соединеніи съ ѣдкими, иногда ядовитыми соками въ корняхъ *аронника* (*arum*), *таккы* (*Tacca Pinnatifida*) и *ятрофа манигота* (*Jatropha Manihot*). Жители Америки и острововъ южнаго моря, выучились услащать муку, извлекаемую изъ этихъ кореньевъ, выжимая и отдѣляя отъ нее ея сокъ. Вообще млечносочныя растенія принадлежатъ преимущественно тремъ семействамъ: *молочнымъ* (*euphorbiaceae*), *крапивнымъ* (*urticeae*) и *кутровиднымъ* (*apocyneae*). Многочисленнѣйшіе виды этихъ семействъ встрѣчаются въ глубокихъ мѣстахъ тропическихъ странъ; изъ этого можно заключать, что необходима весьма возвышенная температура для образованія въ этихъ растеніяхъ млечныхъ соковъ, для приготовленія въ нихъ каучука (гумми), бѣлковины и сырнаго вещества (казеома). Нельзя не замѣтить, что эта роскошь природы, производящая въ жаркомъ поясѣ млечныя, хлѣбныя и масляныя деревья, поощряетъ лѣнь человѣка, подавляетъ его духъ, и здѣсь необходимы сильнѣйшія пружины, чтобы возбудить человѣка къ труду и вызвать его изъ духовной дремоты.

Гумбольдтъ намѣренъ былъ еще осмотрѣть восточныя вѣтви Кордильеровъ Новой Гренады; но какъ это отклонило бы его слишкомъ далеко отъ Ореноко, то онъ вмѣстѣ съ Бонпланомъ направилъ свой путь на югъ, къ степямъ. Во второй разъ путешественники проходили богатыя и обработанныя долины Арагвы. У Ореноко, выше водопадовъ Атуры и Майпуры онъ увидѣлъ первый дикорастущій шоколатникъ. Между племенами, живущими у Ореноко, Гумбольдтъ не замѣтилъ ни одного, которое бы изъ сѣменъ какао приготовляло питье. Индѣйцы высасываютъ изъ стручка какао мякоть, а сѣмена отбрасываютъ; сѣмена эти обыкновенно въ большомъ количествѣ

разсыпаны у индѣйскихъ таборовъ. Обработываніе шоколатнаго дерева перешло въ южную Америку изъ Мексики и Гватималы; оттуда же заимствовано приготовленіе шоколата изъ зеренъ его; пить шоколатъ насъ выучили первобытные жители Мексики, Толтеки и Ацтеки, какъ китайцы выучили пить чай. До XVII вѣка о шоколатѣ отзывались не совсѣмъ лестно, говорили, что это питье прилично болѣе свиньямъ, нежели людямъ и нѣкоторые писатели удивлялись, какъ испанцы, живущіе въ Америкѣ, могли привыкнуть къ этому черному питью съ пѣной! Шоколатное дерево достигаетъ своей полной силы въ 8 или 10 лѣтъ и оплодотворяется не прежде 8 лѣтъ. Значительнѣйшія плантаціи какао находятся въ провинціи Каракаса, вдоль берега; лучшими считаются тѣ, которыя находятся у береговъ рѣки Иритуку, при входѣ въ льяносы. Европа въ послѣднее время употребляла ежегодно 23 милліона фунтовъ какао, 45 милліоновъ фунтовъ чаю, 226 милліоновъ фунтовъ кофе и 950 мил. ф. сахару. Изъ этихъ четырехъ главныхъ предметовъ дѣятельности европейскихъ колоній и европейской торговли какао почти исключительно принадлежитъ Америкѣ, а чай Азіи, хотя и тотъ и другой пробуютъ теперь разводить и въ другихъ частяхъ свѣта. Въ плантаціяхъ какао жаловались на истощеніе почвы; деревья начали въ меньшемъ обиліи и позже приносить плоды.

Гумбольдтъ замѣчаетъ, что причина этого уменьшенія плодородія заключается не столько въ истощеніи почвы, сколько въ измѣненіи самого климата въ земляхъ, долго обработываемыхъ. Онъ заключаетъ свое описаніе провинціи Каракаса обзоромъ ея почвы и металлическихъ богатствъ.

Восточные Кордильеры Новой Гренады внезапно опускаются къ западу и образуютъ между 10 и 9° с. ш. цѣпь холмовъ, отдѣляющихъ воды, текущія въ льяносы, въ рѣки Апуре и Ореноко, отъ тѣхъ, которыя стремятся въ озеро Валенсію и Карибское море. Пласты этихъ Кордильеровъ простираются бо́льшею частію къ сѣверо-западу, такъ что въ этомъ направленіи текутъ многочисленные потоки и рѣки, наводняющіе земли и заражающіе ихъ своими вредными испареніями. Здѣсь самыя замѣчательныя рѣки: Такуйо, Ароа и Таракуй. Долины ихъ были бы населеннѣе долинъ Арагвы, если бы климатъ былъ здоровѣе. Въ одной изъ боковыхъ долинъ рѣки Ароа находятся мѣдныя руды; въ прибрежныхъ же ущельяхъ находится въ небольшомъ количествѣ золотой песокъ.

Въ 1553 году, на горныхъ заводахъ Буріи, обработываемыхъ неграми, случилось въ маломъ видѣ то, что̀ въ новое время повторилось въ бо́льшихъ размѣрахъ на островѣ Сан-Доминго: одинъ негръ взбунтовалъ своихъ товарищей рудокоповъ, съ тремя стами человѣкъ убѣжалъ въ лѣса и учредилъ тамъ независимую монархію; жену свою онъ произвелъ въ королевы, учредилъ дворъ, назначилъ министровъ, государственныхъ совѣтниковъ и поставилъ епископа-негра. Государство этого короля-негра было впрочемъ скоро уничтожено....

За горами, окружающими озеро Валенсію, разстилаются обширные степи, льяносы или саваны Каракаса; за плодородными, обработан-

выми, населенными долинами Арагвы тянутся безлѣсныя, выжженныя, пустынныя равнины. 6 марта 1800 года наши путешественники, оставивъ долины Арагвы, слѣдовали юго-западными берегами озера Валенсіи. Здѣсь встрѣчали они еще обработанныя земли, покрытыя пизангами-бананами, бутылочными тыквами и арбузами. Въ лѣсу при восходѣ солнца они увидѣли толпу обезьянъ *арагуатовъ*. Эти обезьяны переходили съ одного дерева на другое.... За самцомъ обыкновенно слѣдуютъ нѣсколько самокъ, которыя несутъ на плечахъ своихъ дѣтей. Про этихъ обезьянъ въ народѣ ходятъ разныя исторіи. Увѣряютъ, будто ревуны (арагуаты) бросаютъ своихъ дѣтей, чтобы быстрѣе спасаться отъ преслѣдованій. Гумбольдтъ полагаетъ, что этихъ обезьянъ оклеветали; имѣя случай видѣть и наблюдать ихъ въ своихъ пятилѣтнихъ странствованіяхъ по тропическимъ странамъ, онъ не замѣтилъ ничего подобнаго. Индѣйцы не любятъ арагуатовъ за ихъ печальный видъ и монотонный ревъ и предпочитаютъ имъ болѣе проворныхъ маленькихъ обезьянъ-*сагуиновъ*, *Віудитовъ* (вдовъ) и *Тити*. Ревъ арагуатовъ слышится за 5000′. Миссіонеры замѣчали, что если между арагуатами самка находилась въ родахъ, обезьяны смолкали и прекращали свой ревъ до тѣхъ поръ, пока обезьяна разрѣшалась отъ бремени.

Подъ $9^1/_2^\circ$ сѣверной широты путешественники спустились въ необозримые льяносы. Солнце стояло на зенитѣ, когда они вступили въ нихъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва была совсѣмъ лишена растеній, было отъ 48 до 50° жару; надъ землей незамѣтно было ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ, между прочимъ посреди этой кажущейся тишины подымались безпрестанно круговороты пыли, проходившіе надъ самой поверхностью почвы. Неравенство температуры въ песчаныхъ степяхъ и мѣстахъ, покрытыхъ растеніями, подымало эти песчаные вихри, умножавшіе зной. Здѣсь весьма трудно было наблюдать термометръ, потому-что тонкія песчинки ударяли въ шарикъ его и не позволяли показывать настоящую воздушную температуру. Кругомъ равнина казалась поднимающейся къ небу; необъятно разстилаясь, она представлялась океаномъ, покрытымъ водорослями. По причинѣ паровъ, неровно распредѣленныхъ въ атмосферѣ, и измѣняющейся температуры, горизонтъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ казался рѣзко отдѣленнымъ, въ другихъ волнистымъ, вьющимся и какъ бы идущимъ полосами; тутъ земля сливалась съ небомъ. Сквозь сухой туманъ и слои паровъ проглядывали стволы пальмъ. Лишенные своихъ листьевъ и зеленыхъ вершинъ, они казались мачтами кораблей, виднѣющимися на горизонтѣ. Гумбольдтъ нашелъ что-то величественное и вмѣстѣ печальное и мрачное въ однообразномъ видѣ этихъ степей; все въ нихъ какъ бы оцѣпенѣло; только какое-нибудь облако, изрѣдка проходящее по зениту, предвѣщало близость дождей. Что̀ болѣе поражаетъ—видъ Андовъ или этихъ степей? Гумбольдтъ не рѣшаетъ. Какъ ни поднимаются высоко вершины горъ, горныя страны все-таки имѣютъ общую, нѣсколько знакомую физіономію; не такъ легко свыкнуться съ льяносами Венезуэлы и съ пампасами Буэносъ-Айреса, въ которыхъ въ продолженіи двадцати или тридцати-

дневнаго пути разстилаются не прерываясь однѣ гладкія равнины. О степяхъ Южной Америки не могутъ дать приблизительнаго понятія ни равинны или льяносы Ламанчи, въ Испаніи, ни верески (*ericeta*), простирающіеся отъ Ютланда черезъ Люнебургъ и Вестфалію до Нидерландовъ, ни пастбища Венгріи между Дунаемъ и Тейсой, ни русскія степи между Днѣпромъ, Дономъ и Волгой.

Вересковыя земли сѣверной Европы, степи Азіи, пустыни Африки и саваны Америки не представляютъ тѣхъ противоположностей, которыя бы ихъ рѣзко отличали другъ отъ друга. Въ вересковыхъ земляхъ ростутъ не одни вересковыя фамиліи растеній, не всѣ азіятскія степи покрыты соляными растеніями; въ саванахъ Венезуэлы возлѣ односѣмянодольныхъ злаковъ поднимаются небольшіе кусты мимозъ, овощныхъ растеній и другихъ двухсѣмянодольниковъ. Степи Дзюнгаріи, рѣкъ Дона и Волги, венгерскія *пушты* — суть настоящія саваны, пастбища, обильныя злаками, тогда какъ саваны на востокъ и на западъ отъ сѣвероамериканскихъ Каменныхъ горъ и въ Новой Мексикѣ наполнены, какъ въ степяхъ Азіи, соляными растеніями изъ семейства марей, лебеды (*chenopodium*), заключающими въ себѣ углекислую и солекислую соду. Въ азіятскихъ степяхъ находятся также пустыни, лишенныя всякой растительности, какъ напримѣръ въ Аравіи, въ Гоби, въ Персіи; въ африканскихъ же пустыняхъ Саары, какъ и въ Аравіи, встрѣчаются саваны и пастбища. Песчаныя пустыни, которыя были бы совершенно лишены растительности, почти не встрѣчаются въ новомъ свѣтѣ. Гумбольдтъ нашелъ ихъ только въ низменныхъ мѣстахъ Перу и у береговъ Южнаго моря. Испанцы называютъ ихъ тамъ не льяносами, а *Desiertas*. Пустыни Сечуры и Атакамеса не широки, но простираются въ длину на 440 миль; изъ песку всюду проглядываетъ каменистая почва, тутъ не падаетъ ни капли дождя и какъ въ пустыняхъ Саары на сѣверѣ отъ Томбукту, такъ и въ этой перуанской пустынѣ, находится богатая соляная копь. Въ новомъ свѣтѣ повсюду встрѣчается много гладкихъ, необитаемыхъ пространствъ, несоставляющихъ еще собственно пустынь. Американскіе саваны, льяносы и пампасы, съ ихъ почвою, выжженой или покрытой растеніями въ 4 или 5 футовъ вышиной, въ строгомъ смыслѣ слова нельзя называть лугами: это настоящія степи. Въ дождевое время ихъ покрываетъ прекраснѣйшая зелень; въ сухое же время они представляютъ видъ совершенной пустыни. Растенія распадаются тогда въ пыль, земля трескается и расщеляется; крокодилы и большія змѣи цѣпенѣютъ въ высохшемъ илѣ, но первые весенніе дожди пробуждаютъ ихъ. Эти явленія повторяются всюду, гдѣ сухая земля на большія пространства (на 50 или 60 квадр. миль) имѣетъ однѣ небольшія рѣки; впрочемъ и здѣсь у береговъ рѣчекъ и запруженныхъ болотныхъ водъ путникъ встрѣчаетъ отъ времени до времени, даже въ величайшую засуху, кусты пальмы-маврициі, которыхъ опахальные листья никогда не теряютъ своей блестящей зелени.

Степи Азіи находятся внѣ тропическаго пояса и составляютъ отчасти возвышенныя плоскости, и въ Америкѣ на хребтахъ горъ Мексики, Перу и Квито находятся довольно пространныя саваны, по возвы-

шенности своей находящіяся тоже въ умѣренномъ поясѣ. Обширнѣйшія степи Америки, льяносы Куманы, Каракаса и рѣки Меты принадлежатъ тропическому климату и мало подымаются надъ поверхностью моря, что придаетъ имъ особенный характеръ. Въ нихъ нѣтъ пустынь, какъ въ степяхъ сѣверной Азіи и Персіи, нѣтъ озеръ безъ истоковъ, ни небольшихъ системъ рѣкъ, пропадающихъ въ пескахъ или просачивающихся подъ землей. Южно-американскіе льяносы имѣютъ покатость къ востоку и югу, и воды ихъ стекаютъ въ Ореноко; поднятіе самихъ льяносовъ весьма незначительное: барометрическія измѣренія Гумбольдта у рѣкъ Поа и Меты показывали отъ 40 до 50 футовъ возвышенія надъ поверхностью океана. Паденіе водъ такъ незначительно, что при полноводіи Ореноко и при небольшомъ вѣтрѣ воды рѣкъ бываютъ гонимы обратно къ верху; въ это время случается, что индѣйцы, ѣдущіе по рѣкѣ Араукѣ, втекающей въ Ореноко, думая плыть къ нему внизъ по рѣкѣ, увлекаются обратнымъ движеніемъ водъ вверхъ. Степи или льяносы южной Америки отличаются совершеннымъ отсутствіемъ холмовъ и значительныхъ неровностей; почва ихъ кажется совсѣмъ горизонтальной. Здѣсь Гумбольдтъ замѣтилъ только два рода неровностей. Одинъ состоитъ изъ *банкосовъ*, или разбитыхъ пластовъ песчаника, или плотнаго известняка, подымающихся какъ бы отмелями въ бассейнѣ степей, на 4 или 5 футовъ надъ остальной плоскостью; поверхность ихъ, совершенно гладкая, простирается на 3 или 4 мили, и только по краямъ этихъ пластовъ можно замѣтить ихъ возвышеніе. Другой родъ неровностей этихъ степей можетъ быть замѣченъ геодезическимъ или барометрическимъ нивеллированіемъ или открытъ теченіемъ рѣкъ; эти неровности суть небольшія покатыя возвышенія, незамѣтно поднимающіяся въ степи на нѣсколько туазовъ. Однообразный видъ этихъ степей, рѣдко разбросанныя по нимъ жилища, трудности путешествія подъ знойнымъ небомъ, въ душной и пыльной атмосферѣ, этотъ горизонтъ, безпрестанно убѣгающій вмѣстѣ съ стволами пальмъ, обозначающими его, – все это вмѣстѣ заставляетъ предполагать эти степи обширнѣе, чѣмъ каковы онѣ въ дѣйствительности. Для береговыхъ жителей Венезуэлы, за южными отклонами ихъ горъ, льяносы подобно зеленому океану представляются имъ въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ.

Здѣсь путешественники узнали, что изъ дельты Ореноко можно подняться до провинціи Варинаса и оттуда вверхъ по рѣкамъ Метѣ, Гуавіарѣ и Гагуану достигнуть, сначала отъ востока на западъ, а потомъ отъ сѣверовостока на юго-западъ, черезъ экваторъ, до подошвы Андовъ Пасто; извѣстно, что пампасы Буэносъ-Айреса состоятъ изъ такихъ же степей какъ и льяносы. Какимъ образомъ эти льяносы соединены вмѣстѣ, какой видъ и пластику имѣютъ промежуточныя земли, не имѣютъ ли они горъ и возвышеній? Вотъ вопросы, занимавшіе Гумбольдта, и онъ рѣшился изслѣдовать пластику неизвѣстныхъ странъ и опредѣлить положеніе равнинъ, находящихся съ одной стороны между Андами, съ другой между горами Париме

(въ Гвіанѣ) и Бразильскими. Вотъ что привлекало его въ степи, къ источникамъ Ореноко.

Бассейнъ нижняго Ореноко находится въ связи съ бассейномъ Ріо-Негро и рѣки Амазонокъ; эти бассейны ограждены съ одной стороны гранитными горами Париме, съ другой стороны Кордильерами Чиквитоса (въ Боливіи). Ореноко, отъ источниковъ своихъ, въ горахъ Париме, течетъ сперва на западъ, до самого впаденія въ него рѣки Гвавіары; отсюда онъ обращается на сѣверъ, прокладываетъ себѣ дорогу въ скалахъ Париме и образуетъ водопады, между 4° и 7° сѣверной широты; далѣе, принявъ въ себя рѣку Апуре, Ореноко опять обращается на востокъ. Онъ принадлежитъ такимъ образомъ двумъ бассейнамъ: верхнему, обращенному къ рѣкѣ Амазонокъ, и нижнему, оканчивающемуся дельтой Ореноко; нижнее его теченіе показываетъ направленіе равнины между Андами Новой Гренады и западнымъ отклономъ горъ Париме. Въ провинціи Варинасъ, въ равнинахъ рѣки Апуре находятся памятники исчезнувшихъ народовъ, остатки искусственныхъ дорогъ и коническіе холмы, напоминающіе могильные курганы азіятскихъ степей. Слѣды ли это народовъ, спускавшихся изъ горъ Новой Гренады, отъ Трухилло и Мериды, или памятники туземцевъ, жившихъ въ равнинѣ? Это рѣшить трудно. Полудикіе Индѣйцы, обитающіе теперь между рѣками Апурой и Метой, едва ли могли совершить эти работы, предполагающія нѣкоторую образованность. Американскіе льяносы составляютъ едва четвертую часть ширины большой африканской пустыни; отъ положенія страны относительно господствующихъ вѣтровъ зависитъ ея климатъ. Большое песчаное море Африки, разстилающееся отъ востока къ западу, находящееся въ связи съ Іеменомъ, Гедрозіей, Белуджистаномъ и правымъ берегомъ Инда, жарче льяносовъ Южной Америки, и небольшой бассейнъ Чернаго моря, окруженный со всѣхъ сторонъ равнинами, открытый вѣтрамъ, дующимъ отъ восточныхъ пустынь, принадлежитъ къ жарчайшимъ пунктамъ на земномъ шарѣ.

Большая африканская песчаная и безводная пустыня посѣщается одними караванами; только въ восточной части ея находятся пастбища и только ея оазы обитаемы; она отдѣляетъ племена негровъ отъ мавританскихъ племенъ. Въ Америкѣ менѣе широкія, менѣе жаркія степи, оплодотворяемыя большими рѣками, представляютъ менѣе препятствій для сношеній между различными племенами. Степи въ древнія времена также мало предохраняли цивилизацію отъ набѣговъ варваровъ, какъ и теперь онѣ мало ограждаютъ независимость ордъ, живущихъ въ лѣсахъ. Народы нижняго Ореноко могли всегда, подымаясь по рѣкамъ, проходить степи, распространяться на сѣверъ и на западъ отъ нихъ. Несмотря на эту доступность степей, распредѣленіе животныхъ, рогатаго и вьючнаго скота на земномъ шарѣ не позволило развернуться пастушеской жизни въ новомъ свѣтѣ...

Гумбольдтъ и Бонпланъ, послѣ трехдневнаго путешествія въ степяхъ, въ страшный зной (въ мартѣ мѣсяцѣ), остановились на ночь въ трактирѣ «Крокодила» (*El cayman*). Трактиръ этотъ стоялъ уединенно въ степи, посреди нѣсколькихъ тростниковыхъ хижинъ, по-

крытыхъ звѣриными кожами. Стада быковъ, лошадей, муловъ, переселившихся въ Америку вмѣстѣ съ европейцами, паслись на волѣ, по необозримымъ равнинамъ. Люди, вольные, вольноотпущенные и рабы, обнаженные до пояса, съ копьемъ въ рукѣ, скакали по саванамъ, ловили этихъ животныхъ и раскаленнымъ желѣзомъ клали тавро на тѣхъ, которыя не носили еще знака своего хозяина. Эти погонщики, *Peones llaneros*, почти всегда на конѣ. Они переносятъ страшный зной и обыкновенно питаются одной сушоной или слегка соленой говядиной. Въ этомъ степномъ трактирѣ путешественники могли достать для питья только вонючую и илистую воду... кругомъ тысячи коровъ, а нельзя достать капли молока! Отъ лѣни и безпечности колодцевъ не роютъ, хотя всѣмъ извѣстно, что на десяти футахъ глубины находятся въ льяносахъ источники чистой воды. Пить воду можно было не иначе, какъ процѣженную сквозь тряпку. Мулы нашихъ путешественниковъ, во время ихъ отдыха, были пущены на волю отыскивать воду въ саванѣ. Въ степи около мызъ всегда находятся пруды или лужи; ихъ-то животныя должны сами находить инстинктивно. Для изощренія чутья животныхъ ихъ запираютъ немедленно по прибытіи въ жаркія стойла на нѣсколько часовъ. Выпущенные потомъ лошади и мулы, закинувъ голову и поднявъ хвостъ, несутся прямо противъ вѣтра саванъ, отъ времени до времени останавливаются, какъ бы озирая землю, и наконецъ продолжительнымъ ржаніемъ возвѣщаютъ объ открытіи воды. Гумбольдтъ и Бонпланъ послѣдовали за мулами, чтобы осмотрѣть грязный прудъ, служащій водохранилищемъ и доставляющій воду для утоленія жажды. Прудъ этотъ былъ уставленъ пальмами; найдя воду его свѣжѣе окружавшей ея температуры, они, запыленные и усталые, бросились въ него купаться, но зашевелившійся въ грязи крокодилъ выгналъ ихъ изъ этой грязной ванны. Оставляя мызу, они не замѣтили, на сѣверъ или на югъ они пошли отъ нея; отыскивая потомъ дорогу къ ней, они заблудились среди однообразныхъ саванъ и уже располагали провести ночь гдѣ-нибудь подъ пальмой, но встрѣча съ индѣйцемъ, скакавшемъ на конѣ для сбора своихъ табуновъ, вывела ихъ изъ затрудненія; индѣецъ долго и недовѣрчиво озиралъ ихъ, пока рѣшился указать дорогу къ мызѣ. Проводники, остававшіеся въ мызѣ, увѣряли, что они ужь «начинали безпокоиться» за нашихъ путешественниковъ, хотя и не думали трогаться съ мѣста, чтобы отыскивать ихъ.

Ночью наши путешественники снова пустились въ путь. Необозримое звѣздное небо, свѣжій морской вѣтеръ, волнистое колыханіе травъ, — все напоминало имъ океанъ. Солнце взошло на горизонтѣ и прямо поднялось къ зениту, точно какъ на морѣ. Въ равноденственныхъ странахъ время восхожденія солнца есть самое холодное; термометръ въ это время не опускался ниже 27°, 5, тогда какъ въ столь же низменныхъ странахъ, вблизи Акапулко, въ Мексикѣ, послѣ полдневнаго зноя, доходившаго до 32°, термометръ при восхожденіи солнца показывалъ только 17°, 8. Когда солнце поднималось къ зениту, тогда въ воздухѣ начинали носиться превратные образы предметовъ, находящихся на землѣ. Это явленіе называется *зеркальностію возду-*

ха, или *миражемъ*. Воздушные слои, въ небольшемъ разстояніи отъ раскаленной земной поверхности, имѣли столь различныя температуру, движеніе и плотность, столь различно переломляли лучи свѣта, что въ стадѣ быковъ, показавшемся на горизонтѣ, ноги однихъ быковъ носились въ воздухѣ, тогда какъ другіе быки казались стоящими на землѣ. Путешественникъ Нибуръ (отецъ историка) видѣлъ въ аравійскихъ пустыняхъ превратныя изображенія животныхъ, плавающихъ въ воздухѣ, а Скорезби видѣлъ въ полярныхъ странахъ въ воздухѣ изображенія кораблей съ обращенными внизъ мачтами. Французская армія Наполеона, въ нижнемъ Египтѣ, томимая жаждою и зноемъ, часто видѣла вдали обманчивый образъ водъ съ островами и селеніями. При приближеніи эта вода исчезала. Такая игра воздушныхъ образовъ на обнаженной и знойной почвѣ называется на санкритскомъ языкѣ «жаждой газели (антилопы)». Восточные писатели безпрестанно упоминаютъ объ этихъ волшебныхъ обманчивыхъ явленіяхъ. Эти миражи едва были извѣстны грекамъ и римлянамъ, для которыхъ вообще поэзія пустынь имѣла мало очарованія....

Неподалеку отъ Калабозо съ стадами быковъ и лошадей мирно паслись косули, которые ростомъ не менѣе ланей. Злаки, покрывавшіе степь, не достигали 9 и 10 дюймовъ вышины; ближе къ рѣкѣ Апуре они доходили уже до четырехъ футовъ вышины, такъ что ягуаръ могъ смѣло скрываться въ немъ, сторожа свою добычу. Пастбища богаче у рѣкъ и вообще тамъ, гдѣ пальмы ростутъ группами. Въ степяхъ находится множество видовъ пальмъ. Большая часть низкихъ пальмъ льяносовъ плодоносна. Жители саванъ считаютъ нѣкоторыя изъ этихъ низменныхъ степныхъ пальмъ ростущими ужь нѣсколько вѣковъ. *Пальма-Кобиха* доставляетъ хорошій строевой лѣсъ и такъ тверда, что въ нее съ трудомъ можно вколотить гвоздь; опахальные листья ея употребляются для покрытія кровель. Южнѣе находится въ саванахъ *пальма-пириту* съ перистыми листьями и *пальма-муричи*, называемая *деревомъ жизни*; эта послѣдняя есть собственно американское саговое дерево и доставляетъ муку, вино и волокно для плетенія одеждъ и рогожекъ. Плоды его похожи на еловыя шишки и покрыты чешуей; они вкусомъ нѣсколько сходны съ яблокомъ; когда поспѣваютъ, то внутренность ихъ становится желтой, а наружность красной; жители саванъ готовятъ изъ нихъ прохладительный, окисленный напитокъ. Обезьяны арагуаты очень лакомы до этихъ плодовъ. Даже и въ засуху блестящіе листья дерева жизни сохраняютъ свѣжесть зелени. Степные жители полагаютъ, что это дерево притягиваетъ пары изъ воздуха, потому-что подъ нимъ всегда находится на нѣкоторой глубинѣ вода; здѣсь причину смѣшиваютъ съ дѣйствіемъ: муричи-пальма ростетъ всегда на влажныхъ мѣстахъ, и скорѣе вода привлекаетъ ее, чѣмъ она воду. Ближе къ Калабозо жаръ становился нестерпимымъ и доходилъ до 40° и 41°. По совѣту проводниковъ, путешественники наши, для предохраненія головы отъ солнечныхъ лучей, наполнили свои шляпы листьями *Rhopale* (изъ семейства серебряковыхъ растеній *proteaceae*), дерева, ростущаго вмѣ-

стѣ съ пальмами; особенное же освѣженіе доставляли положенные въ шляпы листья *повоя* (*Pothos*) или другихъ клещевидныхъ растеній, *aroideae*.

Городъ Калабозо лежитъ въ степи между берегами рѣкъ Гуарико и Уритуки; богатство жителей составляютъ стада. Около города находятся пять деревень или миссій. Отъ устья Ореноко до маракаибскихъ лагунъ въ льяносахъ находятся слишкомъ милліонъ быковъ, три милліона лошадей и девяносто тысячъ муловъ. Въ пампасахъ Буэносъ-Айреса считаютъ до двѣнадцати милліоновъ коровъ и три милліона лошадей, не считая скота, дико пасущагося въ степи и неотмѣченнаго хозяевами....

Распространившаяся на южномъ Ореноко торговля расплодила шайки разбойниковъ, похищающія стада. Испанскій скотъ былъ введенъ въ льяносы въ половинѣ XVI вѣка черезъ Коро и Токуйо. Хотя огромное число стадъ, размножающихся въ американскихъ степяхъ, и пугаетъ воображеніе, однако не должно забывать, что въ Европѣ на гораздо меньшемъ пространствѣ находится неменьшее число домашняго скота: Франція питаетъ шесть милліоновъ штукъ большой рогатый скотины (въ этомъ числѣ $3^1/_2$ милліона воловъ). Одинъ Парижъ потребляетъ ежегодно 155,000 штукъ.

Въ Калабозо, въ степи, Гумбольдтъ нашелъ человѣка, приготовившаго полную электрическую машину, не имѣя никакого образца. Этотъ механикъ устроилъ ее, изучая законы электрическихъ явленій по одному сочиненію объ электричествѣ Сиго-де-ла-Фона (*Sigaud de la Font*) и по запискамъ Франклина. Здѣсь въ ближнихъ прудахъ Гумбольдтъ могъ повторить свои электрическіе опыты надъ гимнотами (электрическими угрями). Эти трепещущія, электрическія рыбы находятся въ Антильскомъ морѣ, у береговъ Куманы, въ Средиземномъ морѣ, у Мыса Доброй Надежды, равно какъ и въ большихъ американскихъ рѣкахъ: въ Ореноко, Метѣ, рѣкѣ Амазонокъ. Быстрое теченіе и глубина воды не позволяютъ ловить электрическихъ угрей въ этихъ рѣкахъ. Въ льяносахъ и около Калабозо болотныя воды, какъ и воды, текущія въ Ореноко, наполнены гимнотами. Индѣйцы боятся ихъ, хотя и увѣряютъ, что знаютъ противъ нихъ средство: стоитъ только, по ихъ мнѣнію, жевать во рту табакъ, тогда можно безопасно трогать рыбу. Дѣйствіе табаку на электричество похоже на сказку матросовъ о чеснокѣ и салѣ, дѣйствующихъ будто бы на магнитную стрѣлку. Наши путешественники, видя, что имъ трудно достать отъ индѣйцевъ живыхъ гимнотовъ, для своихъ наблюденій, рѣшились сами отправиться на рыбную ловлю. Ловить гимноты сѣтями было невозможно: быстрые, какъ змѣи, они уходили въ илъ; вслѣдствіе этого индѣйцы предложили ловить рыбу *лошадьми*. Въ болото нагнали толпу дикихъ лошадей и муловъ; топотъ ихъ выгналъ гимнотовъ изъ ила и вызвалъ къ битвѣ. Индѣйцы съ баграми и длинными бамбуковыми палками окружили болото, взлѣзли на деревья, ростущія надъ болотомъ, и препятствовали крикомъ и палками лошадямъ и муламъ выходить на берегъ. Начался бой отчаянный. Выплывшіе на поверхность трепе-

щущіе угри, оглушаемые крикомъ и топотомъ, кидались подъ брюхо лошадей и муловъ и безпрестанно приводили въ дѣйствіе заключенныя въ ихъ внутренностяхъ электрическія баттареи. Лошади и мулы отъ электрическихъ ударовъ рвались во всѣ стороны и падали другъ на друга; одни изъ нихъ, не будучи въ состояніи подняться на ноги, исчезали подъ водой, другіе вскакивали, дико храпя и сверкая глазами, и бросались къ берегу; но на берегу, истощенные электрическими потрясеніями, падали на песокъ. Въ продолженіи пяти минутъ боя потонули двѣ лошади. Побѣда клонилась по-видимому на сторону гимнотовъ. Мало-по-малу электрическіе удары становились рѣже, утомленные гимноты начали скрываться въ илъ, ибо для нихъ необходимъ долгій покой и обильная пища, чтобы опять набраться галванической силы. Лошади и мулы съ своей стороны постепенно приходили въ себя. Гимноты въ свою очередь боязливо приближались къ берегу, и индѣйцы ловили ихъ острогами (гарпунами), прикрѣпленными къ длиннымъ веревкамъ. Если эти веревки совершенно сухи, то въ нихъ разряжается электричество, и такимъ образомъ индѣйцы, поднимая рыбу, не чувствовали ни малѣйшаго потрясенія. Гимноты принадлежатъ къ величайшимъ изъ всѣхъ электрическихъ рыбъ; они достигаютъ длины $5^1/_2$ футовъ и живутъ въ водѣ, имѣющей отъ 26^0 до 27^0 тепла. Въ испанской Гвіанѣ ихъ употребляли нѣкогда какъ врачебное средство противъ паралича. Туземцы приписываютъ присутствію гимнотовъ недостатокъ въ другихъ рыбахъ, будто бы изгоняемыхъ ими изъ прудовъ. Люди и животныя избѣгаютъ этихъ электрическихъ рыбъ; въ одномъ мѣстѣ въ степи перемѣнили дорогу, проходившую черезъ рѣчку, гдѣ свирѣпствовали гимноты, убивавшіе муловъ, переправлявшихся черезъ нее. Если сѣти вытаскивали случайно *алигатора* (американскаго крокодила) вмѣстѣ съ гимнотой, то послѣдняя бывала всегда невредимой, успѣвъ оглушить своего непріятеля до его нападенія. Органъ, снабженный электричествомъ, находится у гимнотовъ въ связи съ сердцемъ и мозгомъ и произвольно управляется животными. Сила, скопляющаяся во внутренности гимнотовъ и служащая для ихъ обороны, двигается во всѣхъ органахъ животныхъ и растеній и пробуждается въ нихъ взаимнымъ прикосновеніемъ ихъ влажныхъ и разнородныхъ частей; эта же самая сила, зажигающаяся въ видѣ молніи, въ гремящихъ облакахъ связана съ магнитными явленіями земного шара.

Путешественники продолжали свой путь къ югу, къ экватору. У экватора нашли почву степей еще суше, пыльнѣе и растресканнѣе; пальмы рѣже показывались посреди степи. Въ этихъ степяхъ они нашли лежащую безъ чувствъ дѣвушку-индіянку, лѣтъ двѣнадцати или тринадцати; глаза, ноздри и уши ея, какъ и возлѣ стоящая кружка, были наполнены пескомъ; приведенная въ память, освѣженная водой, увидѣвъ себя окруженную толпой незнакомыхъ, она сначала испугалась, потомъ успокоилась понемногу, разговорилась съ проводниками и разсказала имъ, что шла изъ ближайшей мызы въ миссію, находящуюся въ сосѣдствѣ Калабозо и, утомленная жаромъ и жаждой, изнемогла и упала безъ чувствъ. По солнцу она полагала, что

пролежала въ такомъ положеніи нѣсколько часовъ. Напрасны были усилія уговорить ее сѣсть на мула и продолжать путь вмѣстѣ съ караваномъ. Она никакъ несогласилась на это, взяла свою кружку, снова наполнила ее водой и одна пустилась въ путь. Облако пыли скоро скрыло ея отъ глазъ нашихъ путешественниковъ.

Ночью путешественники переправились въ бродъ черезъ рѣку Уритуку; имъ совѣтовали не пускать своихъ собакъ пить изъ нея воду, потому-что крокодилы часто выходятъ изъ воды и преслѣдуютъ собакъ на берегу. Въ льяносахъ крокодилы погружаются въ *лѣтній сонъ* и лежатъ въ это время погребенные въ засохшемъ илѣ; *боа*, или водяные змѣи также здѣсь цѣпенѣютъ во время жаровъ. (Въ холодныхъ полярныхъ странахъ, напротивъ, животныя засыпаютъ на зиму). Когда воды начинаютъ убывать, тогда крокодилы и исполинскіе змѣи, слишкомъ лѣнивые, чтобы оставлять свои высыхающіе бассейны, углубляются въ илъ и въ немъ цѣпенѣютъ. Дожди опять пробуждаютъ ихъ къ жизни. Въ умѣренномъ поясѣ сѣверной Америки, въ Георгіи и въ Флоридѣ, происходитъ другого роду явленіе: усиленный жаръ пробуждаетъ крокодиловъ изъ ихъ нервнаго и мышечнаго разслабленія. Когда въ сѣверномъ Египтѣ, гдѣ въ самые холодные дни не менѣе 13°, 4 тепла, водились еще крокодилы, тогда они часто цѣпенѣли отъ холода и впадали въ *зимній сонъ*, подобно нашимъ лягушкамъ, саламандрамъ, земляными ласточкамъ (стрыжамъ) и суркамъ. Въ жаркомъ поясѣ, кромѣ крокодиловъ и змѣй южной Америки, *тенреки*, или мадагаскарскіе ежи проводятъ три мѣсяца въ году въ летаргическомъ *лѣтнемъ снѣ*. Время величайшей засухи въ тропическихъ странахъ, неточно называемое лѣтомъ жаркаго пояса, совпадаетъ съ зимнимъ временемъ умѣреннаго пояса, и тогда-то происходитъ странное физіологическое явленіе: алигаторы сѣверной Америки отъ холода впадаютъ въ зимній сонъ, въ то время, когда сходственные имъ крокодилы льяносовъ погружаются въ лѣтній сонъ.

25 марта путешественники наши вступили въ совершенно гладкую степь. Имъ попадались навстрѣчу многочисленныя стада, вслѣдъ за которыми вились въ воздухѣ стаи черныхъ птицъ изъ рода *кротофаговъ* (оводоѣдовъ); птицы эти опускались на спину коровъ, чтобы искать слѣпней и другихъ насѣкомыхъ. Почва состояла изъ краснаго песчаника, или изъ нѣкотораго роду конгломерата, состоящаго изъ кварца, кварцоваго сланца и лидійскаго камня. Этотъ красный песчаникъ, образовавшійся изъ песчинокъ разрушившихся горныхъ породъ, разстилается по равнинѣ далеко на востокъ отъ Андовъ; на сѣверной оконечности равнины онъ лежитъ въ нѣкоторомъ углубленіи на переходномъ сланцѣ, на югѣ же покрываетъ гранитъ Ореноко. Въ пустынѣ путешественники были вдругъ обрадованы видомъ мызы, окруженной садомъ и имѣвшей вблизи бассейнъ чистой воды. Неподалеку отъ нея находилась небольшая деревня, основанная капуцинами. Основатель этой деревни съ отправленіемъ церковныхъ обязанностей соединялъ мелочную продажу: въ церкви онъ самъ продавалъ банановые плоды и гуарино своимъ прихожанамъ.

Самая деревня состояла изъ степныхъ бродягъ и бѣглецовъ, находящихъ подъ покровительствомъ монаховъ. 27 марта путешественники достигли до города Сан-Фернандо, главнаго мѣста капуцинскихъ миссій провинціи Варинаса. Здѣсь окончилось ихъ странствованіе по степямъ; слѣдующія мѣсяцы, апрѣль, май и іюнь, они продолжали свое путешествіе по рѣкамъ. Городъ Сан-Фернандо до Апуре находится при сліяніи двухъ большихъ рѣкъ; всѣ произведенія провинціи Варинаса идутъ черезъ этотъ городъ по рѣкѣ Апуре въ Ореноко, къ устью этой послѣдней рѣки. Во время дождей, когда рѣки выступаютъ изъ береговъ и наводняютъ землю, тогда торговля бываетъ особенно оживлена. Городъ основанъ только въ 1789 году и отстоитъ отъ Каракаса на 33 географическихъ мили.

Въ Сан-Фернандо, у Апуры начинается водяная система рѣки Ореноко и рѣки Амазонокъ, представляющая естественнымъ соединеніемъ этихъ рѣкъ замѣчательное явленіе на землѣ и долженствующая современемъ имѣть большое вліяніе на ходъ цивилизаціи въ тѣхъ странахъ. Между Сан-Фернандо, Кайкаро и устьемъ рѣки Меты находится покатое возвышеніе почвы, своими отклонами принуждающее Ореноко принять теченіе на востокъ. Здѣсь находится обильнѣйшее собраніе водъ, впадающихъ въ Ореноко; при наступленіи дождей рѣки наводняютъ земли на 400 геогр. квадр. миль. Саваны покрываются тогда водой на 12 или 14 футовъ; деревни и мызы, строящіяся на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, едва на три фута поднимаются надъ водой. Здѣсь все тогда напоминаетъ наводненія нижняго Египта; разлитіе рѣкъ Апуры, Меты и Ореноко также періодическое, какъ и разлитіе Нила.

Путешественники провели три дни въ Сан-Фернандо у богатаго капуцинскаго миссіонера, ласково принявшаго ихъ по рекомендаціи каракасскаго епископа. Мѣсто это извѣстно своимъ страшнымъ зноемъ; бѣлый песокъ у берега Апуры въ два часа по полудни имѣлъ 52°, 5; на двѣнадцать дюймовъ надъ пескомъ термометръ показывалъ еще 42°, 8; на высотѣ шести футовъ было 38° 7; въ тѣни 36°, 2; при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра температура возвышалась на три градуса. Во время дождя, жаръ въ льяносахъ значительно возрасталъ. 28 марта Гумбольдтъ, при восхожденіи солнца, измѣряя широту рѣки Апуре, услышалъ раскаты грома; то была первая гроза и первый дождь, начинавшіе новое время года тропическихъ странъ. Вода въ рѣкѣ внезапно поднялась отъ дунувшаго восточнаго вѣтра; вскорѣ за этимъ опять настала тишина въ воздухѣ, и большія китовидныя животныя, похожія на морскихъ коровъ, начали играть на поверхности водъ....

По замѣчанію Гумбольдта, чистота воздуха тропическихъ странъ отъ декабря до февраля удивительна. Небо тогда постоянно безоблачно, и если на немъ показывается невзначай облако, то это явленіе возбуждаетъ вниманіе жителей, какъ нѣчто необыкновенное. Въ концѣ февраля и въ началѣ марта синева неба является менѣе темной, воздухъ становится влажнѣе, звѣзды иногда скрываются за легкимъ паровымъ облакомъ, и свѣтъ ихъ перестаетъ быть кроткимъ, пла-

нетнымъ. Вѣтеръ ужь не такъ силенъ и постояненъ и прерывается тишью. На юго-юго-востокѣ сбираются облака, принимающія очертанія какъ бы отдаленныхъ горъ. Часто видишь, какъ они срываются съ горизонта и несутся къ небесному своду съ быстротой, не отвѣчающей слабому дуновенію вѣтра, господствующему въ нижнихъ слояхъ атмосферы. Къ концу марта южная сторона атмосферы начинаетъ освѣщаться электрическими взрывами; фосфорныя искры будто ограничены здѣсь особенной группой паровъ. Съ этихъ поръ, отъ времени до времени, начинаютъ появляться западные и юго-западные вѣтры и продолжаютъ дуть сряду по нѣсколько часовъ. Это знакъ приближенія дождевого времени; у Ореноко оно начинается въ концѣ апрѣля. Лазурь неба исчезаетъ и замѣщается однообразной сѣрой краской. Въ то же время теплота воздуха умножается, и небо задергивается покровомъ сгущенныхъ паровъ. Обезьяны начинаютъ свой жалобный вой задолго до восхожденія солнца. Атмосферное электричество, отъ декабря до марта довольно постоянное, становится вдругъ весьма измѣнчивымъ... Вообще атмосфера въ жаркомъ поясѣ, какъ и въ умѣренномъ, находится въ положительномъ, или стеклянномъ электричествѣ, во время же наступающихъ дождей она часто переходитъ на нѣсколько минутъ въ отрицательное, или смоляное электричество. Дождевое время есть время частой грозы; несмотря на это, многіе опыты доказали, что въ самое это время электрическое напряженіе нижнихъ слоевъ атмосферы дѣлается слабѣе. Гроза начинается обыкновенно два часа спустя послѣ прохожденія солнца чрезъ меридіанъ, слѣдственно вскорѣ послѣ величайшаго дневного зноя. Ночью или утромъ внутри земли весьма рѣдко слышится громъ; ночныя грозы, отличающія нѣкоторыя рѣчныя долины жаркаго пояса, составляютъ исключенія и связаны съ особеннымъ климатомъ этихъ долинъ.

Время періодическихъ дождей подъ поворотными кругами Гумбольдтъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: когда солнце находится надъ южнымъ полушаріемъ и наше сѣверное полушаріе имѣетъ зиму, тогда существуетъ весьма большое различіе между температурами жаркаго и сѣвернаго умѣреннаго пояса. Это различіе въ теплотѣ производитъ сильные притоки болѣе холоднаго воздуха къ экватору; подобное движеніе воздуха дѣлается съ моря къ сильно нагрѣтой твердой землѣ или происходитъ въ маломъ видѣ, когда потокъ болѣе холоднаго воздуха стремится въ открытую дверь нагрѣтой комнаты. Такимъ образомъ проникающій съ сѣвера болѣе холодный воздухъ, согрѣваясь въ жаркомъ земномъ поясѣ, поднимается къ верху и опять обращается къ полюсу. Покуда эти потоки воздуха прибываютъ и поднимаются, воздушные пары въ жаркомъ поясѣ не могутъ спуститься дождемъ. Когда же солнце поднимается надъ сѣвернымъ полушаріемъ и водворяетъ на немъ лѣто, тогда воздухъ умѣреннаго пояса нагрѣвается, и различіе въ температурѣ двухъ земныхъ поясовъ перестаетъ быть ощутительнымъ. Притоки холоднаго воздуха къ жаркому поясу уменьшаются и перестаютъ быть правильными, наступаютъ подъ поворотными кругами тиши и измѣнчивые вѣтры;

поднимавшіеся и накоплявшіеся къ верху пары, не поддерживаемые болѣе потоками воздуха одинаковой температуры, охлаждаются и падаютъ дождемъ. Такъ какъ испаренія въ жаркомъ поясѣ весьма сильны, то и количество паровъ въ немъ весьма велико, а потому и дожди въ это время чрезвычайно обильны. Это дождевое время продолжается до тѣхъ поръ, пока солнце опять не вступитъ въ южныя созвѣздія и не наступитъ холодъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ; тогда различіе между температурами умѣреннаго и жаркаго пояса становится болѣе и болѣе значительнымъ, а съ нимъ умножается движеніе холодныхъ воздушныхъ потоковъ къ экватору; пары начинаютъ тогда подниматься и разлагаться между поворотными кругами, дожди перестаютъ, и тропическое небо получаетъ свою прежнюю, постоянную, темную лазурь....

Библіотека
...на Егоров...

Библіотека Ивана Егоровича Забѣлина

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ ГУМБОЛЬДТЪ И ЕГО КОСМОСЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АМЕРИКУ.

3.

Плаваніе по рѣкѣ Ореноко.

Въ Сан-Фернандо де-Апуре, Гумбольдтъ и Бонпланъ снарядились къ своему путешествію по Ореноко. Имъ совѣтовали дойти до рѣки Меты степями и потомъ уже выше Каричаны пуститься вверхъ по Ореноко. Одинъ старый мызникъ, донъ Франциско Санчесъ, вызывался быть ихъ проводникомъ; несмотря на свое богатство, простирающееся до 100,000 піастровъ, онъ, въ простотѣ тамошнихъ нравовъ, имѣлъ обыкновеніе садиться на коня не иначе, какъ съ босыми ногами и съ пристегнутыми къ нимъ серебряными шпорами. Нашимъ путешественникамъ такъ наскучило однообразіе степей, что они отказались отъ обязательной услужливости дона Франциска и рѣшились, по рѣкѣ Апурѣ, спуститься въ Ореноко. Для этого они купили широкую пирогу и наняли для управленія ею индѣйскаго кормчаго и четырехъ индѣйскихъ гребцовъ. Шалашъ, покрытый

пальмовыми листьями и вмѣщавшій въ себѣ инструменты, столъ и скамейки, былъ устроенъ на задней сторонѣ пироги. Путешественники взяли съ собой съѣстныхъ припасовъ на цѣлый мѣсяцъ, ружья уды и нѣсколько бочекъ водки для мѣнового торга съ индѣйцами Ореноко.

30 марта 1800 года путешественники оставили Сан-Фернандо и поплыли внизъ по рѣкѣ Апурѣ. Видъ неба, состояніе электричества дождь возвѣщали наступленіе новаго времени года для тропическихъ странъ. Рѣка Апуре представляла нашимъ путешественникамъ особенныя, необычайныя картины. Здѣсь царство животныхъ какъ бы безпрепятственно размножилось. Воды рѣки изобиловали рыбой морскими коровами и черепахами; земли, ею орошаемыя, были исключительно населены тиграми, крокодилами и чигуирами (болотно рѣчными свиньями); густыя стаи птицъ носились надъ берегами Постепенно расширявшаяся рѣка то разливалась по песчаному берегу, то несла свои воды между лѣсистыхъ береговъ. У самой воды высоко разростались молочайные, или рутные кустарники гермезій (*Sauso*, *Hermesia Castaneifolia*); за ними подымались кампешское дерево, синецвѣтная ясень и негніючія деревья. Тигры-ягуары, тапиры и свиньи-пекари продирались попеременно сквозь засѣку и подходили къ рѣкѣ пить воду; вслѣдъ за ними показывалась въ кустахъ черная, хохлатая птица хокко и дополняла эту живую картину. Приближеніе пироги не пугало животныхъ. Такое новое, странное зрѣлище изумило путешественниковъ. Они внезапно очутились какъ бы въ непосредственномъ соприкосновеніи съ дикой, еще непорабощенной природой. Старый кормчій, индѣецъ изъ миссій, воскликнулъ при видѣ этого разнообразнаго міра животныхъ: «здѣсь точно какъ въ раю!» Нельзя не замѣтить, что въ этомъ раю всѣ животныя существуютъ въ безпрестанной враждѣ и истребляютъ другъ друга Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ простирался болѣе отлогій берегъ, кустарники гермезій (*cayco*) подымались нѣсколько подалѣе отъ воды, и на этой береговой полосѣ на пескѣ лежали неподвижно крокодилы съ разверстой пастью. Путешественникамъ разсказывали индѣйцы объ одной дѣвушкѣ, спасшейся отъ схватившаго ее крокодила тѣмъ, что она сдавила ему глаза своими пальцами, и онъ отъ боли выпустилъ ее. Негры въ Африкѣ такимъ же образомъ обороняются отъ крокодиловъ. Въ одномъ мѣстѣ путешественники увидѣли, подъ тѣнью заманга (мимознаго дерева), огромнаго ягуара, державшаго подъ лапой своей пойманнаго чигуира; замуры, родъ коршуновъ, летали надъ нимъ, въ ожиданіи остатковъ добычи. Приблизившаяся къ берегу пирога угнала въ лѣсъ и ягуара съ его добычей и замуровъ. Далѣе путешественникамъ попадались на рѣкѣ цѣлыя стада чигуи

ровъ. Эти рѣчныя свиньи принадлежатъ къ разряду самыхъ большихъ животныхъ-грызуновъ; въ водѣ онѣ служатъ добычей крокодиламъ, на землѣ ихъ истребляютъ тигры; несмотря на это, чигуиры весьма быстро распложаются. Сами же чигуиры питаются рыбой и могутъ оставаться подъ водой отъ восьми до десяти минутъ. Миссіонеры солятъ ихъ мясо и употребляютъ его постомъ, приписывая чигуировъ, какъ и черепахъ, къ земноводнымъ животнымъ.

Ночи путешественники проводили на берегу, подъ открытымъ небомъ, въ койкахъ, повѣшенныхъ ими на деревьяхъ или на веслахъ за неимѣніемъ деревьевъ. Даже разъ, когда путешественникамъ пришлось ночевать на одной плантаціи, у нѣкоего дона Игнація, и тутъ они не нашли другого крова, кромѣ висячей койки. Этотъ донъ Игнацій, имѣвшій темный цвѣтъ кожи, какъ какой-нибудь замбосъ, безпрестанно повторялъ, въ разговорѣ съ нашими путешественниками: «мы бѣлые», а свою жену и дочь не иначе называлъ, какъ доннами Изабеллой и Мануэлой. Онъ особенно хвалился своимъ дворянствомъ, службой Богу и королю. Это дворянство, заслуги и привилегированный, бѣлый цвѣтъ кожи не внушили ему довольно дѣятельности, чтобы выстроить себѣ хижину. Почти нагой, живущій подъ покровомъ деревьевъ, въ безлюдной пустынѣ, этотъ плантаторъ сохранялъ всѣ предразсудки утонченной и старой цивилизаціи.

Пирога спускалась по рѣкѣ Апурѣ, мимо острововъ, наполненныхъ стаями разныхъ птицъ, фламинговъ (красныхъ гусей), цаплей, водяныхъ курицъ. Однажды наши путешественники пристали къ одной миссіи, которой жители, несмотря на богатыя равнины, ихъ окружавшія, исключительно питались рыбной и звѣриной ловлей. Самыя эти равнины, часто наводняемыя и неимѣющія другихъ дорогъ кромѣ рѣкъ, принуждаютъ человѣка вести тревожную и непостоянную жизнь.... Всякой разъ, когда путешественники останавливались ночевать у берега, они разводили большой огонь, для предохраненія себя отъ тигровъ; по увѣренію индѣйцевъ, эти животныя боятся огня и уходятъ отъ него. Крокодилы же, напротивъ, всегда подходили къ бивуаку нашихъ путешественниковъ, ложились неподалеку отъ огня и обращались къ нему, какъ бы привлекаемые его блескомъ; обыкновенно водяныя животныя, рыбы и раки всегда выходятъ къ той сторонѣ, откуда свѣтится огонь. — По ночамъ, на бивуакахъ, изъ ближнихъ лѣсовъ часто подымался страшный шумъ; въ чащѣ разомъ раздавались разнообразные голоса животныхъ. Въ этомъ шумѣ индѣйцы умѣли различать тихіе тоны, подобные тонамъ флейты, издаваемые небольшими обезьянами-сапажу, вой другихъ обезьянъ-алуатовъ, ревъ ягуара и кагуара (американскаго льва, безъ гривы), стоны мус-

кусной свиньи (тахассу) и лѣнивца (тихохода), крики хокко, паракуа и другихъ птицъ, принадлежащихъ къ семейству куръ. Часто, послѣ долгаго молчанія, внезапно раздавался съ ближнихъ деревъ ревъ тигра-ягуара и вслѣдъ за нимъ слышался свистъ обезьянъ, какъ бы возвѣщавшій опасность и поднимавшій лѣсную тревогу. На самомъ ночлегѣ приближеніе ягуара возбуждало безпокойство и вой собакъ, сопровождавшихъ нашихъ путешественниковъ; собаки начинали бросаться подъ койки и приводили въ волненіе весь бивуакъ. Эти ночныя сцены, въ первые дни, проведенные путешественниками на рѣкѣ Апурѣ, поражали ихъ своей необычайностью. Въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцовъ странствованій Гумбольдта по рѣкамъ южной Америки подобныя ночныя тревоги повторялись всюду, гдѣ только рѣки имѣли лѣсистые берега; путешественники скоро привыкли къ этимъ тревогамъ.

Плаваніе по рѣкѣ Апурѣ было сопряжено съ другими опасностями. Часто пирога ударяла объ толстыя вѣтви стволовъ, погруженныхъ въ воду и занесенныхъ въ рѣку наводненіями: такіе толчки грозили опрокинуть ее или разбить. Безпрестанно измѣнявшіяся картины были такъ новы и разнообразны, что нашимъ путешественникамъ нѣкогда было думать объ опасностяхъ. Мѣстами вода въ рѣкѣ значительно убывала, разливаясь, просачиваясь у плоскихъ и песчаныхъ береговъ и испаряясь на нихъ. Новыя животныя безпрестанно показывались передъ взорами путешественниковъ. У рѣчныхъ острововъ, на большихъ стволахъ курбарилей (*Hymenaea*, растительное семейство кассій), выходящихъ изъ воды, сидѣли рядами, подобно фазанамъ, неизвѣстныя птицы, съ поднятыми къ верху неподвижными клювами. Особенныя породы небольшихъ обезьянъ, неизвѣстныхъ самимъ индѣйцамъ, показывались у береговъ. Путешественники нашли однажды на своемъ ночлегѣ гнѣздо легановъ; мясо этихъ ящерицъ, какъ и мясо армазиловъ (полосныхъ животныхъ, *Dasypus*, *Tatou*), считается самымъ вкуснымъ въ тѣхъ странахъ. Ничто не убѣгало отъ вниманія путешественниковъ: ни ласточки, летающія надъ водой, ни стаи попугаевъ, преслѣдуемыя ястребами и отвѣчающія пронзительнымъ крикомъ на свистъ стремящихся за ними хищныхъ птицъ. При этомъ случаѣ, индѣйскій кормчій замѣтилъ, что въ тѣхъ мѣстахъ путешественники не услышатъ рева ягуара, потому-что этотъ звѣрь удаляется обыкновенно отъ мѣстъ, въ которыхъ господствуютъ другія хищныя животныя. Однажды индѣйскіе гребцы поймали въ рѣкѣ на уду кровожадную рыбу *карибе*, или *карибито*, страшную для купающихся своей свирѣпостью. Эти рыбы живутъ обыкновенно на днѣ рѣки; достаточно одной капли крови на поверхности воды, чтобы вызвать къ ней цѣлую толпу ихъ.

Въ одинъ вечеръ, когда путешественники пристали къ берегу и пирога ихъ была вытащена изъ воды, Гумбольдтъ, прохаживаясь по берегу, отдалился немного отъ своихъ спутниковъ, чтобы ближе посмотрѣть группу спящихъ крокодиловъ, по которымъ преспокойно ходили цапли. Во время этой уединенной прогулки онъ набрелъ на тигра, лежащаго подъ деревомъ, въ восьмидесяти шагахъ отъ него. Гумбольдтъ сохранилъ довольно присутствія духа, чтобы продолжать свою дорогу, и припомнилъ совѣты индѣйцевъ не шевелить руками. Звѣри въ лѣсахъ Америки находятъ такую обильную пищу, что рѣдко нападаютъ на человѣка; такъ и тигръ, встрѣченный Гумбольдтомъ, не тронулся съ мѣста. Когда Гумбольдтъ длиннымъ обходомъ возвратился къ своимъ спутникамъ, и встревоженный еще, разсказывалъ о своемъ приключеніи, — индѣйцы весьма равнодушно слушали его разсказъ, считая подобный предметъ дѣломъ весьма обыкновеннымъ для нихъ.

Пирога проѣхала далѣе по рѣкѣ Апурѣ мимо устья *Canno del Manati*, называемаго такъ по огромному количеству морскихъ коровъ, ламантиновъ, *Manati*, ловимыхъ здѣсь. Эти животныя, питающіяся растеніями, достигаютъ длины отъ 10 до 12 футовъ и вѣсятъ иногда отъ 500 до 800 фунтовъ; мясо ихъ хотя и вкусно, но считается нездоровымъ и употребляется въ миссіяхъ, особенно во время поста; изъ кожи ламантиновъ приготовляются ремни и бичи для стеганія ими негровъ. Въ послѣдніе дни плаванія путешественниковъ по Апурѣ появились рои несносныхъ и мучительныхъ насѣкомыхъ, начавшихъ тревожить ночлеги путешественниковъ; самыя безпокойныя между этими насѣкомыми были занкудосы, которыхъ длинное жало проникало сквозь койку и платье.

4 апрѣля былъ послѣдній день, проведенный путешественниками на Апурѣ. Ночевали они на островѣ Апуритѣ, при впаденіи Апуры въ Ореноко. На другой день путешественники были удивлены небольшимъ количествомъ водъ, вносимыхъ Апурой, при сліяніи своемъ съ Ореноко; рѣка Апура, бывшая до тѣхъ поръ широкой, сдѣлалась уже и мельче у своего устья, утративъ и испаривъ свои воды между плоскихъ береговъ. Пирога, переплывъ черезъ мелководье, вошла наконецъ въ Ореноко. Путешественники съ радостью увидѣли рѣку, къ которой такъ давно и долго стремились. Ландшафтъ получилъ совсѣмъ другой характеръ. Воды Ореноко подымались волнами и широко разстилались какъ на морѣ. Фламинги, цапли и пеликаны перестали перелетать съ одного берега на другой; ныряющія птицы болѣе не показывались на водѣ, одни огромные крокодилы подымались изъ волнъ. Дальній лѣсъ, видѣвшійся на горизонтѣ, не под-

ходилъ болѣе къ самымъ берегамъ. Широкіе и пустынные, эти берега казались вдалекѣ стоячей водой; они не ограждали рѣки,—напротивъ, позволяли ей разливаться въ неопредѣленныхъ границахъ по своей песчаной отлогости. Природа казалась здѣсь менѣе одушевленной. Вѣтеръ былъ благопріятный для плаванія вверхъ по Ореноко, но при сліяніи рѣки Апуры съ рѣкой Ореноко происходило сильное волненіе и качка, противъ которыхъ боролась съ трудомъ слабая пирога нашихъ путешественниковъ. Гумбольдтъ нашелъ ширину Ореноко, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ пирога вошла въ рѣку, въ три версты слишкомъ. Въ это время стояли еще низкія воды; въ дождевое же время Ореноко разливается на девять и десять верстъ. Горы Енкамарады, идущія отъ востока на западъ, казались вдали нашимъ путешественникамъ отдаленными землями, выходящими изъ волнъ. По мѣрѣ приближенія къ нимъ, по рѣкѣ Ореноко, начали обрисовываться ихъ гранитныя скалы, разбитыя и растреснувшіяся отъ вывѣтривающихся камней. Берега рѣки становились постоянно живописнѣе. Отклоны горъ явились покрытыми растеніями; только горныя вершины оставались обнаженными и походили на старыя стѣны, поднимающіяся изъ-за лѣса.

Въ гавани Енкамарады путешественники нашли карибовъ, поднимавшихся вверхъ по рѣкѣ, для сбиранія черепаховыхъ яицъ. Эти карибы имѣли атлетическія формы, были совсѣмъ нагіе и вооружены лукомъ и стрѣлами. У прибрежныхъ жителей Енкамарады Гумбольдтъ нашелъ преданіе, «что во время большихъ водъ, когда предки туземцевъ спасались въ лодкахъ отъ всеобщаго наводненія, скалы Енкамарады были омываемы морскими волнами». Земля населилась послѣ этого наводненія — слѣдуя преданіямъ, сохранившимся у разныхъ народовъ верхняго Ореноко — отъ одного мужчины и одной женщины, спасшихся на высокую гору. Эти два человѣка, спустившись въ равнину, бросали назадъ черезъ голову плоды пальмы-мавриціи и изъ этихъ плодовъ вышли мужчины и женщины, вновь населившіе землю. Девкаліонъ и Пирра, въ греческой миѳологіи, одни оставшіеся послѣ потопа, также бросали позади себя камни, и изъ камней Девкаліона выходили мужчины, изъ камней Пирры — женщины. Полудикіе Америки сходятся въ разсказахъ своихъ съ греками. — Скалы, подымающіяся неподалеку отъ Енкамарады, испещрены фигурами звѣрей и символическими знаками. Туземцы объясняютъ эти изображенія тѣмъ, что во время большихъ водъ предки ихъ въ лодкахъ подъѣзжали къ этимъ высокимъ мѣстамъ, недоступнымъ теперь безъ подмостокъ, и высѣкали на камняхъ эти знаки. Какъ нѣкоторыя растенія сохраняютъ въ своихъ различныхъ видахъ отпечатокъ одного первоначальнаго типа, такъ и народныя преданія пред-

ставляютъ поразительное сходство, выходящее не изъ чего другого, какъ изъ сходства человѣческихъ способностей и представленій. Явственные слѣды образованія суши постепеннымъ выхожденіемъ ея изъ воды отпечатаны по лицу всей земли; поэтому у всѣхъ народовъ на твердой землѣ, какъ и на большихъ островахъ Тихаго океана, встрѣчаются преданія о большомъ наводненіи, и всегда какая-нибудь ближняя высокая гора называется тѣмъ мѣстомъ, на которомъ сохранился родъ человѣческій. Эти событія считаются тѣмъ новѣе, чѣмъ народъ, разсказывающій о нихъ, необразованнѣе и чѣмъ меньше онъ знаетъ о себѣ и своей исторіи.

Продолжая свое плаваніе вверхъ по рѣкѣ Ореноко, путешественники пристали къ одному острову и увидѣли на немъ лагерь, состоящій изъ различныхъ индѣйскихъ племенъ. Каждое племя было расположено отдѣльно въ своихъ шатрахъ, сложенныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ. Индѣйцы собрались сюда на ловлю черепахъ. Между индѣйцами было нѣсколько бѣлыхъ людей, купцовъ съ нижняго Ореноко изъ Ангоатуры, пришедшихъ для покупки черепаховыхъ яицъ у индѣйцевъ. Черепаховыя яйца находятся подъ землей и лежатъ въ ней цѣлыми слоями; мѣсто ихъ нахожденія узнается помощью шеста, проникающаго въ рыхлую, скрывающую эти яйца, землю. Черепахи кладутъ свои яйца въ мелководье. Отъ января до марта, когда берега рѣки обсохли, черепахи, большими толпами, выползаютъ изъ воды; въ продолженіи цѣлаго февраля ихъ можно видѣть лежащими на пескѣ и грѣющимися на солнцѣ. Въ мартѣ черепахи плывутъ на острова класть тамъ свои яйца. Кладутъ ихъ всегда ночью, послѣ захожденія солнца. Каждое животное роетъ яму въ три фута въ поперечникѣ и въ два фута глубины и скрѣпляетъ ее береговымъ пескомъ, смоченнымъ, по увѣренію индѣйцевъ, мочей черепахъ. Стремленіе класть яйца такъ велико въ черепахахъ, что многія изъ нихъ, не успѣвъ положить яйца въ свою яму, кладутъ ихъ въ чужую, еще незарытую. Многихъ изъ этихъ работающихъ животныхъ можно еще застать утромъ за неоконченной работой. Индѣйцы успѣваютъ ихъ тогда ловить, несмотря на живость движеній уходящихъ отъ преслѣдованія черепахъ, и называютъ этихъ запоздалыхъ «полу-умными черепахами». Миссіонеры управляютъ сборомъ черепаховыхъ яицъ и размежовываютъ, по числу пришедшихъ на ловлю племенъ, земли, изъ которыхъ выкапываются яица. Изъ черепаховыхъ яицъ приготовляется прозрачное, жолтое, жидкое масло. Кромѣ крокодиловъ, цаплей и коршуновъ, ягуары — опаснѣйшіе враги черепахъ; ягуаръ, опрокинувъ черепаху на спину, вынимаетъ своими когтями животное изъ его двойного панцыря и отдѣляетъ мышцы, сдерживающія его въ этомъ панцырѣ, чище, нежели то могъ бы сдѣ-

лать анатомическій ножъ. – Миссіонеры внутреннихъ земель, во время трехдневнаго сбора черепаховыхъ яицъ на островахъ, вступаютъ въ сношенія съ образованными жителями, приходящими сюда изъ приморскихъ странъ для торговли. Сами монахи собираются на эту ловлю, какъ они увѣряли нашихъ путешественниковъ, не столько для сбыта своихъ товаровъ, сколько для того, чтобы узнать отъ своихъ бѣдныхъ братьевъ о важныхъ политическихъ дѣлахъ, совершающихся въ мірѣ: живетъ ли король испанскій въ Эскуріалѣ, или въ Сан-Ильдефонсѣ, уничтожены ли монастыри во Франціи и смирны ли турки?... Таковы были въ то время важные вопросы, особенно занимавшіе монаховъ Ореноко!...

Однажды путешественники оставляли одну прибрежную миссію, къ которой приставали, чтобы обновить свою провизію; кормчій ихъ, желая показать свою ловкость передъ стоящими на берегу индѣйцами и разомъ свести пирогу на середину рѣки, такъ повернулъ ее къ вѣтру, что едва не опрокинулъ; вѣтеръ повалилъ ее на сторону, вода уже хлынула въ лодку и покрыла бумаги и вещи путешественниковъ; къ счастію другой порывъ вѣтра отклонилъ пирогу на другую сторону и спасъ отъ потопленія. Кормчій отвѣчалъ на упреки путешественниковъ съ индѣйскимъ равнодушіемъ, что «бѣлымъ не будетъ недостатка въ солнцѣ высушить *ихъ бумаги*». Послѣ этой опасности, грозившей совершеннымъ кораблекрушеніемъ, путешественники пристали на ночлегъ къ одному пустынному острову. Ужинать расположились они на большихъ черепаховыхъ скорлупахъ. Гумбольдтъ и Бонпланъ почувствовали особенное счастье быть опять вмѣстѣ, здоровыми и невредимыми. Только еще три дня они были на Ореноко, а впереди предстоялъ длинный путь, новыя, непредвидѣнныя опасности! Ночь эта была удушливая, луна освѣщала окрестность; путешественники, къ удивленію своему, увидѣли ягуара, переплывавшаго рѣку, несмотря на разложенный огонь ихъ бивуака....

7 апрѣля пирога путешественниковъ прошла мимо устья рѣки Арауки, оживленнаго множествомъ птицъ. Близъ этого мѣста ширина Ореноко доходила до 5 верстъ. Выше рѣка, вытекающая изъ горнаго ущелья, сдѣлалась уже и стремительнѣе; плаваніе путешественниковъ становилось медленнѣе. Пирога не могла болѣе итти на парусахъ, по извилинамъ рѣки, то закрытымъ высокими лѣсами отъ попутныхъ вѣтровъ, то опять внезапно взволнованныхъ вѣтромъ, вырвавшимся изъ ущелій. Выше устья рѣки Арауки путешественники замѣтили, что число крокодиловъ значительно умножилось. Въ серединѣ живописнаго гранитнаго ущелья Барагуана, Гумбольдтъ

измѣрялъ ширину Ореноко и нашелъ ее еще около версты. Это мѣсто могло называться ущельемъ въ отношеніи нижняго теченія Ореноко, имѣющаго ширину отъ двухъ до пяти верстъ. Былъ полдень, когда путешественники проходили сквозь барагуинское ущелье. Окрестность казалась поконвшейся въ мертвой тишинѣ; большія животныя ушли въ чащу лѣса, птицы спрятались въ листья или въ разсѣлины; на обнаженныхъ скалахъ видны были только неподвижныя толпы ящерицъ, съ поднятой головой и открытымъ ртомъ, вбиравшія въ себя жаркій воздухъ; близь самыхъ скалъ термометръ показывалъ 50 градусовъ. Вслушиваясь же въ эту кажущуюся тишину, становилось внятнымъ глухое, непрерывное жужжаніе насѣкомыхъ, наполнявшихъ нижніе слои воздуха. Жизнь нигдѣ не прерывается, ни въ пыльной и сожженной почвѣ, ни въ водѣ, ни въ воздухѣ.

Въ слѣдующіе дни пирога прошла мимо устьевъ разныхъ рѣкъ. Путешественники во многихъ мѣстахъ рѣки совсѣмъ не могли пить рѣчную воду, имѣвшую сильный запахъ выхухоли; это особенно случалось въ бухтахъ и большихъ рѣчныхъ извилинахъ, въ которыхъ теченіе рѣки было слабое и не могло уносить тѣлъ, гніющихъ въ ней. Путешественники нашли у одной пристани, среди индѣйскаго табора, управлявшихъ имъ миссіонеровъ. Монахи играли въ карты, курили табакъ изъ длинныхъ чубуковъ и жаловались на измучившую ихъ лихорадку, свирѣпствующую въ тѣхъ странахъ. Такъ какъ кормчій отказывался вести далѣе пирогу, то путешественники купили у миссіонеровъ, за сходную цѣну, болѣе крѣпкую лодку. Сверхъ того одинъ изъ миссіонеровъ, патеръ Зеа, имѣвшій свою миссію близъ большихъ водопадовъ Ореноко, вызвался провожать нашихъ путешественниковъ къ бразильской границѣ: онъ надѣялся въ миссіяхъ рѣки Негро, имѣющихъ болѣе здоровый воздухъ и менѣе насѣкомыхъ, возстановить свои изнуренныя болѣзнію силы. Въ индѣйскомъ таборѣ Гумбольдтъ имѣлъ случай близко наблюдать индѣйцевъ и ихъ миссіонеровъ. Эти послѣдніе не только заботятся о душахъ своей паствы, но и объ украшеніи ея и сами продаютъ краску, которой индѣйцы любятъ разрисовывать свое тѣло. Одежду индѣйцевъ какъ и украшеніе тѣла составляютъ краски и предпочтительнѣе всего краснаго цвѣта, извлекаемыя изъ красильныхъ растеній. Въ Европѣ, выражая бѣдность человѣка, говорятъ, что онъ не имѣетъ даже средствъ одеждой прикрыть свою наготу, — въ Америкѣ же, разсказывая о бѣдности индѣйца, прибавляютъ, что онъ такъ бѣденъ, что не можетъ окрасить и половины своего тѣла. Это окрашиваніе тѣла не предохраняетъ отъ укусовъ насѣкомыхъ; самъ Гумбольдтъ натиралъ себя масломъ и жиромъ; но это нисколько не защищало его отъ насѣкомыхъ. Индѣйцы не имѣютъ другой одежды,

кромѣ тесьмы, сдѣланной изъ древесной коры и служащей для нихъ стыдливымъ покровомъ; у мужчинъ эта тесьма шире, чѣмъ у женщинъ, которыя вообще показываютъ мало стыдливости. У народовъ, раскрашивающихъ свое тѣло, гораздо непристойнѣе показываться въ люди безъ своихъ красокъ, чѣмъ безъ своей тесьмы. Нѣкоторые индѣйцы рисуютъ на своемъ тѣлѣ европейскія одежды, куртки и выводятъ полосы, представляющія галуны. Раскрашиваніемъ и накалываніемъ своего тѣла особенно отличаются малайское и американское племена; во времена древняго Рима эти обычаи встрѣчались и у бѣлыхъ племенъ сѣверной Европы. Самая высочайшая степень испещренія тѣла красками и узорнаго накалыванія его находится у жителей Южнаго моря. Есть и одѣвающіеся народы, которые красятъ свои лица, руки и ноги. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Перу женщины имѣютъ обыкновеніе покрывать свою весьма бѣдную и нѣжную кожу различными окрашенными веществами — крахмаломъ, бѣлкомъ, мукой. Наконецъ бѣлилы и румяна европейскихъ дамъ представляютъ слабое отраженія того раскрашиванія тѣла, котораго высшая степень находится у полудикихъ индѣйцевъ. Ни на берегахъ Ореноко, ни на Кассиквіарѣ, ни въ индѣйскихъ лагеряхъ, Гумбольдтъ не видѣлъ тѣхъ головныхъ украшеній и тѣхъ передниковъ изъ перьевъ, которыми живописцы и декораторы украшаютъ своихъ дикихъ.

Въ индѣйскомъ таборѣ, встрѣченномъ путешественниками, все было мрачно и безмолвно. Индѣйцы сидѣли неподвижно, по цѣлымъ часамъ, на большихъ черепаховыхъ скорлупахъ, устремивъ тупой взглядъ на готовящееся передъ ними питье. Здѣсь путешественники имѣли случай въ первый разъ увидѣть многихъ живыхъ звѣрей и птицъ, мало извѣстныхъ натуралистамъ, и купить ихъ у торгующихъ ими миссіонеровъ. Между обезьянами особенно замѣчательны были маленькія *тити*, весьма лакомыя до насѣкомыхъ и имѣющія лица, сходныя съ дѣтскими. Нѣкоторыя изъ нихъ были такъ умны, что отличали гравюры, на которыхъ были нарисованы кузнечики и слепни, и протягивали къ нимъ свои маленькія руки; къ другимъ листамъ, съ изображеніями млекопитающихся животныхъ, эти обезьяны не показывали ни малѣйшаго вниманія. Гумбольдтъ замѣчаетъ, что онъ не знаетъ примѣровъ, чтобы нарисованные зайцы или олени обращали на себя вниманіе охотничьихъ собакъ, и чтобы какая-нибудь собака узнала портретъ своего господина; здѣсь обоняніе не помогаетъ, кажется, зрѣнію. Во время дождя маленькія тити сбираются въ одинъ комокъ, по 10 и 12 обезьянъ въ одной группѣ, и обвиваются другъ около друга своими руками, чтобы взаимно нагрѣваться. Стрѣла охотника, попавшая въ такую кучку и убившая мать, даетъ средство захватить живыми остальныхъ обезьянъ, непокидающихъ свою убитую

мать. Трудно переселять этихъ нѣжныхъ и боязливыхъ животныхъ, потому-что они становятся все болѣе и болѣе печальными и наконецъ изнываютъ, по мѣрѣ того, какъ удаляешься съ ними изъ лѣсовъ и переходишь черезъ льяносы....

10 апрѣля путешественники поплыли по рѣкѣ въ новой пирогѣ, легко колыблемой волнами и весьма безпокойной; въ длину она имѣла 40 футовъ, а въ ширину не болѣе трехъ футовъ. Нагіе индѣйцы попарно сидѣли въ пирогѣ и гребли, припѣвая въ тактъ однообразныя и печальныя пѣсни. На ночлегахъ подвижной звѣринецъ путешественниковъ, состоящій изъ обезьянъ и птицъ и безпрестанно умножавшійся новыми пріобрѣтеніями, учреждался вмѣстѣ съ инструментами въ серединѣ бивуака и составлялъ центральный пунктъ; кругомъ развѣшивали койки, и передъ ними раскладывали огонь, для отогнанія ягуаровъ. Путешественникамъ во время плаванія трудно было двигаться въ узкой лодкѣ; при малѣйшемъ ихъ движеніи она приходила въ большое колебаніе; къ этимъ неудобствамъ присоединялись мучительныя насѣкомыя и страшной зной. Взаимное расположеніе, связывавшее путешественниковъ, и открытое, пріемчивое, живое чувство къ окружавшей ихъ величавой природѣ помогали бодро переносить эти безпокойства и трудности.

Берега Ореноко становились все болѣе и болѣе лѣсистыми. Въ одномъ мѣстѣ, неподалеку отъ рѣки, изъ высокаго пальмоваго лѣса поднималась гранитная скала, вышиной до 200 футовъ; ея плоская вершина была покрыта деревьями, и она напоминала своимъ видомъ циклопическія стѣны. На другой скалѣ съ гладкой вершиной, подымавшейся на берегу, тамъ, гдѣ съуживалась рѣка, іезуиты построили крѣпостцу, чтобы оттуда дѣлать набѣги на индѣйцевъ, для обращенія ихъ въ христіянство. Хотя эти нашествія для завоеванія душъ были запрещаемы испанскими законами, однакожь правители провинцій допускали ихъ, и одинъ іезуитъ, оправдывая ихъ, утверждалъ, что гласъ Евангелія только тамъ становится внятнымъ для индѣйцевъ, гдѣ сперва раздадутся выстрѣлы, и что вообще наказаніе есть дѣйствительнѣйшее средство для обращенія. Во время путешествія Гумбольдта, эта система обращенія была уже оставлена, столько же отъ умножавшейся образованности и болѣе близкой къ Евангелію кротости нравовъ, сколько быть можетъ и отъ лѣни и недостатка дѣятельности монаховъ-миссіонеровъ... Все болѣе и болѣе съуживающееся русло Ореноко было покрыто островами и гранитными скалами; они производили небольшіе водопады и стремнины, неопасныя впрочемъ для лодокъ, и предвѣщали близость большихъ катарактовъ.

Послѣ четырнадцатидневнаго странствованія по двумъ рѣкамъ и ночлеговъ подъ открытымъ воздухомъ, наши путешественники въ первый разъ переночевали въ домѣ священника, въ деревнѣ Каричанѣ. Индѣйцы этой деревни отличались большимъ расположеніемъ къ музыкѣ; между ними путешественники встрѣтили неожиданно женщину бѣлаго происхожденія, сестру одного іезуита, и рады были поговорить съ ней, безъ переводчиковъ, по-испански. Отъ самихъ индѣйцевъ трудно что-нибудь услышать; на всѣ вопросы они отвѣчаютъ на удачу, съ непремѣнной улыбкой, свои затверженныя слова: «да, мой отецъ, — нѣтъ, мой отецъ». Еще въ прежней миссіи одинъ монахъ сказалъ нашимъ путешественникамъ, что далѣе они будутъ ѣхать по Ореноко какъ нѣмые и принуждены будутъ знаками объясняться съ индѣйцами; число нарѣчій, употребительныхъ у различныхъ частей рѣки, такъ велико, что весьма трудно выучиться туземному языку. Въ Перу, Чили и Парагваѣ достаточно знать три языка, чтобы понимать большую часть тамошняго народонаселенія; въ испанскихъ же миссіяхъ Гвіаны недостаточно для этого и знанія десяти языковъ. Особенную физіономію придавали окрестностямъ Карачаны плоскія, нагія скалы, едва подымающіяся надъ саваной и имѣющія въ окружности до 800 футовъ. Трудно рѣшить, что обнажило эти скалы и лишило ихъ растеній? Здѣсь, какъ бы наружу, является гранитное ядро нашей планеты, неодѣтое еще зеленью. Подобные же гранитные пласты находятся между Монголіей и Китаемъ; они сдѣлались бы настоящими возвышенными плоскостями, если бы съ окружающихъ ихъ равнинъ были взяты прочь настилающія ихъ земля и песокъ. На каменныхъ плоскостяхъ, окружающихъ Каричану, можно было наблюдать начало растительной жизни, развивающейся постепенно, отъ первыхъ поростовъ. Бонпланъ могъ здѣсь верхомъ дѣлать свои ботаническія прогулки и собралъ богатую растительную жатву.

10 апрѣля воды рѣки Ореноко уже поднялись на нѣсколько дюймовъ. По отклонамъ скалъ можно было замѣчать высоту поднимающихся обыкновенно водъ Ореноко. Въ болѣе съуженномъ скалами руслѣ рѣки, къ которому поднялись путешественники, вода подымается ежегодно на 42 фута, вдвое выше средней величины наводненій Нила. На крутыхъ и скалистыхъ берегахъ Ореноко видны были высокія черныя полосы и размытыя мѣста, показывавшія, до какой высоты поднимались нѣкогда воды Ореноко; по слѣдамъ прежнихъ водъ видно, что онѣ доходили на 120 и 130 футовъ выше теперешнихъ высочайшихъ поднятій воды. Изъ этого слѣдуетъ, что настоящій огромный Ореноко есть только слабый остатокъ прежнихъ, необозримыхъ прѣсныхъ водъ, орошавшихъ землю на востокъ отъ Ан-

довъ, подобно рукавамъ внутреннихъ, огромныхъ морей. Низменныя равнины Гвіаны, и теперь ежегодно наводняемыя, должны были представлять въ тѣ первобытныя времена одну болотистую и разорванную почву, обитаемую только крокодилами, морскими коровами и водяными змѣями. На возвышенныхъ плоскостяхъ Андовъ и теперь еще находятся кости мастадонтовъ и слоновъ, нынѣ несуществующихъ въ тѣхъ странахъ. Точно также въ высокихъ долинахъ, неспособныхъ теперь производить ни пальмъ, ни древообразныхъ папортниковъ, находятся пласты каменнаго угля, заключающіе въ себѣ исполинскіе остатки этихъ растеній. Было время на землѣ, когда растенія и животныя были огромнѣе теперешнихъ и были иначе разпредѣлены по лицу земли, когда другія отношенія были между сушей и водой, моря были обширнѣе, рѣки шире и глубже.... Нашъ спокойный и установленный міръ образовался изъ болѣе тревожнаго и бурнаго міра!

Продолжая свое путешествіе все вверхъ по Ореноко, Гумбольдтъ провелъ одну ночь на скалѣ, на которой многіе путешественники слышали, при восхожденіи солнца, подземные звуки, подобные звукамъ органовъ. Гумбольдтъ самъ не слыхалъ этихъ звуковъ, но объясняетъ это явленіе, подтверждаемое достовѣрными показаніями и напоминающее статую Мемнона, издающую звуки, слѣдующимъ образомъ: во время ночи происходитъ неравное распредѣленіе температуры внутри скважистыхъ скалъ и въ окружающемъ ихъ воздухѣ; оно становится особенно значительнымъ при восхожденіи солнца и вызываетъ потоки разрѣжающагося воздуха, стремящагося сквозь скважины скалъ; проходя сквозь упругіе, слюдные листы гранита, именно эти потоки тонкаго воздуха могутъ издавать тѣ особенные звуки, которые замѣчаютъ путешественники.

Пирога путешественниковъ съ трудомъ проходила мимо устья рѣки Меты между порогами Ореноко. Русло рѣки было наполнено скалами. Тамъ, гдѣ пирога была останавливаема скалами и стремнинами, гребцы соскакивали въ воду и на себѣ перетаскивали пирогу черезъ пороги; въ это время наши путешественники всходили на черные блестящіе и нагіе утесы, выходящіе изъ пѣнистой воды. Крокодилы, казалось, убѣгали шума водъ, стремящихся около утесовъ. Со скалъ, находящихся въ срединѣ Ореноко, Гумбольдтъ сдѣлалъ астрономическую съемку устья рѣки Меты, которая послѣ Гвавіары есть значительнѣйшая изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ореноко. Мета судоходна до самыхъ Андовъ Новой Гренады; хотя земли, протекаемыя ею, находятся подъ одной широтой, но высота этихъ земель надъ поверхностью моря такъ неодинакова, что ихъ естественныя произве-

денія въ разныхъ частяхъ рѣки столько же различны, какъ и произведенія Франціи и африканской Сенегаліи. Вообще берега Меты населеннѣе береговъ верхняго Ореноко, и на нихъ находятся многочисленныя христіянскія поселенія.

Путешественники, миновавъ устье Меты и еще нѣсколько порогов, пристали къ миссіи Сап-Борха, основанной за два года до ихъ прибытія. Патеръ Зеа, сопровождавшій нашихъ путешественниковъ, отслужилъ въ миссіи обѣдню, для тамошнихъ индѣйцевъ-гвахибосовъ. Въ церкви, во время службы, гвахибосы держались довольно пристойно; только къ этому внѣшнему порядку миссіонеры могли пріучить этихъ индѣйцевъ, но не могли еще пріохотить ихъ къ осѣдлой жизни. Гвахибосы предпочитаютъ питаться гнилой рыбой и червями, чѣмъ трудиться надъ обработкой земли. Другіе индѣйцы говорятъ о нихъ, что «гвахибосъ ѣстъ все, что̀ ни находится на землѣ и подъ землею».

По мѣрѣ того, какъ пирога подвигалась по Ореноко, болѣе на югъ, жаръ нѣсколько слабѣлъ; но насѣкомыя становились еще нестерпимѣе. При малѣйшемъ обнаженіи лица, рои москитосовъ наполняли ротъ и носъ путешественниковъ. Кожа ихъ пришла въ такое раздраженіе, что воздухъ казался горящимъ. Гумбольдтъ и Бонпланъ не отваживались купаться въ рѣкѣ изъ боязни кровожадныхъ рыбъ карибовъ и огромныхъ крокодиловъ, имѣвшихъ въ тѣхъ краяхъ отъ 22 до 24 футовъ длины. За однимъ островомъ, усѣяннымъ прекрасными растеніями, меластомами (черноустниками), показались на юго-востокѣ горы большихъ водопадовъ Ореноко. Ближе къ нимъ берега рѣки приняли величественный характеръ. Желаніе достигнуть скорѣе до знаменитыхъ водопадовъ Ореноко возбудило новыя силы въ нашихъ путешественникахъ.

Гумбольдтъ видѣлъ Кордильеры, видѣлъ много водопадовъ, но всѣ эти высокія картины не могли ослабить впечатлѣнія, произведеннаго надъ нимъ водопадами Ореноко, близъ двухъ миссій Атуры и Майпуры; величіе этихъ водопадовъ оставалось для него ни съ чѣмъ несравнимымъ. Несмотря на трудный путь черезъ жаркія и обширныя степи къ водопадамъ Ореноко, они издавна были извѣстны и привлекали вниманіе путешественниковъ. Въ Каракасѣ ихъ называли «*Baudales*» (стремнины). Ореноко, пробѣгая между 5° и 6° с. ш. сквозь горы Париме, образовываетъ два широкіе водопада, или, лучше сказать, двѣ группы водопадовъ, находящіяся другъ отъ друга на разстояніи 12 лигъ (около 20 верстъ). Эти водопады раздѣляютъ миссіи испанской Гвіаны на двѣ неравныя части: на миссіи нижняго Ореноко, идущія отъ водопадовъ Атуры до устья Ореноко, и на миссіи вер-

хняго Ореноко, простирающіяся отъ водопадовъ Майпуры до горъ Берибы, теченіе нижняго Ореноко можно полагать въ 260 морскихъ лигъ (около 1300 верстъ), верхняго въ 160 морскихъ лигъ (около 800 верстъ). За большими водопадами начинаются неизвѣстныя земли. До Гумбольдта ни одинъ изъ миссіонеровъ, описывавшихъ Ореноко, не доходилъ далѣе водопадовъ Майпуры. Выше этихъ водопадовъ Гумбольдтъ нашелъ на пространствѣ 500 верстъ только три христіянскія поселенія и въ нихъ едва шесть или восемь бѣлыхъ людей. Онъ проникнулъ немного выше послѣдней миссіи Эсмеральды, но до источниковъ Ореноко не могъ достигнуть. Въ новѣйшее время, другой путешественникъ, Шомбургкъ, былъ близко отъ источниковъ Ореноко, но до самого начала рѣки не доходилъ. Пустынныя страны, изъ которыхъ вытекаетъ Ореноко, издавна были обителью сказокъ и волшебства; тамъ жили, по разсказамъ суевѣрныхъ миссіонеровъ, люди съ однимъ глазомъ на лбу, или съ собачьей головой, или со ртомъ на желудкѣ, — тамъ были скрыты несмѣтныя сокровища!...

15 апрѣля путешественники поднялись въ своей пирогѣ къ водопадамъ Атуры, мимо весьма живописныхъ береговъ. Небо было покрыто густыми тучами; изъ нихъ сверкали частыя молніи, но грому не было слышно. У западнаго берега рѣки показался огонь табора гвахибосовъ; миссіонеры, провожавшіе путешественниковъ, посовѣтовали нѣсколькими выстрѣлами пугнуть, на всякой случай, этихъ дикихъ. Вечеромъ пирога благополучно достигла подошвы перваго водопада. Путешественники переночевали въ деревнѣ Атурѣ, основанной іезуитами въ 1746 году. Поселеніе ея находилось въ жалкомъ состояніи и совершенномъ упадкѣ. Ореноко между 4° и 8° сѣверной широты не только отдѣляетъ лѣса Париме отъ савáнъ рѣкъ Апуре и Меты, но еще служитъ границей между народами, ведущими совершенно различный образъ жизни. На западѣ отъ Ореноко въ безлѣсныхъ равнинахъ скитаются грязные, дикіе, независимые народы; на востокѣ же отъ Ореноко живутъ болѣе тихія и кроткія племена, занимающіяся земледѣліемъ и легко подчиняющіяся дисциплинѣ миссіонеровъ. Народонаселеніе Атуры состояло частію изъ степныхъ, частію изъ лѣсныхъ индѣйцевъ. Эпидемическія лихорадки, свирѣпствовавшія у водопадовъ въ началѣ дождевого времени, истребляли жителей и привели въ упадокъ миссію Атуры. Болѣзни эти происходятъ отъ сильнаго зноя, большой влажности воздуха, дурной пищи и, по мнѣнію туземцевъ, отъ вредныхъ испареній, подымающихся отъ голыхъ скалъ водопада. Тѣ изъ этихъ гранитныхъ скалъ, которыя періодически покрываются водой, весьма гладки и покрыты на поверхности своей, особенно на кварцовыхъ частяхъ, черной, какъ бы

свинцовой корой. Тоже явленіе представляютъ и скалы, находящіяся въ водопадахъ Сіены и Конго въ Африкѣ. Гумбольдтъ приписываетъ эту черную кору осадкамъ изъ воды матерій, бывшихъ въ ней разложенными, а не вывѣтриванію или разложенію веществъ, составляющихъ самый камень. Туземцы остерегали ложиться на эти скалы; путешественники сами избѣгали этого, если не изъ опасенія будто бы вредныхъ испареній, то по причинѣ большой нагрѣтости скалъ, сохраняющейся въ нихъ и ночью. Кромѣ дурного воздуха и вредныхъ испареній, производящихъ большую смертность въ Атурѣ, есть еще много другихъ причинъ, быстро истребляющихъ жителей; эти причины—дурной уходъ за дѣтьми, дурное лѣченіе дѣтскихъ болѣзней и обычай индѣйскихъ женщинъ вредными зельями останавливать беременность. Молодыя женщины индѣйскихъ народовъ Гвіаны, какъ и полу-образованныя островитянки Южнаго моря, не хотятъ быть матерями. Рожденіе близнецовъ считается у гвіанскихъ индѣйцевъ постыднымъ, и одинъ изъ новорожденныхъ всегда убивается. «Рождать близнецовъ—по словамъ индѣйцевъ—значитъ походить на крысъ и двуутробокъ: только самые презрѣнные звѣри выкидываютъ на свѣтъ по нѣскольку дѣтенышей разомъ». Сверхъ того «два въ одно время родившіеся ребенка не могутъ быть отъ одного отца». Больныя и слабыя дѣти умерщвляются этими варварскими народами, нежелающими обременять себя лишними безпокойствами и хлопотами. Индѣецъ Ореноко приходитъ домой ѣсть и спать; онъ не ласкаетъ ни жену, ни дѣтей; жена—только служанка его. Родительская нѣжность пробуждается въ немъ тогда, когда сынъ его довольно крѣпокъ и великъ, чтобы раздѣлять труды и опасности охоты, рыбной ловли и мужскихъ занятій.... Такова такъ называемая невинность и простота первобытныхъ нравовъ!

Два дня провели путешественники у водопадовъ Атуры. Гумбольдтъ въ своихъ «*Ansichten der Natur*» (картинахъ природы), изображая великія сцены тропическихъ странъ, представилъ въ особенной картинѣ водопады Ореноко. Въ Атурѣ путешественники наши страдали отъ сильнаго зноя (днемъ термометръ показывалъ 29°, ночью 28°); москитосы и ядовитыя насѣкомыя дѣлали его еще невыносимѣе. У Гумбольдта и у Бонплана руки распухли отъ укусовъ насѣкомыхъ. Миссіонеръ Атуры спасался отъ этихъ животныхъ на ночь въ хижину свою, устроенную на высокихъ пальмовыхъ подмосткахъ; онъ справедливо замѣтилъ, что тамошнія мухи не подымаются выше 12 или 15 футовъ отъ земли. Въ возвышенную хижину миссіонера уходили путешественники сушить свои растенія и писать журналы. Въ другой миссіи, Майтурѣ, индѣйцы оставляютъ на ночь деревню и уходятъ спать на небольшіе острова, между водопадами, чтобы изба-

виться отъ мухъ, которыхъ нѣтъ на этихъ островахъ: онѣ не любятъ воздуха, переполненнаго водяными парами. Въ миссіяхъ Ореноко мученіе отъ насѣкомыхъ такъ велико, что первый вопросъ лицъ, встрѣчающихся тамъ, есть: «ночью были ли покойны занкудосы?» — «какъ-то сегодня будетъ съ москитосами?» Одинъ индѣецъ говорилъ что «на лунѣ вѣрно пріятно жить, потому-что она выглядываетъ такъ свѣтло и хорошо и не должна имѣть москитосовъ». Эскимосецъ, считающій великимъ сокровищемъ доску, занесенную на его безлѣсный берегъ, полагаетъ луну лѣсной равниной, — житель лѣсныхъ странъ Ореноко, напротивъ, гладкой савàной, неимѣющей москитосовъ!

Гумбольдтъ, разсматривая географическое распредѣленіе этихъ насѣкомыхъ—типулидовъ (изъ разряда двукрылыхъ), замѣчаетъ, что насѣкомыя тропическихъ странъ показываютъ удивительную правильность въ своемъ появленіи и исчезаніи. Подъ той же широтой, въ извѣстное время года, въ опредѣленные часы, воздухъ бываетъ наполненъ новыми жителями. Въ жаркомъ поясѣ, въ которомъ барометръ можетъ служить часами — такъ правильно происходятъ всѣ измѣненія въ воздушномъ кругѣ, — можно почти по жужжанію или кусанію насѣкомыхъ днемъ и ночью узнавать, который часъ. Эти насѣкомыя останавливаютъ населеніе этихъ странъ, успѣхи образованности, — съѣдаютъ съ страшной быстротой бумаги и пергаменты. Во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ нѣтъ архива, котораго письменные документы были бы древнѣе одного вѣка. Настоящее здѣсь не связано съ прошедшимъ; знанія и опыты не успѣваютъ пускать корней, памятники духа не утверждаются. Всякой день снова должны начинать общественную работу, и оттого она мало успѣваетъ. Между поворотными кругами, москитосы не подымаются по отклонамъ Кордильеровъ въ страны, имѣющія умѣренный климатъ и среднюю годовую температуру отъ 19° до 20°; москитосы удаляются также отъ такъ называемыхъ *черныхъ водъ* и отъ мѣстъ сухихъ, безлѣсныхъ. Они многочисленнѣе въ верхнемъ Ореноко, чѣмъ въ нижнемъ. Съ уменьшеніемъ лѣсовъ и они исчезаютъ, но также медленно, какъ медленно идетъ расчистка этихъ лѣсовъ и распространеніе образованности въ тѣхъ странахъ.

17 апрѣля индѣйцы перенесли пирогу путешественниковъ черезъ водопады Атуры; миссіонеръ снабдилъ ее пизангомъ и маніокомъ. На слѣдующій день путешественники совершили затруднительный и опасный переѣздъ черезъ стремнину, *Raudal Guohibol*. Путешественники опять всходили на утесы, лежащіе поперекъ водопада, пока индѣйцы перетаскивали лодку черезъ камни. Послѣ этой переноски ва-

чалось болѣе опасное плаваніе пироги, поперекъ рѣки, между стремнинъ. Поднялась гроза, начался страшный ливень. Путешественники успѣли однако съ большими усиліями доѣхать къ ночи до пристани Майпуры. До самой деревни оставалось еще два часа ходьбы. Промокшіе отъ дождя, путешественники пошли къ ней по скользкой каменной почвѣ, съ зажженными факелами. Дорогой индѣйскій кормчій пугалъ разсказами объ опасныхъ змѣяхъ и тиграхъ, наполнявшихъ окрестность. Когда путешественники вошли въ деревню, она была погружена въ глубокій сонъ; въ ней раздавался только крикъ ночныхъ птицъ и громъ водопадовъ....

Путешественники провели три дни въ Майпурѣ, осматривая ея водопады. Русло рѣки наполнено здѣсь группой острововъ, соединенныхъ каменными плотинами; нѣкоторыя изъ этихъ плотинъ доходятъ до 90 футовъ вышины; черезъ нихъ стремятся воды Ореноко. Съ одного высокаго берегового холма Маними путешественники могли окинуть однимъ взглядомъ водопадъ,— весь пѣнистый бассейнъ его, простирающійся почти на двѣ версты. Изъ серебристыхъ волнъ выходили черныя скалы, въ видѣ башенъ, замковъ, развалинъ; каждая скала и каждый островъ были покрыты деревьями. Отсюда подымался густой туманъ и растилался надъ всей рѣкой. «Съ каждымъ часомъ пѣнистая масса водопада измѣняла свой видъ: то утесистые острова, увѣнчанные пальмами, отбрасывали по ней длинныя тѣни, то лучь заходящаго солнца преломлялся черезъ влажное облако, покрывавшее широкій водопадъ. Разноцвѣтныя радуги являлись, исчезали и снова показывались; ихъ изображеніе причудливой, легкой игрой воздуха колебалось надъ равниной»....

Во время іезуитовъ, миссія Майпуры была весьма значительна и имѣла до шестисотъ жителей. Во время посѣщенія ея Гумбольдтомъ въ ней оставалось едва шестдесятъ человѣкъ индѣйцевъ. Жителей Майпуры Гумбольдтъ называетъ кроткими, чистоплотными, трезвыми. Вообще индѣйцы Ореноко не столь преданы пьянству, какъ индѣйцы сѣверной Америки, хотя и между первыми есть нѣсколько племенъ, охотно упивающихся *чизой* — крѣпкимъ напиткомъ, приготовляемымъ изъ маніоки и кукурузы. Майпурцы разводятъ пизангъ-бананы и приготовляютъ питательное питье изъ плодовъ саговой пальмы; они особенно искусны въ дѣланіи глиняной посуды. Эта индѣйская семья майпуровъ издревле занималась горшечной промышленностію. На сѣверѣ отъ Мексики, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Флоридѣ, какъ и въ южной Америкѣ, всюду, гдѣ только находятся слѣды прежней образованности, часто выкапываются изъ земли глиняные сосуды, обломки раскрашенной фаянсовой посуды, предста-

вляющіе большое однообразіе въ своихъ украшеніяхъ. Майпурцы изображаютъ на своей посудѣ тѣже фигуры изъ различно соединенныхъ прямыхъ линій, которыя встрѣчаются на сосудахъ великой Греціи, на мексиканскихъ зданіяхъ, въ произведеніяхъ народовъ, неимѣющихъ между собой никакого племеннаго сродства. Между прочимъ это одинаковое выполненіе симетрическихъ формъ, эти вымыслы искусства указываютъ на чисто человѣческое сходство разноплеменныхъ народовъ, и на одинаковость человѣческихъ способностей, требующихъ для удовлетворенія глаза симетрическихъ формъ, какъ для слуха мѣрнаго слѣдованія звуковъ и аккордовъ.

Путешественники оставили Майпуру 21 апрѣля и поѣхали далѣе вверхъ по Ореноко въ своей пирогѣ, нѣсколько пострадавшей отъ перевоза ея черезъ скалы и стремнины, но еще довольно прочной, чтобы выдерживать дальнѣйшее странствованіе. За большими водопадами окончились обработанныя страны; путешественники вступили въ неизвѣстныя дикія земли. На югѣ отъ водопадовъ царствовала на рѣкѣ совершенная тишина. 22 апрѣля путешественники не замѣтили ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ; въ немъ не было слышно шелеста листьевъ, имѣющаго особенную прелесть въ жаркихъ поясахъ. Извилины рѣки, закрываемыя горами, дремучими лѣсами, и дожди, шедшіе тогда безпрестанно близъ экватора, между 1° и 2° сѣверной широты, безъ сомнѣнія производили такое состояніе воздуха.

Въ слѣдующіе дни путешественники проѣхали мимо устьевъ многихъ рѣкъ. Горы Парime начали подыматься надъ Ореноко и съ каждымъ часомъ сообщали новую физіономію его берегамъ. «При восхожденіи солнца, густыя растенія, покрывающія эти горы, окрашивались темнозеленой краской и принимали бурый отблескъ, отличающій страну, въ которой преобладаютъ деревья съ твердыми, кожевидными листьями; въ тоже время широкія и глубокія тѣни ложились надъ окрестной равниной и составляли рѣзкую противоположность съ живымъ свѣтомъ, разлитымъ на землѣ, въ воздухѣ, на водахъ. Когда же солнце достигало зенита, эти сильныя тѣни мало-помалу исчезали и вся горная группа одѣвалась воздушными парами, которыхъ лазурный цвѣтъ былъ значительно темнѣе лазури нижнихъ странъ небеснаго свода. Эти пары, кружась около разбитыхъ горныхъ вершинъ, смягчали ихъ очертанія, умѣряли яркость свѣта и сообщали ландшафту тотъ характеръ покоя и тишины, который въ природѣ, какъ и въ произведеніяхъ Клода Лореня и Пуссена, выходитъ изъ гармоническаго сліянія формъ и красокъ».... Такими чертами изображалъ Гумбольдтъ эти виды. Путешественники, приставъ

къ устью одной рѣки, для ботанизированія, замѣтили на ровномъ берегу множество небольшихъ гранитныхъ скалъ, имѣвшихъ форму призмъ, разбитыхъ столбовъ и башень. Вблизи находился весьма рѣдкій лѣсъ, а у самого сліянія двухъ рѣкъ скалы были покрыты поростами и мхами. Бонпланъ нашелъ въ лѣсу нѣсколько весьма ароматныхъ стволовъ коричнаго дерева. Пряная кора этого дерева, замѣчаетъ Гумбольдтъ, какъ и американскій мускатный орѣхъ, могла бы сдѣлаться значительнымъ предметомъ американской торговли, если бы во время открытія Америки европейская торговля не имѣла обыкновенія получать свои пряности и ароматы изъ восточной Индіи; впрочемъ должно прибавить, что американская корица не такъ ароматна, какъ цейлонская.

При устьи *Rio Zama* путешественники коснулись области *черныхъ водъ*. Многія изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ореноко, имѣютъ черный цвѣтъ, или, лучше сказать, темно-кофейный. Воды эти чисты, прозрачны и вкусны. Отъ нихъ уходятъ крокодилы и москитосы. Когда легкій вѣтеръ приводитъ въ движеніе поверхность этихъ черныхъ рѣкъ, она принимаетъ, какъ швейцарскія озера, прекрасный зеленый цвѣтъ. Въ тѣни эти рѣки темны какъ кофе. Гумбольдтъ могъ употреблять эти воды вмѣсто искуственнаго горизонта: такъ чисто отражаютъ они изображенія звѣздъ. Объясненіе настоящаго цвѣта воды въ источникахъ, рѣкахъ и моряхъ есть одна изъ затруднительныхъ задачъ физики. Знаменитые естествоиспытатели, изслѣдывавшіе чистую воду ледниковъ, текущую съ горныхъ вершинъ, лишенныхъ растительности и покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, находили ее то зеленаго, то синяго цвѣта, но никогда бѣлаго. Цвѣтъ черныхъ водъ, по мнѣнію Гумбольдта, долженъ происходить отъ разлагающихся въ нихъ растительныхъ матерій; индѣйцы же думаютъ, что этотъ цвѣтъ происходитъ отъ корней сассапарели.

23 апрѣля пирога еще миновала устья другихъ рѣкъ. Берега Ореноко становились болѣе и болѣе лѣсистыми; восточныя горы постепенно удалялись. На слѣдующій день, въ темную ночь, пирога оставила Ореноко и вошла въ устье Гвавіары; при сліяніи этой рѣки съ рѣкой Атабапо лежитъ миссія Сан-Фернандо де-Атабапо; сюда пирога направила свой путь.

По совѣту начальника миссіи Сан-Фернандо, путешественники измѣнили свой планъ, оставили подыматься все вверхъ по Ореноко и рѣшились взять другую дорогу. Эта дорога должна была вести ихъ вверхъ по рѣкамъ Атабапо, Теми и Туамини до миссіи Хавиты; изъ Хавиты черезъ небольшой перешеекъ, волокомъ, въ ручей *Canno Pimichin*, а черезъ него въ Рio-Негро текущій въ рѣку Амазонокъ

отъ сѣверо-запада на юго-востокъ; потомъ внизъ по Ріо-Негро до рѣки Кассиквіары, впадающей въ Ріо-Негро и выходящей изъ Ореноко; черезъ Кассиквіару опять въ Ореноко и внизъ по этой рѣкѣ назадъ въ Сан-Фернандо. Этотъ новый планъ путешественники выполнили, не безъ затрудненій, въ тридцать три дня. На темномъ пространствѣ, пройденномъ здѣсь нашими путешественниками, находится единственное на землѣ натуральное водяное сообщеніе двухъ большихъ рѣкъ: Ореноко и Амазонокъ; оно издавна служило поводомъ къ разнымъ предположеніямъ. Желаніе объяснить важные вопросы физической географіи, вопросы о рѣчныхъ системахъ и о пластикѣ земной почвы влекло Гумбольдта въ эти едва проходимыя, незнакомыя, лѣсныя пустыни.

Въ миссіи Сан-Фернандо, находящейся при сліяніи трехъ рѣкъ: Ореноко, Атабапо и Гвавіары, путешественники нашли еще нѣсколько обработанную землю. Домъ священника, покрытый ліанами, былъ окруженъ садомъ; здѣсь особенное вниманіе путешественниковъ привлекала пальма-пирихао, служившая лучшимъ украшеніемъ плантаціи. Эта пальма ростетъ въ окрестностяхъ Сан-Фернандо, имѣетъ колючій стволъ, вышиной въ 54 фута, перистые, тонкіе листья, пурпурные цвѣты и грозды плодовъ, заключающихъ въ себѣ мучное вещество, здоровое, пріятное и питательное. Когда путешественники отправились въ путь вверхъ по Атабапо, все опять начало измѣняться въ ихъ глазахъ: воздухъ, цвѣтъ воды, растительность. Мучители-москитосы и длинноногіе занкудосы рѣже показывались и наконецъ совершенно исчезли, къ радости путешественниковъ. Вмѣсто мутной, землистой воды Ореноко, которую нужно было сперва процѣживать, чтобы сдѣлать не совсѣмъ противной для питья, путешественники имѣли въ Атабапо чистую и пріятную воду, двумя или тремя градусами холоднѣе, чѣмъ вода въ Ореноко. Такая свѣжесть воды происходила отъ небольшой широты рѣки, отсутствія песчанаго берега и отъ сильной тѣни, отбрасываемой густыми лѣсами, сквозь которые текла рѣка. Вода въ Атабапо была такъ прозрачна, что на глубинѣ двадцати и тридцати футовъ видны были мелкія рыбы и даже дно бѣлаго, кварцоваго или гранитнаго песку. Прекрасные берега съ своими густо обросшими растеніями, между которыми высоко возносились роскошныя, оперенныя пальмы, отражались въ водахъ Атабапо, въ полномъ блескѣ, со всей яркостью своихъ красокъ. Крокодиловъ замѣстили дельфины пресной воды; чигуиры, ревущія обезьяны и замуры-коршуны исчезли; вмѣсто нихъ начали показываться на берегу водяные змѣи, длиной въ двѣнадцать или четырнадцать футовъ. Большіе ягуары виднѣлись еще въ лѣсахъ, но

эти животныя казались тутъ не столь смѣлыми, какъ на берегахъ Ореноко.

Путешественники остановились почевать въ миссіи св. Балтазара. Каталонскій священникъ сдѣлалъ имъ въ своей миссіи самый любезный пріемъ. Этотъ священникъ, живой, дѣятельный, развелъ себѣ садъ, деревню выстроилъ правильно и содержалъ въ чистотѣ, такъ-что Гумбольдтъ нашелъ здѣсь лучшую плантацію той стороны; миссія эта напомнила ему деревни сѣверной Германіи или деревни моравскихъ братьевъ въ протестантской Америкѣ. На слѣдующій день путешественники достигли рѣки Теми. Неподалеку отъ нея, на западномъ берегу рѣки Атабапо находится скала, называемая *скалой матери* или *индіянки Гвахибы*. Печальное преданіе связано съ этимъ мѣстомъ. Во время одного изъ тѣхъ набѣговъ, которыми управляли миссіонеры, для завоеванія душъ, была поймана на берегахъ Гвавіары мать съ дѣтьми своими и приведена въ Сан-Фернандо. Мужъ съ другими дѣтьми остался свободнымъ въ своихъ лѣсахъ. Плѣнница нѣсколько разъ покушалась увести изъ Сан Фернандо дѣтей къ своему мужу. Ловимая и наказываемая за это, она упрямо повторяла попытки къ бѣгству. Миссіонеры рѣшились разлучить ее съ дѣтьми и перевести въ отдаленную миссію на Рio-Негро. Когда везли ее изъ Сан-Фернандо по рѣкѣ Атабапо, она бросилась изъ лодки и вплавь искала спасенія; ее опять поймали и на скалѣ, названной ея именемъ, страшно бичевали. Послѣ этого ее перевезли въ Хавиту; ночью она разгрызла тамъ свои узы и опять исчезла. Лѣсами, черезъ которые люди еще не прокладывали дорогъ, сквозь чащу вьющихся, колючихъ растеній, несчастная мать пробиралась къ своимъ дѣтямъ; истерзанная, истощенная, она питалась дорогой большими черными муравьями, не въ силахъ будучи искать другой пищи, и на четвертый день опять явилась въ миссію Сан-Фернандо обнять своихъ дѣтей. Отъ Хавиты до Сан-Фернандо, въ прямой линіи, до пятидесяти верстъ. Миссіонеръ, разсказывавшій Гумбольдту это трогательное происшествіе, прибавилъ: «Эта женщина сдѣлала то, что́ не въ силахъ былъ бы выполнить сильнѣйшій индѣецъ!» Геройство дикой не обезоружило болѣе дикаго и упрямаго фанатизма миссіонеровъ; ее все-таки отторгли отъ ея дѣтей и отправили въ отдаленную миссію верхняго Ореноко. Тамъ она уморила себя голодомъ. Скала названа именемъ матери и осталась памятникомъ жизни и страстей бѣдной дикой.

Путешественники тихо поднимались по рѣкѣ Теми, текущей отъ юга на сѣверъ. У плоскихъ ея береговъ, надъ низменнымъ лѣсомъ возвышались пирихао-пальмы съ своими персиковыми плодами и

пальмы-мавриціи съ колючими стволами и опущенными къ низу опахальными листьями, испещренными какъ павлиньи перья синими и жолтыми кружками. Тамъ, гдѣ рѣка шла извилинами, лѣсъ былъ наводненъ, и кормчій, чтобы сократить дорогу, проводилъ пирогу сквозь лѣсные каналы, имѣвшіе отъ четырехъ до пяти футовъ ширины. Индѣецъ, стоя на переднемъ концѣ пироги, длиннымъ ножомъ рѣзалъ вѣтви, замедлявшія выходъ. Въ чащѣ лѣса показывались дельфины прѣсной воды; нашимъ путешественникамъ странно было ихъ видѣть внутри земли; природа, какъ бы играючи, повторила различныя морскія формы въ мощныхъ рѣкахъ южной Америки. На слѣдующій день пирога вошла въ рѣку Туамини и наконецъ пристала къ миссіи св. Антонія де-Хавита. У услужливаго и умнаго монаха путешественники провели пять дней, пока перетаскивали ихъ лодку къ ручью Пимичину; они воспользовались этимъ небольшимъ отдыхомъ для излеченія больныхъ, искусанныхъ насѣкомыми рукъ своихъ.

Въ Хавитѣ путешественники нашли еще въ живыхъ стараго, но очень бодраго индѣйскаго начальника Хавиту, по имени котораго было названо основанное имъ здѣсь поселеніе. Онъ говорилъ по-кастильски и сопровождалъ нашихъ путешественниковъ въ ихъ прогулкахъ и герборизаціяхъ по окрестностямъ. Онъ увѣрялъ ихъ, что въ молодости своей видѣлъ почти всѣ тамошніе народы и былъ свидѣтелемъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ ѣли человѣческое мясо; онъ полагалъ, что они дѣлали это изъ мести, съѣдая только тѣло врага, убитаго въ бою. Такіе примѣры людоѣдства весьма рѣдки между этими гвіанскими варварами и имъ неизвѣстны обычаи древнихъ скиѳовъ и массагетовъ въ честь мертвыхъ ѣсть кусокъ ихъ тѣла.

Погода была пасмурная въ Хавитѣ, и Гумбольдтъ не могъ наблюдать ни звѣздъ, ни солнца для своихъ астрономическихъ съемокъ. Климатъ Хавиты вообще сырой и дождливый; миссіонеръ увѣрялъ путешественниковъ, что дождь иногда идетъ здѣсь четыре и пять мѣсяцовъ сряду. Пока Гумбольдтъ и Бонпланъ отдыхали, герборизировали, слушали разсказы капитана Хавиты и ихъ добраго монаха, двадцать три индѣйца, каждый день передвигали, на круглыхъ палкахъ, пирогу черезъ лѣсъ, отдѣляющій воды Туамини отъ водъ Пимичина, текущихъ въ Ріо-Негро. Небольшую лодку обыкновенно волочатъ тамъ полтора дня; большую же пирогу нашихъ путешественниковъ, уже пострадавшую въ водопадахъ Ореноко, необходимо было со всей осторожностью перетаскивать на каткахъ въ продолженіи пяти дней. Каналъ, прорытый въ этомъ перешейкѣ, послужилъ бы для легкаго сообщенія между рѣкой Амазонокъ и рѣкой Ореноко. Миссіонеръ Ха-

виты всѣми средствами старался успокоить нетерпѣніе нашихъ путешественниковъ, желавшихъ видѣть поскорѣй свою пирогу уже въ водахъ Пимичино. «Въ моей миссіи вы не терпите ни въ чемъ недостатка — говорилъ отецъ Черезо — въ ней довольно банановъ и рыбы; ночью васъ не кусаютъ москитосы; чѣмъ долѣе вы останетесь у насъ, тѣмъ болѣе можетъ для васъ открыться случаевъ увидѣть звѣзды нашей стороны. Если ваше судно во время волока разобьется, мы вамъ дадимъ новое, и я буду имѣть удовольствіе провести нѣсколько недѣль *con gente blanca y de razon, съ бѣлыми, одаренными разумомъ людьми*»... Отъ услужливаго отца Черезо путешественники услышали подтвержденіе тѣхъ показаній, которыя они уже собрали о нравственномъ состояніи туземцевъ, о скитающихся между рѣками Ореноко и Амазонокъ индѣйскихъ ордахъ. Эти орды живутъ во взаимной недовѣрчивости и враждѣ; слабыя, ненавидящія другъ друга, онѣ не имѣютъ общаго, понятнаго имъ всѣмъ языка; каждый мелкій народъ говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ.... Здѣсь какъ будто спускаешься на низкія ступени человѣческаго общества, на которыхъ лица уединенныя, слабыя сбираются въ семью, изобрѣтаютъ свой языкъ, соединяются въ племя. Связь эта обогащаетъ постепенно понятія, развиваетъ самый языкъ; но вражда племенъ, ихъ разъединеніе останавливаютъ и понятія и языкъ, препятствуютъ здѣсь дальнѣйшему развитію человѣческаго общества, и оно представляетъ однѣ разсѣянныя, слабыя, дикія орды.... Роскошная растительность южной Америки не позволяла индѣйцамъ свободно охотиться въ лѣсахъ; съ другой стороны, въ этой части свѣта не было домашняго скота, способствующаго къ развитію пастушеской жизни; бизоны и мускусные быки Америки не дѣлались никогда ручными. Въ умѣренномъ поясѣ сѣверной Америки, на берегахъ Миссури и въ возвышенныхъ плоскостяхъ новой Мексики индѣйцы ведутъ охотничью жизнь, въ жаркомъ же поясѣ южной Америки, въ лѣсахъ Гвіаны, они разводятъ маніокъ, пизангъ, иногда и кукурузу. При необычайномъ плодородіи почвы, поле туземца состоитъ изъ небольшого клочка земли; здѣсь не нужно ни удобривать, ни вспахивать землю; для полученія жатвы достаточно сжечь нѣсколько кустарниковъ и на мѣстѣ ихъ посѣять небольшое количество зеренъ или посадить нѣсколько черенковъ. Эти клочки земли доставляютъ безъ большого труда обильную пищу для индѣйской семьи. Индѣйцы легко оставляютъ ихъ, кочуютъ съ своими сѣменами вдоль рѣкъ и переносятъ свое поле (*conucos*) съ одного мѣста на другое, какъ арабъ свой шатеръ и свое пастбище. Нѣкоторыя изъ обработываемыхъ растеній находятъ въ лѣсахъ дикорастущими, — ихъ туда заносятъ кочующіе земледѣльческіе народы.... Народы верхняго Ореноко и Ата-

бано, подобно древнимъ германцамъ и персамъ, поклоняются естественнымъ силамъ. Доброе начало они называютъ *Качимано*; оно есть Великій Духъ, *маниту*, управляющій временами года и жатвами. Въ противоположность доброму началу есть злое, менѣе сильное, но болѣе лукавое и дѣятельное и называемое *Іолокіямо*. Индѣйцы никакъ не могутъ понять, къ чему служатъ школы и храмы. «Эти добрые люди — говорилъ миссіонеръ Хавиты нашимъ путешественникамъ — любятъ только процессію на открытомъ воздухѣ. — У индѣйцевъ нѣтъ идоловъ; есть только священная труба, *ботуто*, служащая предметомъ особеннаго почитанія; въ нее трубятъ подъ пальмовымъ деревомъ, для испрошенія богатыхъ жатвъ. Посвященные въ таинства Ботуты должны вести чистую, безбрачную жизнь; они бичуютъ себя, держатъ посты и переносятъ тяжкія покаянія и лишенія. Женщинамъ запрещается смотрѣть на эту священную трубу, и вообще онѣ отстраняются отъ всякихъ священнодѣйствій. Женщина, по несчастію увидѣвшая эту трубу и услышавшая вблизи ея звуки, лишается жизни. Если бы туземные народы Гвіаны остались владѣтелями этой обширной страны, то это религіозное общество хранителей священной трубы, посвященныхъ въ таинства *ботуто*, могло бы сдѣлаться кастой священниковъ и играть важную роль въ политическомъ и гражданскомъ развитіи туземцевъ. Европейскіе поселенцы и христіянскія миссіи дали другое направленіе исторіи этого края.

Путешественники во время своего пребыванія въ Хавитѣ каждый день ходили въ лѣсъ, между Хавитой и рѣчкой Пимичиномъ. Въ немъ росли разнообразныя, огромныя деревья вышиной во сто и сто десять футовъ; такъ какъ эти деревья только къ вершинѣ своей пускали вѣтви, то по собраннымъ подъ ними листьямъ и цвѣтамъ Гумбольдтъ и Бонпланъ никакъ не могли распознать, къ какой группѣ деревъ принадлежали эти листья и цвѣты. 5-го мая путешественники оставили Хавиту и перешли черезъ знакомый имъ лѣсъ къ Пимичину; они должны были перейти въ бродъ черезъ нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, опасныхъ своими водяными змѣями, и только къ вечеру пришли къ небольшой мызѣ, находящейся у Пимичина. Они переночевали въ оставленной хижинѣ, на голой землѣ, съ опасностію быть укушенными змѣями. Двухъ большихъ змѣй индѣйцы убили еще при входѣ въ хижину; утромъ путешественники нашли еще одну живую змѣю, подъ кожей ягуара, на которой спалъ одинъ изъ ихъ служителей.... Если бы ехидны и гремучіе змѣи, замѣчаетъ Гумбольдтъ, были дѣйствительно такъ наклонны къ нападеніямъ, какъ о нихъ разсказываютъ, то люди никакъ не могли бы существовать въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки, особенно обильныхъ этими змѣями.

Послѣ четырехъ съ половиной часового плаванія по извилистой Пимичинѣ путешественники достигли 6-го мая до Pio-Негро, текущаго въ рѣку Амазонокъ и принимающаго въ себя рукавъ Ореноко, Кассиквіару. Уже тридцать шесть дней странствовали по рѣкамъ наши путешественники, въ узкой, безпокойной, легко колеблемой волнами лодкѣ. Терпѣливо перенесли они зной, дождь и насѣкомыхъ, счастливо прошли черезъ рѣчные пороги и стремнины и наконецъ достигли цѣли своихъ трудовъ. Съ несказаннымъ удовольствіемъ переходилъ Гумбольдтъ черезъ узкую полосу земли, отдѣляющую бассейны двухъ большихъ рѣкъ. Здѣсь, въ этихъ пустыняхъ, онъ могъ наконецъ астрономически опредѣлить развѣтвленіе Ореноко и теченіе того рукава, который отдѣляется отъ него къ Pio-Негро и котораго существованіе было оспориваемо въ продолженіи полувѣка. «Въ этихъ внутреннихъ странахъ Новаго Свѣта — говоритъ Гумбольдтъ — человѣкъ привыкаетъ видѣть себя чѣмъ-то несущественнымъ, невходящимъ въ порядокъ природы. Земля отягощена растеніями: ничто не препятствуетъ ихъ свободному развитію. Толстые пласты чернозема свидѣтельствуютъ о безпрестанномъ дѣйствіи органическихъ силъ. Воды рѣкъ принадлежатъ исключительно крокодиламъ и удавамъ (боа); ягуары, пекари, тапиры и обезьяны скитаются въ лѣсахъ свободно, безъ страха и владѣютъ ими какъ своимъ домашнимъ наслѣдіемъ. Эта картина одушевленной природы, въ которой человѣкъ ничего не значитъ, странно дѣйствуетъ на душу: сжимаетъ ее и печалитъ. Какъ ни трудно свыкаться съ океаномъ или съ песками Африки, гдѣ ничто не напоминаетъ ни нашихъ полей, ни нашихъ лѣсовъ, ни нашихъ ручьевъ, все-таки эти обширныя пустыни не такъ болѣзненно поражаютъ насъ. Здѣсь же, среди плодородной земли, убранной вѣчной зеленью, напрасно ищешь слѣдовъ человѣческаго могущества. Здѣсь чувствуешь себя перенесеннымъ совсѣмъ въ другой міръ, отличный отъ того, въ которомъ родился. Это впечатлѣніе становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оно долѣе длится. Одинъ солдатъ, проведшій всю свою жизнь въ миссіяхъ верхняго Ореноко, ночевалъ съ нами на берегу рѣки. Онъ былъ человѣкъ умный и, во время тихой и ясной ночи, много спрашивалъ меня о величинѣ звѣздъ, о жителяхъ луны, о тысячѣ другихъ предметовъ, столь же мало для меня извѣстныхъ, какъ и для него самого. Мои отвѣты не удовлетворяли его, и онъ мнѣ сказалъ рѣшительнымъ тономъ: — «Что касается до людей, то тамъ, надъ нами, вы ихъ также не найдете, какъ не найдете ихъ, если пойдете сухимъ путемъ отъ Хавиты до Кассиквіары. Въ звѣздахъ, мнѣ кажется, я вижу, какъ и здѣсь, равнину, покрытую высокими травами и лѣсомъ, черезъ которую течетъ рѣка». Словами этого солдата я хотѣлъ изобразить

впечатлѣніе, производимое однообразнымъ видомъ этихъ пустынныхъ мѣстъ.

Во время путешествія Гумбольдта, Ріо-Негро отдѣляла испанскія владѣнія отъ португальскихъ и была театромъ спора и вражды двухъ соперничествующихъ правительствъ. Противоположные виды двухъ далекихъ дворовъ отражались въ поведеніи начальниковъ небольшихъ пограничныхъ крѣпостей Ріо-Негро. Эта непріязнь и недовѣрчивость сосѣдей, множество языковъ, употребляемыхъ индѣйцами этихъ странъ, и другія затрудненія, встрѣчаемыя въ путешествіи по неизвѣстной землѣ, не позволили Гумбольдту выполнить всѣхъ его гидрографическихъ плановъ. Изъ крѣпости Сан-Карлоса, къ которой спустились наши путешественники внизъ по рѣкѣ Ріо-Негро, они намѣрены были этой же рѣкой войти въ рѣку Амазонокъ и достигнуть бразильскихъ береговъ. Неблагопріятное расположеніе пограничнаго португальскаго начальства не позволило исполнить это предпріятіе.

У индѣйцевъ Ріо-Негро путешественники нашли *зеленые камни* (нефритъ, іаде), называемые, по туземному преданію, *амазонскими камнями*. Индѣйцы употребляютъ ихъ какъ завѣтные камни, какъ амулеты противъ лихорадки и злыхъ духовъ и добываютъ ихъ изъ земли «женщинъ безъ мужей», или «однѣхъ женщинъ». У народовъ стараго какъ и новаго Свѣта встрѣчается особенная страсть къ нѣкоторымъ камнямъ, не только къ такимъ, которые по своей твердости могутъ служить острымъ оружіемъ, но и къ такимъ, которые отличаются своей формой или цвѣтомъ, привлекаютъ къ себѣ какъ бы сродствомъ съ органическими отправленіями, даже какою-то соотвѣтственностью душевнымъ наклонностямъ, какъ напримѣръ почечные камни и кровавики. Человѣкъ обращаетъ свое вниманіе не на однѣ хранящія или разрушающія силы природы, но и на мертвый камень, привлекательный игрой и блескомъ своихъ красокъ, громадностію и видомъ сложившихся изъ него горныхъ толщъ. Такъ у первобытныхъ народовъ находится кромѣ поклоненія естественнымъ силамъ и поклоненіе камнямъ (бетилямъ). Впослѣдствіи это поклоненіе камнямъ переходитъ въ суевѣрное употребленіе ихъ, какъ заколдованныхъ камней, предохраняющихъ отъ физическаго и душевнаго зла. Нефриты, зеленые амазонскіе камни, находимые у индѣйцевъ между рѣками Ореноко и Амазонокъ, связаны съ преданіями о воинственныхъ женщинахъ, будто бы жившихъ въ этихъ мѣстахъ и допускавшихъ къ себѣ мужчинъ только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Путешественники XVI вѣка разсказывали объ американскихъ амазонкахъ разныя небылицы. Лакондаминъ, во время своего путешествія по рѣкѣ Амазонокъ, собралъ всѣ мѣстныя преданія и пока-

занія объ этихъ женщинахъ. Гумбольдтъ, разбирая всѣ эти показанія, полагаетъ, что, несмотря на басни, разсказываемыя объ амазонкахъ, преданія о нихъ, сохраняющіяся у самихъ индѣйцевъ, могутъ имѣть нѣкоторое историческое основаніе. Первые завоеватели Африки могли встрѣчать въ самомъ дѣлѣ женщинъ, защищавшихъ свои жилища, или находить внутри земли женскія общества, религіозныя или промышленныя, или даже состоящія изъ женщинъ, бѣжавшихъ отъ притѣсненій и вооружившихся для своей защиты. Европейцы, старавшіеся при открытіи Америки все, что они ни находили въ ней, украшать поэтической одеждой и изображать чертами, заимствованными изъ классической древности, — могли и встрѣчи свои съ вооруженными и защищающимися индіянками называть битвами съ амазонками. Наконецъ мореходецъ сэръ Вальтеръ Ралейфъ своимъ описаніемъ воинственной республики дѣвственныхъ амазонокъ и земли Эль-дорадо (позлащеннаго короля), желая побудить свою дѣвственную королеву Елисавету къ завоеванію обширной «гвіанской имперіи», далъ окончательную форму всѣмъ разсказамъ и преданіямъ о землѣ «женщинъ, живущихъ безъ мужчинъ».

Наши путешественники провели три дня въ Сан-Карлосѣ. Небо, безпрестанно покрытое тучами, и здѣсь не позволило Гумбольдту дѣлать астрономическія наблюденія. 10 мая путешественники поплыли по Ріо-Негро до того мѣста, гдѣ Кассиквіара впадаетъ въ Ріо-Негро. У устья Кассиквіары, въ миссіи С. Франциско Солаке, переночевали путешественники. Гумбольдтъ сдѣлалъ астрономическую съемку тѣхъ пунктовъ на Ріо-Негро, у которыхъ эта рѣка принимаетъ въ себя Кассиквіару. Въ С. Франциско путешественники умножили свой звѣринецъ новыми птицами. Бо́льшая часть животныхъ этого звѣринца содержалась въ клѣткахъ; только нѣкоторыя обезьяны бѣгали свободно по пирогѣ. Когда начиналъ итти дождь, всѣ обезьяны подымали страшный крикъ; птица туканъ (токко) порывалась къ водѣ ловить рыбу, обезьяны тити спѣшили къ патеру Зеа — спрятаться въ широкомъ рукавѣ его рясы, — весь звѣринецъ приходилъ въ волненіе. На Кассиквіарѣ, вверхъ по которой поднялась пирога, появились опять москитосы, все умножаясь болѣе и болѣе, по мѣрѣ удаленія путешественниковъ отъ Черныхъ водъ. Христіянскія поселенія на этой рѣкѣ находились въ самомъ жалкомъ состояніи: едва можно было насчитать 200 жителей на всемъ протяженіи рѣки. Западный берегъ Кассиквіары былъ почти совсѣмъ необитаемъ; на восточномъ же берегу индѣйцы жили бо́льшею частію въ лѣсахъ, питаясь муравьями, которые составляютъ для тамошнихъ жителей такое же лакомое кушанье, какъ пауки для дикихъ Новой Голландіи. Въ одной изъ рѣдкихъ миссій Кассиквіары путешественники нашли

монаха, живущаго тамъ уже двадцать лѣтъ; ноги его были такъ искусаны и испещрены насѣкомыми, что никакъ нельзя было распознать прежняго цвѣта ихъ кожи. Этотъ миссіонеръ подтвердилъ нашимъ путешественникамъ слышанные ими разсказы о существующемъ еще въ тѣхъ мѣстахъ обычаѣ индѣйцевъ ѣсть человѣческое мясо. Одинъ индѣйскій алькадъ, по увѣренію монаха, за нѣсколько лѣтъ до того, съѣлъ свою жену, сперва откормивъ ее. Эти индѣйцы-людоѣды не понимаютъ укоровъ, дѣлаемыхъ имъ миссіонерами, считая неодноплеменнаго съ ними врага совершенно особеннымъ существомъ, которое они точно также имѣютъ право убить, какъ и ягуара. Въ этомъ случаѣ порицанія производятъ такое же дѣйствіе на индѣйцевъ, какъ укоры браминовъ Гангеса на европейцевъ за употребленіе въ пищу мяса животныхъ. Хоть индѣйцы Кассиквіары легко возвращаются къ своимъ первобытнымъ, варварскимъ обычаямъ, но пока остаются въ миссіяхъ, показываютъ прилежаніе, смѣтливость и легко выучиваются кастильскому нарѣчію, которое для болѣе цивилизированныхъ индѣйцевъ становится общимъ языкомъ. Почва на берегахъ Кассиквіары весьма плодородная; но сырость воздуха и множество насѣкомыхъ ставятъ непреодолимыя препятствія для ея разработки. Несчетныя кучи бѣлыхъ муравьевъ истребляютъ съ неимовѣрною скоростію обработываемыя злачныя и овощныя растенія; въ этой сторонѣ миссіонеры, чтобы предохранить свои огородныя растенія отъ нападеній этихъ насѣкомыхъ, сѣютъ овощи въ старыхъ лодкахъ, наполненныхъ землей; эти лодки, поднятыя потомъ на палкахъ на четыре фута надъ землей или повѣшенныя на пальмовыхъ веревкахъ, составляютъ тамъ висячіе огороды.

До 21-го мая продолжалось плаваніе путешественниковъ по Кассиквіарѣ; болѣе изнурительнаго и тягостнаго переѣзда, какъ черезъ эту рѣку, они не испытали во все время ихъ странствованія по Америкѣ. Широкій и стремительный потокъ былъ огражденъ съ обѣихъ сторонъ великолѣпнѣйшей растительной стѣной изъ вьющихся и лиственныхъ растеній. Эта береговая растительность была такъ роскошна и могущественна, что удивляла нашихъ путешественниковъ, уже ознакомившихся съ тропической природой. Иногда они не могли сдѣлать ни одного шагу изъ лодки: плотная растительная стѣна заграждала имъ путь на берегъ. Часто они проводили цѣлые часы въ напрасныхъ попыткахъ найти на берегу менѣе обросшее мѣсто, чтобы топоромъ расчистить нѣсколько пространство для своего бивуака и оставить хоть на короткое время пирогу, въ которой отъ москитосовъ, ливня и тѣсноты становилось невыносимо! Никогда лица и руки путешественниковъ не были такъ искусаны насѣкомы-

ми, какъ на Кассиквіарѣ. Часто наши путешественники среди обильнѣйшихъ лѣсныхъ странъ терпѣли недостатокъ въ топливѣ, потому что влажное, сочное дерево, съ трудомъ срубливамое, не зажигалось. Въ цѣлый годъ по рѣкѣ Кассиквіарѣ едва проходитъ пять лодокъ. Наши путешественники, отъ самой Майпуры, не встрѣтили на рѣкахъ, по которымъ плыли, ни одной человѣческой души. Напрасно надѣялись они найти нѣкоторыя миссіи, показанныя на картахъ Кассиквіары. Эти миссіи, какъ и крѣпость Вазива, долженствовавшая находиться у озера того же имени; не существовали въ дѣйствительности. Одно желаніе увидѣть, изслѣдовать раздвоеніе Ореноко могло поддерживать путешественниковъ въ ихъ затруднительномъ плаваніи по Кассиквіарѣ, во время котораго они терпѣли не только отъ москитосовъ и отъ сырости, но и отъ голода. Наконецъ, верстъ пятнадцать ниже Эсмеральды, пирога вошла опять въ Ореноко.

Величаво то мѣсто, гдѣ развѣтвляется Ореноко. На сѣверѣ подымаются высокія гранитныя горы, между которыми Дуида возвышается на 7800 футовъ; южный берегъ рѣки простирается равниной, имѣющей общее наклоненіе и углубленіе къ югу. Близъ этого мѣста, ниже Эсмеральды, главный рукавъ Ореноко стремится на запало-сѣверо-западъ и обтекаетъ горы Париме; другой, слабѣйшій рукавъ Кассиквіара склоняется къ углубленію на югъ и течетъ въ Pio-Негро, впадающая въ рѣку Амазонокъ. Опредѣленіемъ этихъ пунктовъ разрѣшеніемъ важной гидрографической проблемы, Гумбольдтъ оказалъ великую заслугу физической географіи, познанію пластики земного шара. «Если бы народы этихъ низменныхъ частей тропической Америки», говоритъ Гумбольдтъ: «принимали участіе въ цивилизаціи народовъ, обитавшихъ въ болѣе холодныхъ, альпійскихъ странахъ Андовъ, то эта обширная Мессопотамія, между Ореноко и рѣкой Амазонокъ, благопріятствовала бы развитію ихъ промышленности, оживила бы ихъ торговлю, ускорила бы успѣхи ихъ общественныхъ учрежденій. Островъ Мероэ, между Астаборасомъ и Нилomъ, Пенджабъ на Индѣ, Дуабъ на Гангесѣ, Мессопотамія между Тигромъ и Ефратомъ играли подобную ролю въ исторіи рода человѣческаго. Слабыя племена, блуждающія по саванамъ и лѣсамъ восточной Америки, мало могли воспользоваться выгодами своей мѣстности и развѣтвленіемъ своихъ рѣкъ. Набѣги, дѣлаемые карибами, вверхъ по Ореноко, Кассиквіарѣ и Pio-Негро, для похищенія невольниковъ и для грабежа, вынуждали нѣкоторыя грубыя племена выходить изъ усыпленія и соединяться между собой для общей защиты. Впрочемъ это небольшое добро, произведенное войнами съ карибами (бедуинами гвіанскихъ рѣкъ), было слабымъ вознагражденіемъ за то

зло, которое послѣдовало за нимъ, сдѣлавъ нравы еще болѣе звѣрскими и уменьшивъ народонаселеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что физическій видъ Греціи, раздѣленной небольшими горными хребтами, изрѣзанной глубоко входящими въ землю заливами, могъ способствовать на зарѣ цивилизаціи къ умственному развитію эллиновъ. Это вліяніе климата и формы почвы тамъ только открывается во всей силѣ, гдѣ человѣческія племена, счастливо одаренныя нравственными силами, получаютъ еще нѣкоторое внѣшнее побужденіе къ своему развитію».

Эсмеральда, отдаленнѣйшая христіянская миссія верхняго Ореноко, была небольшой деревней, расположенной у полошвы горы Дуиды; прекрасные луга, орошаемые ручьями черноцвѣтныхъ, но чистыхъ водъ, усѣянные кустами пальмы-маврицiи, окружали деревню. Ананасы, особенной величины и вкуса, украшали саваны, разстилающіеся по нижнимъ отклонамъ Дуиды, и высоко подымали надъ злаками свои желтые плоды, увѣнчанные пучками серебристыхъ листьевъ. Въ Эсмеральдѣ не было миссіонера; священникъ пріѣзжалъ сюда для отправленія богослуженія раза четыре или пять въ годъ изъ миссіи с. Варвары, находящейся въ ста верстахъ отъ Эсмеральды. Старый солдатъ управлялъ деревней, соединяя въ своей особѣ гражданскую и духовную власть. Несмотря на то, что въ деревнѣ было не болѣе 80 жителей, въ ней говорили на трехъ индѣйскихъ нарѣчіяхъ. Путешественники, къ удивленію своему, нашли здѣсь кромѣ индѣйцевъ много замбосовъ, мулатовъ и другихъ цвѣтныхъ людей, бо́льшею частію ссыльныхъ и величающихъ себя названіемъ «бѣлыхъ людей и испанцевъ». Кварцовые кристаллы, прозрачные и свѣтлые, окрашенные хлоритомъ или смѣшанные съ шёрлами, были приняты первыми путешественниками, проникшими въ эту землю, за алмазы и *изумруды*. Это заблужденіе влекло сюда искать сокровища, какъ баснословные разсказы объ Эль-дорадо заставляли дѣлать далѣе къ источникамъ Ореноко поиски золотого озера, золотой горы, золотого короля. Въ Эсмеральду со всѣхъ сторонъ стекались бродяги обогатиться; отъ этого колонія ея не достигла благоденствія. Замбосы, гордые тѣмъ, что они *gente de razon*, не какіе-нибудь негры или красные, не хотѣли работать, воздѣлывать землю и жили въ Эсмеральдѣ скудно и жалко. Мечты объ *изумрудахъ* Дуиды скоро разсѣялись, и Эсмеральда осталась извѣстной по своимъ насѣкомымъ, безпокойнымъ и мучительнымъ круглый годъ, и сдѣлалась мѣстомъ изгнанія не для однихъ гражданскихъ преступниковъ, но и для строптивыхъ духовныхъ, ссылаемыхъ сюда на съѣденіе москитосамъ и занкудосамъ.

Эсмеральда была знаменита не одними своими насѣкомыми, но еще приготовленіемъ сильнаго яда, кюрара, употребляемаго въ Гвіа-

ніе на войнѣ, на охотѣ и противъ желудочныхъ болѣзней. Этотъ ядъ, только смѣшавшись съ кровью, дѣлается смертельнымъ. Ялъ Тикунасовъ съ рѣки Амазонокъ, Упасъ-Тьёте изъ Явы и этотъ гвіанскій кюраръ считаются убійственнѣйшими изъ всѣхъ извѣстныхъ ядовъ. Въ то время, когда наши путешественники были въ Эсмеральдѣ, индѣйцы возвращались въ деревню съ собранными ими плодами *ювій* (бразильскихъ орѣховъ, *Bertholletia escelsa*) и ліанами, служащими для приготовленія кюрара. Какъ въ Европѣ празднуется сельская жатва или сборъ винограда, такъ въ Эсмеральдѣ сборъ ювій и ліанъ служитъ поводомъ для индѣйскихъ праздниковъ. Въ это время индѣйцы пьянствуютъ, пожираютъ жареныхъ и копченыхъ обезьянъ и танцуютъ подъ глухой звукъ скрѣпленныхъ въ одну линію тростниковыхъ трубокъ. Этотъ инструментъ напоминалъ Гумбольдту изображеніе свирѣли Пана и вакханалій на сосудахъ великой Греціи. Подъ всѣми широтами — замѣчаетъ онъ — человѣкъ въ первобытномъ своемъ состояніи извлекалъ большую пользу изъ камыша, этого злака съ высокой соломиной. Греки справедливо говорили, что камышъ способствовалъ къ порабощенію человѣка своими стрѣлами, къ укрощенію нравовъ прелестію музыкальныхъ инструментовъ, наконецъ къ развитію разума, сдѣлавшись орудіемъ для начертанія письменъ. «Эти три различныя употребленія камыша означаютъ какъ бы три періода народной жизни. Должно признаться, что орды Ориноко находятся еще на первой степени цивилизаціи. Камышъ служитъ для нихъ какъ орудіе войны и охоты, и свирѣль Пана, на этихъ отдаленныхъ берегахъ, не издавала еще звуковъ, способныхъ возбуждать кротость и человѣческія чувствованія.

Въ хижинѣ, гдѣ совершался праздникъ ювій и карара, путешественники нашли множество растеній и плодовъ, принесенныхъ индѣйцами. Плоды ювія, алмендрона или бертолеціи, одного изъ великолѣпнѣйшихъ деревъ новаго свѣта, привлекали особенное вниманіе путешественниковъ; эти плоды, состоящіе изъ костянки (*drupa*) величиной въ человѣческую голову, заключаютъ въ своей необыкновенно твердой скорлупѣ множество трехугольныхъ миндалинъ (числомъ отъ 15 до 22), доставляющихъ отличное масло и давно извѣстныхъ въ европейской торговлѣ подъ названіемъ бразильскихъ орѣховъ или каштановъ. Стволъ дерева имѣетъ отъ двухъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ и достигаетъ высоты отъ 100 до 120 футовъ; тяжелые плоды, падающіе съ такой высоты, могутъ быть опасными для тѣхъ, которые собираютъ ихъ подъ деревомъ. Въ хижинѣ лежали еще тростники длиной отъ 15 до 17 футовъ, прямые, гладкіе и цилиндрическіе; на нихъ не замѣтно было никакихъ узловъ, показывающихъ слѣды листьевъ или вѣтвей. Гум-

больдтъ не могъ опредѣлить, къ какой семьѣ односѣмянодольныхъ растеній принадлежатъ эти тростники, извѣстные въ Гвіанѣ подъ именемъ тростниковъ Эсмеральды и изъ которыхъ индѣйцы приготовляютъ ствольныя трубки для стрѣлъ. Гумбольдтъ не могъ также опредѣлить родъ растенія *маримы*, изъ котораго индѣйцы приготовляютъ себѣ *рубахи*; онъ видѣлъ только на скатѣ Дунды одни стволы этого растенія, въ 50 футовъ вышиной. Индѣйцы вырѣзаютъ изъ нихъ цилиндрическіе куски, въ два фута въ поперечникѣ, изъ которыхъ потомъ отдѣляютъ красную, волокнистую кору, стараясь не разрѣзать ея въ длину. Этотъ несшитый мѣшокъ, въ которомъ дѣлаютъ еще два отверстія для рукъ, индѣйцы надѣваютъ на себя во время дождей, и такимъ образомъ, по словамъ миссіонеровъ, готовыя платья ростутъ въ лѣсахъ Ореноко. Къ этимъ сказкамъ о рубашкахъ, ростущихъ на деревьяхъ, можно прибавить и о кружевныхъ чепчикахъ, тоже ростущихъ на деревьяхъ и находящихся на нѣкоторыхъ пальмахъ, въ цвѣточныхъ покрывалахъ ихъ, весьма похожихъ на широкую, кружевную ткань. На праздникѣ, на которомъ присутствовали путешественники, женщины не принимали участія ни въ пляскахъ, ни въ другихъ какихъ-либо общественныхъ удовольствіяхъ; индіянки обязаны были только прислуживать мужчинамъ, подносить имъ окороки обезьянъ, заквашенные напитки и капустную пальму, имѣющую вкусъ цвѣтной капусты. Кромѣ этихъ кушаній индѣйцы ѣдятъ еще весьма питательную рыбную муку, приготовляемую изъ высушенныхъ и обращенныхъ въ порошокъ рыбъ. Объ отношеніяхъ индѣйскихъ женщинъ должно еще прибавить, что въ Эсмеральдѣ, какъ и въ другихъ миссіяхъ, некрещенные индѣйцы живутъ съ ними въ многоженствѣ. При обращеніи индѣйца въ христіянство, миссіонеръ обыкновенно требуетъ отъ него, чтобы онъ ограничился одной женой; индѣецъ въ такомъ случаѣ не знаетъ, отъ которой изъ своихъ женъ отказаться, потому-что одна изъ нихъ искуснѣе въ садоводствѣ, другая лучше готовитъ напитки изъ кореньевъ маніока, — всѣ кажутся ему одинаково необходимыми; въ такомъ недоумѣніи онъ обыкновенно предоставляетъ выборъ самому миссіонеру.

На вершинѣ Дунды, по единогласному показанію тутемцевъ, показывается пламя, къ началу и къ концу дождевого времени, тогда, когда почва, сильно разгоряченная солнечными лучами, орошается первымъ дождемъ, или послѣ безпрестанныхъ дождей опять начинаетъ сохнуть. Путешественники не могли проникнуть на востокъ отъ Эсмеральды, къ источникамъ Ореноко: далѣе Эсмеральды гранитные пороги заграждали рѣку и враждебные индѣйцы не пускали бѣлыхъ людей во внутренность земли. Всѣ военныя экспедиціи, дѣлаемыя въ ту сторону для отысканія золота, оставались безъ успѣха, тѣмъ

менѣе могло быть исполненнымъ намѣреніе нашихъ путешественниковъ подняться къ источникамъ Ореноко. Индѣйцы Эсмеральды увѣряли, что выше тѣхъ пороговъ, которые заграждаютъ Ореноко, рѣка служивается и обращается въ быстрый потокъ. Гумбольдтъ разрѣшилъ только одну часть физико-географической проблемы, представляемой рѣкой Ореноко, именно вопросъ объ ея соединеніи съ рѣкой Амазонокъ; другая часть проблемы: положеніе источниковъ Ореноко, можетъ быть разрѣшена только мѣстными правительствами; впрочемъ и для этого вопроса Гумбольдтъ собралъ и разобралъ множество данныхъ и указалъ путь къ этимъ источникамъ. Въ новѣйшее время Шомбургкъ, путешествовавшій по англійской Гвіанѣ (въ 1835 — 39 годахъ), находился только въ $2^1/_2$ дняхъ пути отъ источниковъ Ореноко, но враждебные индѣйцы не позволили и ему достигнуть до нихъ.

23 мая путешественники оставили Эсмеральду. Плаваніе внизъ по Ореноко пошло быстрѣе и легче, но дурная пища, мухи, продолжительное путешестіе въ сырой и тѣсной лодкѣ привели путешественниковъ въ крайнее изнеможеніе. При отплытіи нашихъ путешественниковъ изъ Эсмеральды, такъ называемые *бѣлые* люди просили ихъ исходатайствовать у губернатора въ Ангостурѣ позволеніе ссыльнымъ выѣхать отсюда; «какъ ни тяжки ихъ преступленія — говорили они — но они искупили ихъ муками и казнію, претерпѣваемыми здѣсь отъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ». Между прочимъ наши путешественники разсказывали, что въ 1795 году въ одинъ день, за часъ до захожденія солнца, когда москитосы составляютъ обыкновенно густое облако, вдругъ въ продолженіи 20 минутъ ихъ не было совсѣмъ видно въ воздухѣ; сначала жители Эсмеральды обрадовались, но потомъ, вообразивъ, что порядокъ природы нарушенъ, пришли въ ужасъ и начали прислушиваться къ малѣйшему шелесту листьевъ и ожидать какого-нибудь переворота или землетрясенія. Появившіяся опять мухи были радостно привѣтствуемы, какъ вѣстники возстановившагося порядка вещей въ природѣ....

Путешественники имѣли свой первый ночлегъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ореноко отдѣляетъ свой рукавъ, Кассиквіару, къ Ріо-Негро и гдѣ нѣсколько дней до того ягуаръ унесъ у нихъ собаку. И на этомъ ночлегѣ ягуары ревѣли кругомъ бивуака цѣлую ночь. Въ этихъ мѣстахъ находились и *черные тигры*, страшные своей силой и свирѣпостію: кожу такого тигра Гумбольдтъ видѣлъ въ Эсмеральдѣ, хотя черный тигръ выше обыкновеннаго ягуара, и индѣйцы увѣряютъ, что онъ не мѣшается съ ягуарами и составляетъ будто бы особенную породу; однакожь Гумбольдтъ полагаетъ, что онъ есть видоизмѣненіе ягуара.

Пирога спускалась мимо устьевъ многихъ рѣкъ; земли кругомъ были совсѣмъ необитаемы; на сѣверѣ тянулись горы, а къ югу простирались необозримыя равнины. Ни одно живое существо не встрѣчалось на рѣкѣ, а между тѣмъ на скалахъ были вырѣзаны грубыя изображенія луны, солнца, звѣздъ, сухопутныхъ и морскихъ животныхъ, подобныя тѣмъ, которыхъ путешественники видѣли при устьѣ р. Апуры. Эти изображенія свидѣтельствовали объ исчезнувшихъ здѣсь народахъ, стоявшихъ на нѣкоторой степени духовнаго развитія, имѣвшихъ нѣкоторое искусство и отличавшихся отъ полудикихъ ордъ, скитающихся теперь по Гвіанѣ.

Гумбольдтъ, во время своего путешествія, старался собрать всѣ преданія, относящіяся къ древнимъ, символическимъ изображеніямъ, начертаннымъ на береговыхъ скалахъ Ореноко. Томанаки, одни изъ древнѣйшихъ обитателей Гвіаны, разсказываютъ, что Амаливака, отецъ томанаковъ и создатель рода человѣческаго, пріѣхалъ сюда въ баркѣ, въ то время, когда волны океана покрывали всю землю. Одинъ мужчина и одна женщина спаслись тогда на горѣ, находящейся на берегу рѣки Кучиверы, впадающей въ Ореноко. Эта гора есть Араратъ арамеянскихъ, или семитическихъ народовъ, и Тлалокъ, или Колхуаканъ древнихъ мексиканцевъ. Въ это же время Амаливака, плавая въ своей баркѣ, вырѣзалъ на скалахъ изображенія солнца и луны. У Амаливаки были дочери, страстныя къ путешествіямъ; чтобы принудить ихъ сидѣть на мѣстѣ и населить землю томанаковъ, онъ разбилъ имъ ноги. Такимъ образомъ, приведя все въ порядокъ по эту сторону воды, т. е. въ Америкѣ, онъ опять уѣхалъ на другой противоположный берегъ, т. е. въ Европу. Какой-то туземецъ весьма наивно спрашивалъ одного путешествующаго миссіонера: видѣлъ ли онъ тамъ, по ту сторону воды, великаго Амаливаку, отца томанаковъ, покрывшаго скалы символическими фигурами? Подобныя преданія повторяются съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями по всей Америкѣ. Въ восточныхъ равнинахъ сѣверной Америки — замѣчаетъ Гумбольдтъ,—находятся остатки валовъ, укрѣпленныхъ лагерей, напоминающіе земляныя работы древнихъ и новыхъ кочующихъ народовъ Азіи. Между Ореноко и рѣкой Амазонокъ нѣтъ никакихъ подобныхъ земляныхъ работъ; человѣкъ не подымалъ тамъ могильныхъ холмовъ, а только на скалахъ оставилъ изображенія, связанныя вѣроятно съ его религіозными представленіями.

Путешественники возвратились 27-го мая въ миссію С. Фернандо де Атабало, оставленную ими за мѣсяцъ до того. Далѣе, они ѣхали по Ореноко, мимо знакомыхъ мѣстъ, около которыхъ съ такимъ трудомъ и усиліемъ они подымались по рѣкѣ. Надежда скораго отдыха поддерживала и укрѣпляла утомленныхъ путешественниковъ.

Ихъ пирогу перетаскивали два дня черезъ водопадъ Майпуры. 31-го мая она прошла черезъ пороги Гвахибоса, и передъ захожденіемъ солнца Гумбольдтъ и Бонпланъ вышли на восточный берегъ Ореноко, выше водопадовъ Атуры, у *Puerta de la Expedicion*, осмотрѣть пещеру Атаруипе, служившую нѣкогда кладбищемъ одному исчезнувшему индѣйскому народу. Съ трудомъ путешественники всходили на высокій берегъ по обнаженному граниту. Было бы совсѣмъ невозможно упирать ноги на этой гладкой и наклоненной поверхности, если бы изъ вывѣтривающагося камня не выдавались какъ бы ступенями огромные кристаллы полевого шпата. «Поднявшись на вершину горы—разсказываетъ Гумбольдтъ—мы были поражены раскрывшейся передъ нами картиной. Пѣнящіяся воды рѣки были наполнены архипелагомъ острововъ, увѣнчанныхъ пальмами. На западѣ, на лѣвомъ берегу Ореноко, разстилающіеся саваны Меты и Казанары являлись моремъ зелени, котораго туманный горизонтъ былъ освѣщенъ заходящимъ солнцемъ. Это свѣтило, висѣвшее надъ равниной огненнымъ шаромъ, — эта отдѣльно подымавшаяся вершина Уніаны, казавшаяся тѣмъ возвышеннѣе, чѣмъ неопредѣленнѣе были ея очертанія въ обвивавшемъ ее вечернемъ туманѣ, — все это вмѣстѣ чудно возвышало картину. Ближе взоръ нашъ погружался въ глубокую долину, закрытую со всѣхъ сторонъ. Однѣ хищныя птицы и ночныя ласточки летали въ глубинѣ, въ этомъ недоступномъ циркѣ. Мы слѣдовали за ихъ подвижной тѣнью, медленно скользившей по отлогостямъ скалъ....» Путешественники пришли черезъ узкій гребень къ округленной вершинѣ, на которой лежали огромные гранитные камни, совершенно шаровидные, касавшіеся плоскости немногими пунктами; малѣйшее потрясеніе земли, казалось, должно было ихъ низвергнуть. Если бы эти гранитные камни лежали на толщахъ другой породы, то ихъ можно бы было считать занесенными сюда и округленными морскими волнами; но такъ какъ они находятся на гранитной горѣ, одного съ ними свойства, то можно скорѣе предполагать, что ихъ шаровидная форма произошла отъ постепеннаго разрушенія и вывѣтриванія вершины горнаго хребта.

Въ концѣ глубокой долины, обросшей густымъ лѣсомъ, находилась пещера Атаруите. Входъ въ нее открывался подъ нависшей скалой, въ которой воды сдѣлали обширное углубленіе во время тѣхъ земныхъ переворотовъ, когда воды обмывали еще подошву этихъ вершинъ. Войдя въ пещеру, путешественники насчитали въ ней въ короткое время до 600 сохранившихся и правильно расположенныхъ скелетовъ; каждый изъ этихъ скелетовъ, смотря по возрасту своему, лежалъ въ особенной, различной величины, корзинѣ (*mapires*), сплетенной изъ пальмовыхъ черешковъ. Кости скелетовъ были или вы-

бѣлены на воздухѣ и солнцѣ, или окрашены красной краской, *онато*, или были покрыты, подобно настоящимъ муміямъ, благовонными смолами и обернуты въ листья геликоній и пизанговъ. Возлѣ корзинокъ стояли сѣро-зеленоватые овальные сосуды изъ полужженой глины съ ушками, представляющими змѣй и крокодиловъ, и заключавшіе въ себѣ вѣроятно кости цѣлыхъ фамилій; края этихъ сосудовъ были украшены меандрами, грекками, состоящими изъ различно переплетенныхъ прямыхъ линій, рисуемыхъ индѣйцами-майтурами на своей простой посудѣ, отантянами на своихъ щитахъ и ескимосцами на своихъ рыболовныхъ снарядахъ. Путешественники не могли узнать ничего достовѣрнаго о древности костей пещеры Атаруипе. По преданію, сохранившемуся у индѣйцевъ-гвахибосовъ, какой-то воинственный народъ атуровъ, преслѣдуемый каранбами, спасался на скалахъ большихъ водопадовъ и на нихъ погибъ; ему принадлежатъ эти кости. Въ 1767 году оставалось еще нѣсколько семействъ отъ этого народа. Въ Майтурѣ туземцы показывали Гумбольдту стараго попугая, прибавляя, что его нельзя понимать, потому-что онъ говоритъ по-атурски. Путешественники наши взяли изъ пещеры нѣсколько череповъ, полные скелеты двухъ взрослыхъ людей и одного ребенка, вмѣстѣ съ ихъ корзинами. Эта добыча доставила впослѣдствіи много хлопотъ путешественникамъ, во время перевоза ихъ черезъ степи, потому-что индѣйцы, угадывая подъ закрытыми вьюками кости своихъ предковъ, отказывались давать муловъ для подобной ноши. Эта коллекція, отправленная Гумбольдтомъ въ Европу, погибла у африканскихъ береговъ. Молча оставили путешественники пещеру. «Была тихая, свѣтлая, тропическая ночь», разсказываетъ Гумбольдтъ: «звѣзды блистали кротко и планетно. Ихъ сверканіе было едва замѣтно на горизонтѣ, казавшемся освѣщеннымъ большими туманными пятнами южнаго неба. Несчетные рои насѣкомыхъ распространяли въ воздухѣ красноватый цвѣтъ. Земля, густо покрытая растеніями, блистала живымъ, подвижнымъ огнемъ, какъ-будто звѣзды небеснаго свода опустились на саванны. Выходя изъ пещеры, мы часто останавливались, чтобы насладиться красотой этого необыкновеннаго ландшафта. Благоухающая ваниль и вьющіяся вѣтви бигоній украшали входъ пещеры; надъ ними, на вершинѣ холма, колыхались листья пальмъ....» Подобныя же пещеры должны находиться на сѣверѣ отъ водопадовъ Ореноко, но ихъ перестали отыскивать съ тѣхъ поръ, какъ разсѣялись мечтанія о богатствахъ Дорадо. Въ горныхъ странахъ южной Америки, въ Квито и Перу, когда-то были учреждены настоящія горныя работы для отысканія могилъ и извлеченія золота и драгоцѣнностей, погребенныхъ вмѣстѣ съ мертвыми. Въ гвіанскихъ могилахъ не было найдено никакихъ драгоцѣнныхъ металловъ, и потому онѣ были оставлены безъ вниманія.

Путешественники останавливались опять въ Атурѣ, чтобы проститься съ патеромъ Зеа, сопровождавшимъ ихъ въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ въ ихъ странствованіяхъ къ Рio-Негро, и выждать, пока индѣйцы перенесутъ ихъ пирогу черезъ верхнюю часть водопадовъ; черезъ нижнюю часть ихъ путешественники отважились спуститься въ своей пирогѣ. И здѣсь они должны были нѣсколько разъ выходить изъ нея и взбираться на стѣны каменныхъ плотинъ, соединяющихъ скалы водопадовъ, пока перетаскивали ихъ лодку. Отсюда Гумбольдтъ могъ наслаждаться видомъ водопадовъ. Вода то стремилась черезъ каменную стѣну, то разбивалась о скалы, съ глухимъ шумомъ низвергаясь назадъ. Въ скалахъ вьетъ гнѣздо златоперая птица Макакія (Pipra rupicola), одна изъ красивѣйшихъ птицъ тропическихъ странъ. Водопады Ореноко, по ихъ обширности, нельзя сравнивать ни съ какимъ европейскимъ водопадомъ: они представляютъ длинный рядъ водопадовъ и стремнинъ, пробивающихся сквозь набросанныя одна на другую скалы. На одной изъ этихъ скалъ Гумбольдтъ и Бонпланъ долго ожидали свою пирогу, перевозимую съ другой стороны пороговъ. Наступила ночь и поднялась гроза; часы проходили въ напрасномъ ожиданіи. Бонпланъ готовъ былъ пустится вплавь черезъ рукавъ рѣчки, отдѣляющій скалу отъ берега, чтобы въ Атурѣ искать помощи. Вдругъ изъ воды внезапно показались два крокодила, вѣроятно привлеченные визгомъ обезьянъ, находившихся съ путешественниками на скалѣ. Это появленіе остановило Бонплана. Возвратившіеся наконецъ индѣйцы вывели путешественниковъ изъ затрудненія. Провизія, инструменты и животныя были наскоро нагружены въ пирогу, и путешественники всю ночь продолжали свое плаваніе. Въ миссіи Каричано они могли нѣсколько отдохнуть отъ своихъ трудовъ и усталости; особенно Бонпланъ уже чувствовалъ начало болѣзни, развернувшейся впослѣдствіи; но и здѣсь не могъ удержаться, несмотря ни на какую погоду, отъ своихъ любимыхъ герборизацій. Пирога опять прошла черезъ ущелье Барагуано и черезъ два дня пристала къ живописной миссіи Уруаны, расположенной у подошвы высокой, гранитной горы. Изъ хижины миссіонера виднѣлся величественный Ореноко. Въ этомъ мѣстѣ, рѣка, имѣющая слишкомъ 4 версты въ ширину, обращается на востокъ, течетъ безъ всякихъ извилинъ, прямымъ, широкимъ каналомъ, и только на срединѣ ея находятся два узкіе, длинные острова, дѣлающіе рѣку шире, но неизмѣняющіе прямизну и параллельность ея береговъ.

Въ миссіи Уруанѣ Гумбольдтъ нашелъ жителей, изъ племени отомаковъ, представляющихъ необыкновенное физіологическое явленіе. Эти отомаки нѣсколько мѣсяцовъ сряду ѣдятъ землю, или, лучше сказать, глотаютъ для укрощенія голода глину, скатанную въ шарики,

ізываемые ими *поя*. Этотъ обычай давно существовалъ у народовъ, ивущихъ при сліяніи рѣкъ Меты и Апуры. Отомаки, жившіе въ руанѣ, имѣли отвращеніе отъ земледѣлія, питались охотой и рыбной овлей. Когда воды стояли низко, то они питались рыбой и черепа-ами; когда же берега наводнялись, тогда, не имѣя въ запасѣ никакой ругой пищи, эти отомаки ѣли, въ продолженіи двухъ или трехъ всяцовъ, свои шарики, скатанные изъ сѣро-желтой, тонкой и жирной ины. Глина не заключала въ себѣ ни стеатита, или испанскаго мѣлу; магнезіи, также въ ней не находилось никакихъ масляныхъ или учныхъ органическихъ веществъ. Удивительнѣе всего то, что отома-не худѣли и не имѣли твердыхъ, раздутыхъ желудковъ отъ такой щи. Въ жаркихъ поясахъ, Гумбольдтъ встрѣчалъ многихъ мужчинъ женщинъ, чувствовавшихъ неудержимое желаніе глотать землю, не олько щелочную или известковую, но и жирную глину, имѣющую льный запахъ. Въ иныхъ мѣстахъ должно запирать дѣтей, чтобы репятствовать имъ послѣ дождя ѣсть глину. На рѣкѣ Магдалены Гум-ольдтъ видѣлъ женщинъ, занимающихся горшечной работой и без-рестанно глотающихъ куски глины, называемой ими *кауакъ*. На ост-овѣ Явѣ продаются маленькіе четырехугольные и красные глиняные ирожки. Впрочемъ въ Явѣ худѣютъ отъ нихъ, и такъ какъ худоба итается тамъ красотой, то женщины, чтобы сохранять тонкость стана, ного ѣдятъ этихъ пирожковъ. Жители новой Каледоніи тоже ѣдятъ ину, но только во время дороговизны. Въ Андахъ Попаяны и въ дру-ихъ мѣстахъ Перу на рынкахъ продаютъ между съѣстными припасами тонко растертую известь, которая, будучи смѣшана съ порошкомъ као, служитъ индѣйскимъ гонцамъ, въ продолженіи цѣлыхъ дней, инственной пищей. Въ другихъ частяхъ южной Америки жители отаютъ одну известь, безъ примѣси растительныхъ частицъ, и но-ятъ ее съ собой въ коробкахъ, какъ у насъ табакъ въ табакеркахъ. ъ жаркихъ странахъ, къ употребленію вмѣсто пищи, извести, лины или магнезіи, одни прибѣгаютъ только по нуждѣ, отъ голода, ля другихъ же эти земли составляютъ лакомство. Къ этимъ показа-іямъ, собраннымъ Гумбольдтомъ, прибавимъ замѣчанія Эренберга бъ употребленіи земли вмѣсто пищи и въ Европѣ, во время дорого-изны и голода. Есть каменныя породы, исключительно состоящія зъ кремнеземныхъ остатковъ наливочныхъ животныхъ; таковы: репелъ, или колировальный сланецъ, и черная мука, имѣющая видъ ѣлой, хлѣбной муки. Эту черную муку въ крайней нуждѣ и голодѣ римѣшиваютъ къ настоящей мукѣ и дѣлаютъ изъ этой смѣси хлѣбъ; акой хлѣбъ только обманываетъ и наполняетъ голодный желудокъ, но не питаетъ его своей земляной примѣсью.

Дикіе, отвратительные отомаки отличались еще мстительностію и ьянствомъ; они не только имѣли страсть къ крѣпкимъ напиткамъ,

приготовляемымъ изъ кукурузы и маніока, и къ пальмовому вину, но еще упивались особеннымъ древеснымъ табакомъ, называемымъ *ніопо*. Его приготовляютъ изъ стручковъ одной акаціи, обращая ихъ въ порошокъ. Этотъ порошокъ отомаки разсыпаютъ на тарелку и вбираютъ его въ себя помощью всунутой въ ноздрю согнутой, просверленой птичьей кости. Порошокъ этотъ такъ крѣпокъ, что малѣйшая частичка его производитъ чиханіе. Отомаки приходятъ отъ него въ сильное опьяненіе, въ нѣкоторый родъ бѣшенства, и въ такомъ видѣ бросаются въ битву. Эти люди предпочитаютъ ѣсть землю, чѣмъ трудиться и обработывать ее; но чтобы привести себя въ безпамятство, доставить себѣ сильное ощущеніе, они прибѣгаютъ къ утонченной промышленности. Поэтому случаю Гумбольдтъ замѣчаетъ, что травяной табакъ былъ извѣстенъ на Ореноко съ незапамятныхъ временъ и курили его тамъ еще до пришествія первыхъ завоевателей въ сѣверную и южную Америку. Таманаки и жители Гвіаны завертывали свои сигары въ листья кукурузы, какъ это дѣлали мексиканцы во время Кортеса. Испанцы вмѣсто этихъ листьевъ начали употреблять бумагу. Первое табачное растеніе было привезено въ Европу не изъ Виргиніи и не изъ южной Америки, а изъ мексиканской провинціи Юкатона, и сэръ Вальтеръ Ралейфъ первый ввелъ въ Англіи обычай курить табакъ.

7 іюня путешественники оставили миссію Уніоны и съ сожалѣніемъ разстались съ тамошнимъ миссіонеромъ патеромъ Романомъ Буэно, образованнѣйшимъ изъ всѣхъ миссіонеровъ, которыхъ они встрѣчали въ далекой Гвіанѣ. Еще проѣхавъ по Ореноко около 165 верстъ, мимо нѣсколькихъ водопадовъ и стремнинъ, прибыли они въ Ангостуру, главный городъ испанской Гвіаны. Съ радостью вступили наши путешественники въ Ангостуру, послѣ семидесятипятидневнаго странствованія къ пяти большимъ рѣкамъ—Апурѣ, Ореноко, Атабапо, Ріо-Негро и Кассикваіарѣ, по которымъ они проѣхали 2500 верстъ, въ тѣсной лодкѣ, подъ жгучимъ небомъ, мучимые насѣкомыми, перенося всякаго рода трудности и лишенія. Губернаторъ провинціи сдѣлалъ путешественникамъ ласковый пріемъ. Для нихъ, послѣ долгаго пребыванія въ дикихъ, необитаемыхъ странахъ, всѣ удобства жизни небольшого промышленнаго и портового городка получили особенную цѣну; пшеничный хлѣбъ, увидѣнный ими въ первый разъ на столѣ губернатора, показался имъ чѣмъ-то необыкновѣннымъ....

Едва Гумбольдтъ и Бонпланъ прибыли на мѣсто, занятое европейскими колонистами, какъ уже новые планы путешествій начали занимать ихъ. Между тѣмъ послѣднее путешествіе среди влажныхъ лѣсовъ имѣло дурныя послѣдствія для нашихъ путешественниковъ. Въ первые дни своего пребыванія въ Ангостурѣ они чувствовали

изнеможеніе и усталость, уже удручавшіе ихъ на возвратномъ плаваніи по Ореноко; потомъ почти разомъ открылась въ обоихъ злая лихорадка. Бонпланъ особенно находился въ опасности, но онъ еще довольно сохранилъ силъ и присутствія духа, чтобы самому лечить себя и не подчиняться лекарствамъ, употребляемымъ въ томъ краю; такимъ образомъ онъ самъ поставилъ себя на ноги. Болѣзнь задержала нашихъ путешественниковъ въ Ангостурѣ болѣе мѣсяца.

Городъ Ангостура лежитъ у обнаженнаго холма, надъ съуживающейся въ этомъ мѣстѣ рѣкой Ореноко. При высокой водѣ, набережные города наводняются, и тогда люди могутъ дѣлаться добычей крокодиловъ въ самомъ городѣ. Число ежегодныхъ жертвъ, похищенныхъ крокодилами, довольно велико, особенно въ окрестныхъ селахъ, наводняемыхъ рѣкой. Индѣйцы увѣряютъ, что крокодилы смѣлѣе возвращаются на то мѣсто, гдѣ они разъ извѣдали человѣческое мясо. Крокодиловъ не легко убивать; кожа ихъ не пропускаетъ ни стрѣлу, ни пулю, и только пасть и мѣсто подъ плечами не ограждены отъ выстрѣловъ. Туземцы для ловли крокодиловъ прикрѣпляютъ къ цѣпи, обвитой около дерева, крюки съ вздернутыми кусками мяса, и на попавшееся на крюкъ животное только тогда нападаютъ съ копьями, когда оно уже нѣсколько времени билось на цѣпи и измучилось.

Гумбольдтъ послѣ подробнаго описанія верхняго и нижняго Ореноко сдѣлалъ разборъ различныхъ мнѣній, возникавшихъ о Дорадо и объ источникахъ Ореноко. Съ самого конца XVI вѣка съ понятіемъ объ этихъ источникахъ было сопряжено представленіе богатой золотомъ земли и внутренняго большого озера, изъ котораго вмѣстѣ съ Ореноко будто бы вытекаютъ и рѣки Бранко и Эсеквеба. Жажда золота, привлекавшая европейцевъ въ Америку, заставляла ихъ всюду искать его. Въ разгоряченной фантазіи ихъ, индѣйцы, вымазанные желтой смолой или черепаховымъ жиромъ, увѣшанные блестящими листочками слюды, могли показаться золотыми людьми; отсюда происхожденіе всѣхъ сказокъ объ этихъ странахъ. Со временъ первыхъ завоевателей до самого 1775 года, къ источникамъ Ореноко снаряжались безпрестанныя, неудачныя экспедиціи для открытія Дорадо, золотой земли, золотого озера и золотого короля....

Гумбольдтъ и Бонпланъ намѣрены были изъ Ангостуры отправиться въ новую Барцелону или Куману, чтобы оттуда моремъ, черезъ Кубу, ѣхать въ Мексику. Они желали, слѣдуя своему первоначальному плану, остаться только полгода въ новой Испаніи и потомъ черезъ Южное море переѣхать на Филиппинскіе острова и оттуда черезъ Азію, объѣхавъ кругомъ свѣта, возвратиться въ Европу. Имъ суждено было еще увидѣть Анды и не суждено было достигнуть до восточной Индіи.

Послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Ангостурѣ путешествен-

ники наши, переправясь черезъ Ореноко, снова черезъ степи поѣхали къ Новой Барцелонѣ. Тринадцать дней они провели въ дорогѣ, медленно подвигаясь, съ своими богатыми зоологическими, ботаническими и геологическими собраніями. Эта восточная часть льяносовъ имѣла тотъ же характеръ, какъ и степи, идущія отъ долинъ къ Сан-Фернандо де-Апуре. Первый ночлегъ въ степи путешественники имѣли у одного французскаго мызника, жившаго въ совершенномъ уединеніи среди своихъ стадъ и полагавшаго, что политическія потрясенія и войны, волновавшія тогда старый свѣтъ, происходили «отъ долгаго сопротивленія капуциновъ....» У этого француза путешественники нашли растительный клей, приготовляемый самой природой между лубкомъ и корой одного ползущаго растенія и ничемъ неуступающій лучшему животному клею.

На третій день странствованія своего въ льяносахъ Новой Барцелоны путешественники достигли до миссіи Кари. Почва окрестныхъ степей не была такъ растрескана отъ зноя, какъ степи Калабозо. Дожди оживили степную растительность; надъ густой зеленью злаковъ и травяныхъ мимозъ подымались въ нѣкоторомъ разстояніи стволы опахальныхъ пальмъ. Группы пальмъ-маврицій покрывали болѣе влажныя мѣста льяносовъ. Вотъ что говоритъ Гумбольдтъ объ уединенной пальмѣ южныхъ степей: «Въ это время года пальма была отягощена огромными гроздами красныхъ плодовъ, похожихъ на сосновыя шишки. Наши обезьяны были весьма лакомы до этихъ плодовъ, которыхъ желтое мясо имѣло вкусъ переспѣлаго яблока. Эти животныя, находившіяся на мулахъ, между нашими вьюками, приходили безпрестанно въ движеніе, чтобы достать плоды, висѣвшіе надъ ихъ головами. Равнина казалась волнующейся отъ зеркальности воздуха (миража); и когда послѣ часового пути мы достигали до этихъ пальмовыхъ стволовъ, казавшихся издали подымающимися мачтами, тогда нельзя было не удивляться множествамъ предметовъ, связанныхъ съ существованіемъ одного дерева. Вѣтры, теряя быстроту свою при столкновеніи своемъ съ листьями и вѣтвями пальмы, собираютъ песокъ вокругъ ея ствола. Запахъ плодовъ, яркая зелень листьевъ изъ-далека привлекаютъ перелетныхъ птицъ, охотно садящихся на колышащіяся вѣтки пальмы. Легкое трепетанье слышится тогда въ окрестности; путникъ, удрученный жаромъ, привыкшій къ мрачной, степной тишинѣ, уже готовъ наслаждаться прохладою, при малѣйшемъ шелестѣ листьевъ. На сторонѣ дерева, противоположной вѣтру, и стволъ и почва остаются долго еще влажными, послѣ періода дождей; здѣсь роятся и множатся насѣкомыя и черви, вообще рѣдкіе въ льяносахъ. Такимъ-то образомъ отдѣльное дерево, часто весьма приземистое, которое среди лѣсовъ Ореноко не обратило бы на себя вниманія путника, здѣсь въ пустынѣ распространяетъ вокругъ себя жизнь....»

Кари, какъ и окрестныя мѣста, Гумбольдтъ нашелъ заселенными каранбами. Этотъ народъ, недавно вышедшій изъ кочующаго состоянія, отличался между всѣми индѣйскими племенами столько же тѣлеснымъ развитіемъ, сколько и умственными способностями. Гумбольдтъ не встрѣчалъ племени болѣе сильнаго и рослаго. Мужчины опоясывались темносинимъ передникомъ, доходящимъ до бедеръ; въ прохладный вечеръ они снимали его и покрывали имъ свои плечи. Женщины же носили поясъ, неимѣвшій и двухъ дюймовъ ширины, и разрисовывали свое тѣло, по обычаю индѣйцевъ, красной краской *онато*. Какъ наши женщины считаютъ не совсѣмъ пристойнымъ быть слишкомъ легко одѣтыми, такъ каранбки стыдятся явиться на Божій свѣтъ не раскрасивъ себя онатомъ. Голова мужчинъ была обрита и только на маковкѣ оставался кружокъ волосъ. Немедленно по прибытіи нашихъ путешественниковъ въ Кари, къ нимъ представились старѣйшины общины, *governador* и алькады, одни только имѣющіе право носить въ рукѣ трость. Между старшинами находились молодые люди восемнадцати и двадцати лѣтъ, выбираемые въ сановники совершенно по произволу миссіонеровъ. До завоеванія Америки европейцами, каранбы составляли между туземцами самый сильный и воинственный народъ, имѣвшій множество судовъ въ Антильскомъ морѣ. До самыхъ послѣднихъ временъ каранбы сопротивлялись европейцамъ; всюду, у приморскихъ береговъ какъ и на Ореноко помнятъ ихъ набѣги. Нѣтъ сомнѣнія, что прибытіе европейцевъ остановило развитіе этого народа. Каранбы, вытѣсненные европейскими завоевателями съ Антильскихъ острововъ и дарiенскихъ береговъ, подчинились власти миссіонеровъ и живутъ въ многочисленныхъ деревняхъ въ провинціи новой Барцелоны и въ Гвіанѣ. Ихъ нарѣчіе наиболѣе распространено между индѣйцами; несмотря на это, каранбскіе мужчины и женщины часто говорятъ двумя разными языками. Это произошло отъ обычая каранбовъ убивать мужчинъ непріятельскаго народа и брать себѣ въ жены женщинъ, сохраняющихъ такимъ образомъ въ своей новой семьѣ языкъ отцовъ. Съ именемъ каранбовъ, у европейцевъ сопряжено названіе каннибаловъ, людоѣдовъ; каранбы въ своихъ набѣгахъ и завоеваніяхъ вѣроятно не щадили побѣжденныхъ, европейцы же преувеличили свирѣпость ихъ, чтобы прикрыть ею собственныя свои жестокости. Всѣ миссіонеры согласно утверждаютъ, что изъ всѣхъ индѣйскихъ народовъ каранбы наименѣе наклонны къ человѣческому мясу. Въ избахъ каранбовъ, показываемыхъ миссіонерами, наши путешественники нашли большую опрятность и порядокъ. При этомъ они не могли не сожалѣть о мученіяхъ, которымъ подвергаютъ матери дѣтей своихъ, обвязывая ихъ ноги тесьмами, для того, чтобы дать членамъ особенныя выпуклости, требуемыя каранбскимъ вку-

сомъ. Удивительнѣе всего, что эти кожаныя тесьмы, крѣпко стягивающія члены, не препятствуютъ обращенію крови и не останавливаютъ дѣятельности мышцевъ; должно прибавить даже, что нѣтъ народа крѣпче сложеніемъ и болѣе способнаго къ легкому бѣгу, какъ карибы. Съ этой стороны напрасны были увѣщанія миссіонеровъ, хотя они и успѣли уже отучить карибовъ отъ другого обычая ихъ стискивать дѣтямъ голову, чтобы дать ей болѣе плоскую форму, также соотвѣтствующую карибскимъ понятіямъ о красотѣ.

Путешественники безъ помощи миссіонера никакъ не достали бы изъ Кари муловъ для перевоза скелетовъ, похищенныхъ ими изъ грота Атарупе. Индѣйцы угадывали, по запаху, что скрыто было подъ рогожами, и увѣряли, что несущій эти тяжести лошакъ необходимо долженъ скоро издохнуть. Далѣе въ льяносахъ путешественники переправились черезъ нѣсколько рѣкъ. Въ степяхъ имъ попадались однѣ тростниковыя хижины, покрытыя звѣриными кожами. Всадники съ копьями въ рукахъ, стерегущіе стада полудикихъ быковъ, лошадей и муловъ. Между этими животными не было видно ни козъ, ни овецъ, на столько сильныхъ, чтобы сопротивляться многочисленнымъ степнымъ ягуарамъ.... 15 іюля путешественники прибыли въ *Villa del Pao*. По мѣрѣ приближенія своего къ сѣверу они находили небо все свѣтлѣе и чище, почву пыльнѣе и атмосферу жарче. Путешественники не могли продолжать ночью своего пути, потому-что дороги не были безопасны отъ разбойниковъ. Преступники, бѣжавшіе въ степи изъ тюремъ приморскихъ городовъ, сбирались шайками въ обширныхъ степяхъ и вели въ нихъ вольную жизнь бедуиновъ пустыни.

Гумбольдтъ, разсматривая льяносы Каракаса, Барцелоны и Куманы, спрашиваетъ, навсегда ли они останутся одними пастбищами, недоступными для земледѣльческаго плуга? пока они только раздѣляютъ различныя южно-американскія провинціи и препятствуютъ распространенію земледѣлія и цивилизаціи. Въ саваннахъ сѣверной Америки, орошаемыхъ большими рѣками, обработываніе земли и народонаселеніе могутъ быстрѣе распространяться и преуспѣвать, нежели въ обширныхъ, сухихъ и выжженныхъ льяносахъ южной Америки. Несмотря на большія препятствія, колонисты еще не теряютъ надежды успѣть обработать льяносы. Небольшое число рѣкъ, текущихъ въ Ореноко, можно приспособить къ искуственному орошенію почвы; обширность степи можетъ перестать быть препятствіемъ для сообщеній усиливающагося народонаселенія и естественныя неудобства почвы могутъ быть пересилены трудомъ...Опыты, уже сдѣланные около Калибозо и Пао, доказали, что почва степей способна производить растенія, привольно растущія у морскихъ береговъ.

Гумбольдтъ и Бонпланъ, оставивъ Пао, еще три дня шли льяно-

сами и наконецъ увидѣли горную цѣпь Куманы, отдѣляющую «*большое травяное море*» отъ береговъ Антильскаго моря. Она показалась сначала какъ далекій туманъ, который, мало-по-малу увеличиваясь и сгущаясь, принялъ синеватый цвѣтъ и наконецъ опредѣлительныя, извилистыя очертанія. 23 іюля путешественники прибыли въ Новую Барцелону; семь мѣсяцовъ тому назадъ они останавливались въ этомъ городѣ, ѣдучи моремъ изъ Куманы въ Каракасъ. Странствованіе по степямъ измучило ихъ не столько отъ зноя, къ которому они ужь привыкли, сколько отъ *песчаныхъ вѣтровъ*. Силы Бонплана скоро совсѣмъ возстановились, но Гумбольдтъ занемогъ, и болѣзнь его начинала принимать злой, тифозный характеръ, вскорѣ впрочемъ исчезнувшій. Это принудило нашихъ путешественниковъ провести почти цѣлый мѣсяцъ въ Новой Барцелонѣ. Здѣсь они опять встрѣтили молодого францисканца Хуана Гонзалеса, столь живо поощрявшаго ихъ къ путешествію къ верхнему Ореноко. Онъ сожалѣлъ только, что они мало имѣли времени изслѣдовать эти неизвѣстныя земли. Фра Хуанъ Гонзалесъ, рѣшившись ѣхать въ Европу, пожелалъ сопровождать нашихъ путешественниковъ до острова Кубы. Въ продолженіи семи мѣсяцовъ путешественники не разставались съ нимъ. Ему они поручили для отвоза въ Европу часть своихъ коллекцій, и одинъ ихъ общій другъ ему же довѣрилъ маленькаго ребенка, котораго отправляли для воспитанія въ Испанію.... Но, увы! монахъ, ребенокъ и часть коллекцій погибли въ волнахъ у африканскихъ береговъ....

Путешественники ожидали въ Новой Барцелонѣ пакеботъ (*correos*), приходящій изъ Испаніи въ Кубу и Мексику и всегда пристающій къ берегамъ Венезуэлы. Болѣе трехъ мѣсяцовъ онъ здѣсь не показывался. Наши путешественники предполагали, что онъ былъ задержанъ англійскими крейсерами, и, желая скорѣе достигнуть до Куманы, чтобы оттуда, при первомъ благопріятномъ случаѣ, ѣхать въ Вера-Крузъ и Мексику, рѣшились нанять открытое, безпалубное судно для переѣзда въ Кумапу. Судно (*lancha*) было нагружено какао и служило для покровительствуемой англичанами контрабадной торговли береговъ Венезуэлы съ островомъ Тринидатомъ. Это послѣднее обстоятельство позволило не опасаться англичанъ, блокировавшихъ тогда всѣ испанскія гавани. Путешественники перенесли въ барку свои инструменты, растенія, своихъ обезьянъ и надѣялись черезъ нѣсколько часовъ отправиться въ Куману. Но едва ихъ судно оставило каналъ, отдѣляющій твердую землю отъ близь лежащаго острова, какъ оно было остановлено выстрѣлами съ вооруженной лодки, принадлежащей судну корсара изъ Галифакса. Судно путешественниковъ, несмотря на паспортъ губернатора острова Тринидата, было взято въ плѣнъ, и пока Гумбольдтъ въ каютѣ корсара защищалъ свои права и права своего судна, приблизившаяся англійская военная лодка при-

нудила корсара отпустить задержанное судно. Это непріятное приключеніе обратилось для Гумбольдта въ большое удовольствіе, заставивъ его посѣтить англійскій шлюпъ, съ котораго была послана лодка для его освобожденія. Гумбольдту былъ сдѣланъ самый ласковый пріемъ капитаномъ и офицерами шлюпа. Послѣ долгаго времени, проведеннаго между полудикими народами, въ неизвѣстныхъ, далекихъ странахъ, Гумбольдту, разумѣется, пріятно было бесѣдовать съ образованными людьми и передать имъ разсказъ о своихъ странствованіяхъ.. На слѣдующій день путешественники счастливо вошли въ заливъ Каріако. Крѣпость св. Антонія, лѣсъ кактусовъ, разсѣянныя избы индѣйцевъ-гвайкверіевъ, предметы, столь знакомые для путешественниковъ, опять предстали передъ ихъ глазами. Въ Куманѣ они были радостно приняты ихъ старыми друзьями, считавшими ихъ погибшими на Ореноко. Строгая блокада Куманы задержала здѣсь путешественниковъ два съ половиною мѣсяца. Они воспользовались этимъ временемъ, чтобы дополнить свои прежнія изслѣдованія тамошнихъ растеній и геологическаго свойства восточной части полуострова Араи. Вмѣстѣ съ этимъ Гумбольдтъ продолжалъ свои астрономическія и геологическія наблюденія и дѣлалъ опыты надъ разложеніемъ лучей, надъ испареніями и воздушнымъ электричествомъ.

Путешественники, видя невозможность дождаться пакебота, приходящаго изъ Испаніи, рѣшились воспользоваться американскимъ судномъ, долженствовавшемъ нагрузиться въ Новой Барцелонѣ солониной, для отвоза ея на островъ Кубу. 16 ноября Гумбольдтъ и Бонпланъ разстались съ своими куманскими друзьями и поплыли по заливу Каріако опять къ Новой Барцелонѣ. Ночь, въ которую путешественники покинули Куману, была прохладная. Не безъ волненія смотрѣли они на освѣщенные луной вершины кокосовыхъ деревъ, подымающихся надъ Мансанаресомъ. Долго взоръ ихъ былъ обращенъ къ бѣлымъ куманскимъ берегамъ, такъ привѣтливо принявшихъ странниковъ, и гдѣ только одинъ разъ (при нападеніи замбосъ) они имѣли поводъ быть недовольными людьми.... Черезъ шесть часовъ съ попутнымъ вѣтромъ они вошли въ гавань Новой Барцелоны. Судно, долженствовавшее вести ихъ въ Гавану, готово было сняться съ якоря.... Шестнадцать мѣсяцовъ пробыли Гумбольдтъ и Бонпланъ въ южной Америкѣ, у береговъ Венезуэлы, внутри этой провинціи и на Ореноко.

Н. ФРОЛОВЪ.

Библиотека Ивана Егоровича

АЛЕКСАНДРЪ ФОНЪ ГУМБОЛЬДТЪ И ЕГО КОСМОСЪ.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ (*).

II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ АМЕРИКУ.

4.

Островъ Куба. — Анды. — Мексика. — Возвращеніе въ Европу.

24 ноября 1800 года Гумбольдтъ и Бонпланъ оставили гавань новой Барселоны, материкъ южной Америки и пустились въ Карибское море, направляя свой путь къ острову Кубѣ. Этотъ переѣздъ, затруднительный и опасный, продолжался двадцать пять дней при постоянно-ненастной погодѣ. Ученыя занятія позволяли забывать безпокойства продолжительнаго плаванія. Гумбольдтъ могъ изучать въ это время атмосферическія измѣненія на морѣ, собирать новыя метеорологическія данныя, которыя онъ дополнилъ впослѣдствіи наблюденіями атмосферы на отклонахъ горъ, и приготовилъ такимъ образомъ богатый матеріялъ для сравнительной климатологіи. 19 декабря судно нашихъ путешественниковъ вошло въ гавань Гаваны.

(*) См. Современникъ 1847 года №№ X и XII и 1848 года № II, отд. II.

Великолѣпная картина, раскрывшаяся передъ ихъ глазами, вознаградила вполнѣ за понесенные труды. «Видъ Гаваны при входѣ въ гавань — говоритъ Гумбольдтъ — есть одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ и живописныхъ, которыми можно только наслаждаться на приморскихъ берегахъ равноденственной Америки, на сѣверѣ отъ экватора. Это мѣсто, прославляемое путешественниками всѣхъ народовъ, не имѣетъ роскошной растительности, украшающей устье рѣки Гваяквиля, ни дикаго величія скалистыхъ береговъ Ріо-Жанейро, двухъ гаваней, принадлежащихъ южному полушарію; зато въ немъ соединяется превлекательность, отличающая въ нашихъ климатахъ картины обработанной земли, съ величіемъ растительныхъ формъ, съ органической силой природы, принадлежащей исключительно жаркому поясу. Отдавшись этимъ пріятнымъ впечатлѣніямъ, европеецъ забываетъ опасность, грозящую ему посреди многочисленнаго народонаселенія антильскихъ городовъ; онъ хочетъ ухватить взорами различныя части обширнаго ландшафта, созерцать укрѣпленные замки, подымающіеся надъ скалами на востокѣ отъ гавани, отъ этого внутренняго бассейна, окруженнаго деревнями и мызами; онъ смотритъ на пальмы, возносящіяся на огромную высоту, смотритъ на городъ, полузакрытый лѣсомъ мачтъ и снастями кораблей»... Королевскія пальмы придаютъ особенный характеръ гаванскому ландшафту; ихъ высокіе стволы, немного раздутые по серединѣ, подымаются на 60 и 80 футовъ вышины; верхняя часть стволовъ, гладкая, свѣтло зеленаго цвѣта, образовавшаяся соединеніемъ и развитіемъ листныхъ стебельковъ, находится въ противоположности съ остальной частью стволовъ, бѣловатой и растресканной: можно подумать, что тутъ колонны поставлены одна на другую. Перистые листья королевскихъ пальмъ подымаются прямо къ небу и сгибаются только у концовъ своихъ. — Гавана построена на мысѣ; между двумя небольшими крѣпостями, господствующими надъ городомъ на западѣ, находятся предмѣстья. Улицы города узкія и грязныя; за неимѣніемъ камней онѣ вымощены бревнами краснаго дерева (акажу, *Cahoba*). Въ Гаванѣ находится ботаническій садъ и два прекрасныя гулянья; близъ одного изъ нихъ расположены сараи, въ которыхъ выставляютъ невольниковъ для продажи.

Гумбольдтъ и Бонпланъ провели въ Кубѣ три мѣсяца; на возвратномъ пути своемъ изъ Мексики они опять посѣтили островъ и пробыли на немъ еще полтора мѣсяца. Пребываніе Гумбольдта на островѣ Кубѣ дало ему поводъ не только изучать физическую географію Антильскаго моря и его острововъ, но еще вникнуть во всѣ общественныя условія тамошняго народонаселенія и разсмотрѣть весь колоніяльный бытъ. Составляя статистическія описи антильскихъ жи-

телей, по ихъ племенамъ, нарѣчіямъ и религіямъ, Гумбольдтъ въ этихъ численныхъ смѣтахъ нашелъ глубокій историческій смыслъ и нѣчто раскрывающее будущія судьбы европейско-американскихъ колоній.

Гавана принадлежитъ къ шести городамъ обѣихъ Америкъ, имѣющимъ слишкомъ сто тысячъ жителей. Въ Мексико 170,000 жителей, въ Нью-Йоркѣ 140,000, въ Ріо-Жанейро 135,000 (изъ нихъ 105,000 негровъ), въ Филадельфіи, Багіи (въ Бразиліи) и Гаванѣ отъ 120 до 130,000 жителей. Народонаселеніе Гаваны состоитъ изъ бѣлыхъ (слишкомъ 41,000), изъ небольшого числа свободныхъ пардосовъ, или людей краснаго цвѣта, еще меньшаго числа свободныхъ негровъ и пардосовъ-невольниковъ и наконецъ негровъ-невольниковъ; этихъ послѣднихъ считалось тамъ въ началѣ нашего вѣка слишкомъ 26,000. Гавана съ ея корабельной верфью, арсеналомъ и всемірной торговлей соотвѣтствуетъ значенію самого острова Кубы, величайшаго изъ всѣхъ антильскихъ острововъ. Въ своемъ продолговатомъ протяженіи, Куба на одинаковое разстояніе приближается къ Гаити, Ямайкѣ, Флоридѣ и мексиканской провинціи Юкатану; флоты ея, сооружаемые изъ краснаго дерева и цедреллы, быстро могутъ выходить въ море къ противоположнымъ берегамъ. Пространство острова также велико, какъ пространство всей Португаліи; оно заключаетъ въ себѣ половину пространства земли всѣхъ антильскихъ острововъ. Равнины составляютъ на Кубѣ $^4/_5$ всей поверхности; высочайшія горныя возвышенности ея поднимаются на 1200 тоазовъ: онѣ выше горъ Гаити и Ямайки и означаютъ собой высочайшіе пункты горнаго хребта большихъ антильскихъ острововъ, котораго различныя вѣтви распространяются подъ моремъ на востокъ и на югъ; землетрясенія бываютъ часто на восточной части Кубы, рѣже на западной. Ядро острова составляетъ гранитъ и первичной известнякъ; около нихъ осѣлись новыя нептуническія формаціи. За густыми лѣсами, находящимися внутри острова, трудно было до сихъ поръ геогностически опредѣлить его почву. Небольшая ширина острова не позволяетъ развернуться на немъ значительнымъ рѣкамъ; притомъ известковая ноздреватая почва его, наполненная пещерами, пропускаетъ сквозь себя воду, которая потомъ опять показывается на морѣ у отмелей и небольшихъ береговыхъ острововъ; все это дѣлаетъ островъ скуднымъ водой, и многіе округи его терпятъ отъ безводья. Несмотря на это, на островѣ находятся прекрасныя саваны и лѣсистые холмы; растительность его самая роскошная и разнообразная: ее составляютъ множество видовъ пальмъ, американскіе кедры, черныя, красныя и померанцовыя деревья, высокіе злаки и кустарники, вѣчно покрытые цвѣтами; дико-растущія тамъ апельсинныя деревья

достигаютъ отъ 10 до 15 футовъ вышины. Встрѣчая повсюду эти растенія, можно подумать, что островъ былъ покрытъ первобытно лѣсами пальмовыхъ, апельсинныхъ и мимозныхъ деревъ. Высокая температура острова, умѣряемая сильными испареніями, сохраняетъ въ атмосферѣ влажность, которая возбуждаетъ мощную растительность; круглый годъ островъ покрытъ свѣжей зеленью; въ началѣ же зимняго дождевого времени онъ весь бываетъ убранъ роскошными ароматными цвѣтами. Такъ-какъ Куба находится у крайняго предѣла жаркаго пояса, то и климатъ ея представляетъ переходное состояніе изъ жаркаго климата въ умѣренный: тепло уже не такъ равномѣрно распредѣлено тамъ между разными временами года, какъ въ срединѣ тропическихъ странъ. Это обстоятельство дѣлаетъ изученіе климата Кубы весьма важнымъ для общаго познанія атмосферическихъ явленій. Мы покажемъ здѣсь общіе результаты изъ наблюденій Гумбольдта, сравнивъ ихъ съ послѣдними показаніями г. Рамона де ла Сегра, недавно окончившаго подробное описаніе острова Кубы. Замѣтимъ мимоходомъ, что для всѣхъ новѣйшихъ описаній американской природы исходной точкой служатъ труды Гумбольдта; такъ и здѣсь показанія г. де ла Сегра только дополняютъ и развертываютъ розысканія нашего путешественника. Средняя годовая температура на островѣ Кубѣ составляетъ 25, 55° стогр. терм. Въ Куманѣ, лежащей на 12° 42′ широты ближе къ экватору, нежели Куба, среднее различіе въ годовой температурѣ составляетъ только 2°; на Кубѣ же температура жарчайшаго мѣсяца доходитъ до 29°, 5, а въ холоднѣйшій мѣсяцъ она опускается до 17°. Впрочемъ значительное уменьшеніе температуры здѣсь не долго продолжается, и оно нисколько не вредитъ пальмамъ, бананамъ и сахарному тростнику. Гигрометръ не опускается ниже 85°; рѣдко бываетъ, чтобы небо покрывалось тучами на цѣлый день; среднимъ числомъ тамъ 285 ясныхъ дней и 80 пасмурныхъ. Всѣ эти естественныя средства сдѣлали изъ Кубы обработанный садъ и позволили развернуться на ней обширнѣйшей земледѣльческой промышленности. Асфальтъ, каменный уголь, земляная смола и мѣдная руда составляютъ минеральныя богатства Кубы и служатъ важнымъ пособіемъ для ея промышленности и торговли. Куба еще принадлежитъ Испаніи, еще составляетъ важнѣйшее изъ ея владѣній. Свободная торговля удержала ее за метрополіей, въ то время, когда всѣ большія колоніи отпадали отъ Испаніи. Во время послѣдней всеобщей войны, Куба держалась своими собственными средствами и снабжала метрополію большими денежными пособіями. Теперь метрополія не только не можетъ обезпечивать торговлю и промышленность Кубы, но еще вредитъ ей своими запретительными мѣрами.

Несмотря на всѣ препятствія, благосостояніе острова Кубы съ начала нашего вѣка видимо возрастало, народонаселеніе ея быстро увеличивалось. Въ 1775 году въ Кубѣ считалось 170,000 жителей, въ 1791 году 272,000, въ 1817 году уже слишкомъ 600,000; между ними 290,000 бѣлыхъ людей, 175,000 цвѣтныхъ свободныхъ людей и 225,000 невольниковъ. Это преобладающее число свободнаго народонаселенія, составляющее $^3/_8$ всего числа жителей, отличаетъ Кубу передъ всѣми другими антильскими колоніями, въ которыхъ негры еще не освобождены и въ которыхъ они составляютъ большинство жителей. Индѣйцы, первоначальные обитатели Кубы, почти совсѣмъ исчезли съ острова, какъ и со всѣхъ вообще западно-индѣйскихъ острововъ; въ Гаити основали независимое государство не американскіе туземцы, но черные невольники, привезенные въ Америку изъ другой части свѣта, изъ Африки. Во время первыхъ испанскихъ учрежденій въ Кубѣ, на островѣ разводились одни хлѣбныя растенія. Индиго, хлопчатая бумага, кофейный кустарникъ и сахарный тростникъ, вытѣснившіе теперь почти совсѣмъ хлѣбныя растенія, играли сначала весьма второстепенную роль въ Кубѣ, какъ и на всѣхъ Антильскихъ островахъ. До XVIII вѣка вывозъ товаровъ изъ Кубы ограничивался кожами; за скотоводствомъ послѣдовало на островѣ обработываніе табаку и разведеніе европейскихъ пчелъ, введенныхъ въ Кубу изъ Флориды; вскорѣ торгъ табакомъ и воскомъ сдѣлался значительнѣе кожевеннаго торга. Куба до 1762 года еще не имѣла обширной всемірной торговли. Въ это время она была завоевана англичанами, но вскорѣ (1764) опять ими оставлена. Съ тѣхъ поръ пробудился торговый и промышленный духъ тамошнихъ колонистовъ. Постройка новыхъ укрѣпленій, свободный торгъ невольниками внесли деньги въ обращеніе, доставили руки для обработыванія земли; сверхъ того уничтоженіе французской колоніи на Сан Доминго (1791 — 1803) подняло цѣны на сахаръ, поощряло колонистовъ улучшать воздѣлываніе сахару и приготовленіе его. Кромѣ сахарнаго тростника, въ Кубѣ начали воздѣлывать и кофе; такимъ образомъ сахаръ, кофе и табакъ составили важнѣйшій предметъ тамошней торговли. Одна Куба доставляетъ $^1/_8$ часть всего сахара, вывозимаго со всѣхъ Антильскихъ острововъ. Всѣ тропическія страны Америки, т. е. Антильскіе острова, Гвіана и Бразилія, воздѣлывающія сахаръ, требовали до сихъ поръ на эту работу слишкомъ три милліона невольниковъ! Важныя измѣненія совершаются теперь съ этой стороны. Вопросъ колоніяльной производительности, работы невольниковъ, торга ими сильно занималъ Гумбольдта во время его пребыванія въ Америкѣ. Разсматривая разные способы обработыванія колоніяльныхъ произведеній, занимаясь во время своего пребыванія въ

Кубѣ новымъ устройствомъ печей на тамошнихъ сахарныхъ заводовъ для сбереженія топлива, на истребленіе котораго тамъ начинали уже жаловаться, онъ вмѣстѣ съ этимъ собиралъ обширные документы для поясненія колоніяльныхъ учрежденій и положенія невольниковъ.

Въ Гаванѣ — говоритъ Гумбольдтъ — нравы жителей напоминаютъ нравы большого европейскаго торговаго города. Тамъ онъ встрѣтилъ здравыя сужденія о торговой и колоніяльной политикѣ, ясныя и отчетливыя понятія о выгодахъ и невыгодахъ американскаго общественнаго быта и его учрежденій; тамъ, несмотря на рынокъ невольниковъ, болѣе кроткіе нравы и болѣе осторожная политика ввели въ обыкновеніе частые отпуски негровъ на волю; вольноотпущенные нашли возможность въ Кубѣ пріобрѣтать собственность и достигать значительнаго довольства. На самихъ же плантаціяхъ и въ маленькихъ городахъ Кубы господствовали еще грубые нравы и жестокіе обычаи.

Гумбольдтъ, оканчивая свою картину нравственнаго состоянія антильскаго народонаселенія, замѣчаетъ, что образованность, постепенно распространяющаяся только на нѣкоторыя лица, еще не ведетъ прямо къ важнымъ усовершенствованіямъ въ положеніи невольниковъ. «Для того — заключаетъ Гумбольдтъ — чтобы сдѣлать существенное измѣненіе въ положеніи негровъ, чтобы постепенно привести ихъ къ благоденствію, необходима твердая воля въ мѣстныхъ начальствахъ, дѣятельное вспомоществованіе богатыхъ и образованныхъ гражданъ, общій планъ, въ которомъ должны быть предъусмотрѣны всевозможные безпорядки и средства къ ихъ обузданію....

Въ концѣ апрѣля 1801 года, Гумбольдтъ и Бонпланъ намѣревались уже оставить Кубу и ѣхать въ Вера-Крусъ и Мексику. Бонпланъ привелъ въ порядокъ ихъ естество-историческія коллекціи и раздѣлилъ ихъ гербаріи на три части. Одну часть они отправили черезъ Англію въ Германію, другую черезъ Кадиксъ во Францію, а третью оставили въ Гаванѣ. Гербарій, посланный въ Кадиксъ, погибъ вмѣстѣ съ монахомъ Хуаномъ Гонзалесомъ, о которомъ мы уже говорили; тогда же погибло весьма важное собраніе насѣкомыхъ, собранное съ большимъ трудомъ Бонпланомъ на берегахъ Ореноко и Ріо-Негро; манускрипты же (написанные съ 1799 по 1800 годъ), отосланные въ то же время въ Европу, были спасены. Только три года спустя Гумбольдтъ узналъ объ участи своихъ манускриптовъ и коллекцій. Онъ уже объѣхалъ Новую Гренаду, Перу и Мексику и готовъ былъ оставить Новый Свѣтъ, какъ случайно, въ Филадельфіи,

взявъ въ руки одно ученое обозрѣніе, онъ увидѣлъ въ оглавленіи его статью: прибытіе манускриптовъ г. Гумбольдта къ его брату въ Парижъ. Онъ уже считалъ ихъ потерянными.

Во время своихъ сборовъ въ Мексику наши путешественники увидѣли въ американскихъ газетахъ извѣстіе (оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ) о кругосвѣтномъ путешествіи капитана Боденя. Это извѣстіе измѣнило планы нашихъ путешественниковъ и дало имъ поводъ увидѣть другую часть южной Америки, ея колоссальные Анды. Въ газетахъ писали, что капитанъ Боденъ отправился изъ Франціи въ Буэносъ-Айресъ и оттуда намѣренъ, объѣхавъ мысъ Горнъ, приплыть къ берегамъ Чили и Перу. Гумбольдтъ еще въ 1798 году, оставляя Парижъ, обѣщалъ капитану и музеуму естественной исторіи (нынѣ садъ растеній), котораго ученикомъ былъ Бонпланъ, присоединиться къ боденевской экспедиціи, гдѣ бы онъ ни встрѣтилъ ее. Напрасно въ Гаванѣ убѣждали нашихъ путешественниковъ воспользоваться полученнымъ ими позволеніемъ осматривать богатыя и обширныя испанскія владѣнія и не отказываться отъ поѣздки въ Мексику, которая доставляла изъ своихъ серебряныхъ рудъ $^5/_8$ всего серебра, добываемаго на землѣ, и которая слишкомъ уже полвѣка была закрыта для всякаго иностранца: Гумбольдтъ и Бонпланъ не поддавались этимъ доводамъ и полагали, что ихъ труды въ соединеніи съ трудами ученыхъ, сопутствующихъ Боденю, могутъ быть значительнѣе для успѣховъ науки. Гумбольдта увлекала возможность въ кругосвѣтномъ путешествіи въ бо́льшихъ размѣрахъ изслѣдовать явленія земного магнетизма, его уменьшающееся напряженіе отъ полюсовъ къ экватору и пункты одинаковаго наклоненія магнитной стрѣлки; его увлекало также желаніе изучить температуру океана, измѣняющуюся смотря по широтѣ мѣста, по направленію морскихъ теченій и близости отмелей, и собрать такимъ образомъ новыя наблюденія для физическаго познанія земного шара. Все это вмѣстѣ заставило нашихъ путешественниковъ, по отправленіи своихъ коллекцій и манускриптовъ въ Европу, нанять небольшой галіотъ въ гавани Батабано, на юго-западномъ берегу Кубы, съ тѣмъ чтобы ѣхать въ южную Америку, въ Картагену или въ Порто Кабелло; оттуда они хотѣли черезъ Панамскій перешеекъ достигнуть Южнаго моря, въ надеждѣ застать капитана Боденя въ Гваяквилѣ или въ Лимѣ и посѣтить вмѣстѣ съ его экспедиціей Новую Голландію, острова Южнаго моря, столь замѣчательные своей природой и своими жителями....

Къ 6-му марта судно было готово; Гумбольдтъ и Бонпланъ пустились изъ Гаваны въ море вдоль южнаго берега Кубы къ гавани

Батабано; 8-го марта вошли въ нее. Въ то время Батабано была жалкой деревушкой, окруженной болотами; у этихъ мѣстъ Коломбъ, увидѣвъ индѣйцевъ, пріѣхавшихъ изъ Юкатана, думалъ, что онъ находится уже близь Китая, близь имперіи великаго хана и устьевъ Ганга: открытый имъ свѣтъ представлялся для него только восточнымъ продолженіемъ Азіи! Отъ этихъ же мѣстъ отплылъ Фернандо Кортесъ съ своими сподвижниками для завоеванія Мексики. Гумбольдтъ изслѣдовалъ эти берега, группу острововъ и отмелей, называемыхъ Королевскими садами и находящихся у этихъ береговъ. Мѣстами у этихъ отмелей показываются въ морѣ источники прѣсной воды, и около нихъ, привлеченные ими, являются ламантины (морскія коровы). Отъ зеркальности воздуха окрестность принимала здѣсь фантастическіе, измѣнчивые образы. Однажды, наши путешественники, прогуливаясь ночью по береговой саванѣ, были поражены ея необычайнымъ освѣщеніемъ. «Наше двухлѣтнее пребываніе въ тропическихъ странахъ»—говоритъ Гумбольдтъ—«должно бы было пріучить насъ къ подобному зрѣлищу. Нигдѣ я еще не видѣлъ такого несчетнаго множества фосфорическихъ насѣкомыхъ. Травы, вѣтви и листья деревьевъ,—все блистало красноватымъ и подвижнымъ свѣтомъ, котораго сила измѣнялась по волѣ животныхъ, производившихъ его. Можно было подумать, что звѣздный небесный сводъ упалъ на савану!» Въ той сторонѣ тыква, съ продѣланными въ ней дырами, будучи наполнена этими свѣтящимися насѣкомыми, употребляется ночью при отыскиваніи предметовъ вмѣсто фонаря. Народъ называетъ подобную тыкву «вѣчно свѣтящимся фонаремъ»; свѣтъ его потухаетъ только съ жизнью насѣкомыхъ. Одна мать разсказывала Гумбольдту, какъ во время переѣзда ея на твердую землю, когда ночью капитанъ, изъ боязни корсаровъ, запрещалъ зажигать огонь на кораблѣ, она кормила грудью своего ребенка при свѣтѣ насѣкомыхъ, собранныхъ въ тыквѣ: стоитъ посильнѣе пошевелить эту тыкву, чтобы заставить животныхъ усилить испускаемый ими свѣтъ.

Наши путешественники, оставивъ гавань Батабано, надѣялись черезъ 13 или 15 дней достигнуть до Картагены. Морскія теченія, противные вѣтры замедляли ихъ плаваніе: оно продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Во время этого длиннаго переѣзда, посреди опасныхъ отмелей, при непогодѣ, Гумбольдтъ не оставлялъ своихъ привычныхъ занятій, наблюдалъ измѣнчивый цвѣтъ морской поверхности, то синій какъ индиго, то лиловый, по причинѣ множества медузъ и рыбьихъ яицъ, покрывавшихъ воду; онъ наблюдалъ движеніе водъ, температуру ихъ, направленіе магнитной стрѣлки, расположеніе облаковъ.... Поднявшаяся буря отклонила галіотъ на западъ, къ Дарiенскимъ бе-

регамъ, и принудила путешественниковъ войти въ устье Рio Сину, на западѣ отъ Картагены. Въ ближней деревнѣ *Zapote* они нашли замбосовъ, внизъ по рѣкѣ привозившихъ въ плоскихъ своихъ лодкахъ маисъ, бананы и другіе съѣстные припасы, для продовольствія Картагены. Поднявшаяся буря продолжалась десять дней и не позволяла путешественникамъ выйти въ море ; они принуждены были остаться въ деревушкѣ, среди докучливыхъ замбосовъ, распрашивавшихъ ихъ о цѣли ихъ путешествія, объ ихъ инструментахъ и книгахъ. Чтобы избавиться отъ этихъ безконечныхъ распросовъ, наши путешественники уходили въ ближній лѣсъ герборизировать ; по обыкновенію, ихъ пугали разсказами о страшныхъ удавахъ, ехиднахъ и ягуарахъ, наполнявшихъ этотъ лѣсъ, и отклоняли отъ посѣщенія его. Въ немъ наши путешественники нашли большое разнообразіе пальмовыхъ породъ и множество новыхъ растеній. Толпа цвѣтныхъ людей занималась въ лѣсу извлеченіемъ пальмоваго вина изъ срубленныхъ пальмовыхъ стволовъ. Между цвѣтными людьми Гумбольдтъ увидѣлъ бѣлокураго и блѣднаго человѣка, который оказался его соотечественникомъ и зашелъ въ ту сторону, по выраженію тамошнихъ бродягъ, «посмотрѣть другія земли и немножко прогуляться». Онъ забылъ почти совсѣмъ по-нѣмецки и съ трудомъ объяснялся по-кастильски. Отъ него наши путешественники могли узнать только, что въ той сторонѣ сыро и жарко, что города въ Помераніи лучше, нежели ближній городъ Санта-Крусъ-де-Лорика, и что, оставаясь долго въ лѣсу, они могутъ получить ту перемежающуюся лихорадку, отъ которой самъ онъ весьма долго страдалъ. Путешественники едва могли уговорить этого человѣка принять отъ нихъ награду за его добрые совѣты, потому-что, по его строгимъ правиламъ, бѣлый человѣкъ, хотя бы онъ былъ босоногій, никогда не долженъ брать денегъ «въ присутствіи подлой, жолтой черни». Работа этихъ людей, добывающихъ пальмовое вино, не требуетъ большого искусства. Срубивъ пальмовый стволъ, они подъ самымъ началомъ листьевъ и прицвѣтниковъ выдалбливаютъ въ древесинѣ углубленіе. Черезъ три дни оно наполняется бѣложелтоватымъ сокомъ, весьма прозрачнымъ и имѣющимъ сахарный и винный вкусъ. Соки продолжаютъ подыматься въ продолженіи восемьнадцати или двадцати дней и образуютъ пальмовое вино ; его собираютъ ежедневно; вытекающее въ послѣдніе дни, вино это уже не такъ сладко, имѣетъ болѣе алькоголическое свойство и болѣе уважаемо туземцами. Они увѣряютъ, что исхожденіе сока дѣлается обильнѣе, когда сжигаютъ листовые стебельки, оставшіеся на стволѣ.

Приставъ во второй разъ къ материку южной Америки, Гумбольдтъ увидѣлъ другую его оконечность. Близь Куманы онъ осмат-

ривалъ гористые и зеленые берега Паріи, гдѣ Христоформъ Коломбъ, въ своемъ поэтическомъ восторгѣ, предполагалъ колыбель рода человѣческаго; здѣсь же, у устья рѣки Сину, Гумбольдтъ увидѣлъ низкіе и влажные берега, идущіе къ Даріенскому заливу и Панамскому перешейку. Къ этимъ двумъ оконечностямъ приходили первые европейскіе поселенцы, привлекаемые къ одному мѣсту его жемчугомъ, къ другому его золотоносными песками. Эти страны казались для нихъ выдавшимися обширными мысами обширной восточной Азіи, восточной Индіи, богатой алмазами, жемчугомъ, золотомъ и пряностями. Коломбъ, принявшій южный берегъ Кубы за восточный материкъ, заставилъ всѣхъ своихъ спутниковъ, кормчихъ и матросовъ, въ числѣ 60 человѣкъ, скрѣпить клятвой и засвидѣтельствовать актомъ передъ нотаріусомъ истину этого предположенія. Такъ и въ свое четвертое и послѣднее плаваніе, достигнувъ береговъ центральной Америки, онъ думалъ, что находится близъ устья рѣки Ганга. Вслѣдъ за великимъ мореходцемъ стремились новые, смѣлые путешественники. Ихъ привлекало въ Даріенскомъ заливѣ устье рѣки Атрато, вытекающей изъ странъ богатыхъ золотомъ и платиной. Отсюда, отъ этой рѣки, въ XVI вѣкѣ цвѣтъ кастильскихъ героевъ поднялся къ новымъ подвигамъ и открытіямъ: Балбао открылъ Южное море, Пизарро завоевалъ и опустошилъ Перу, Педро де-Сіеса, съ мечомъ въ рукѣ, прошелъ по хребту Андовъ черезъ Антіоквію, Попаянъ и Куско до Лаплаты. Почти всѣ мѣста въ Америкѣ, впервые заселенные завоевателями, пришли скоро въ упадокъ и варварство; постепенно открываемыя новыя земли болѣе привлекали поселенцевъ. Такъ и даріенскіе города разрушились, когда новый, болѣе обширный горизонтъ раскрылся передъ завоевателями новаго свѣта. Кое-какія лачуги на береговыхъ холмахъ Атрато, плодоносныя европейскія деревья, перемѣшанныя съ туземными деревьями, показываютъ путнику мѣста этихъ городовъ. Гумбольдтъ по слѣдамъ завоевателей и мореходцевъ стремился въ Великій океанъ; ему суждено было подняться и на хребетъ Андовъ.

27 марта путешественники оставили деревню *Zapote*, опять подняли парусъ и пошли къ Картагенѣ; вѣтеръ былъ еще сильный. У одного острова ихъ судно едва не опрокинулось; это случилось въ вербное воскресенье. Замбосъ, провожавшій нашихъ путешественниковъ на Ореноко и остававшійся въ ихъ услуженіи до самого возвращенія ихъ во Францію, замѣтилъ, что ровно годъ тому назадъ, тоже въ вербное воскресенье, они едва не потонули въ Ореноко, на сѣверѣ отъ миссіи Уруаны. Ночью должно было случиться лунное затмѣніе, а на другой день звѣзда α созвѣздія Дѣвы должна была скрыться за луной. Гумбольдтъ желалъ наблюдать это явленіе, чтобы получить ос-

нованія для астрономическаго опредѣленія положенія Картагены, и просилъ капитана судна высадить его на берегъ; капитанъ не хотѣлъ согласиться на его просьбу, считая эти берега негостепріимными и опасными. Въ самомъ дѣлѣ, когда разъ наши путешественники подъѣхали въ лодкѣ къ берегу одного острова, чтобы ботанизировать тамъ при лунномъ свѣтѣ, къ нимъ выскочилъ изъ чащи ризофоровъ (корнепустовъ) негръ дикаго вида, съ разорванными цѣпями на шеѣ и на рукахъ и съ ножомъ въ рукѣ; онъ зазывалъ ихъ съ собой во внутрь острова и говорилъ что-то на непонятномъ языкѣ съ другими лицами, спрятанными въ чащѣ; тамъ могли быть скрыты негры-мароны, родившіеся въ Африкѣ, перевезенные въ Америку и бѣжавшіе изъ своей тюрьмы: они особенно опасны своимъ отчаяніемъ и жаждой мести. Все это возбудило подозрѣніе нашихъ путешественниковъ, и они, не выходя на берегъ, спѣшили возвратиться къ своему судну. Происшествіе это произвело печальное впечатлѣніе на нашихъ путешественниковъ; матросы же ихъ только сожалѣли, что не могли возвратиться опять на островъ, чтобы поймать бѣглаго и тайно продать его въ Картагенѣ.

Галіотъ вошелъ наконецъ въ гавань Картагены. Здѣсь нашелъ Гумбольдтъ испанскую экспедицію Фидалго, посланную для съемки американскихъ береговъ, и могъ сравнить свои наблюденія съ наблюденіями и съемками этой экспедиціи. Шесть дней провели путешественники въ Картагенѣ; они осмотрѣли у одного артиллерійскаго офицера весьма интересную коллекцію рисунковъ, моделей машинъ и минераловъ новой Гренады; кромѣ того прогуливались по окрестностямъ города, нездоровымъ и болотистымъ, обросшимъ печальными растеніями, кактусами, ятрофой, клещами и мимозами. Эти колючіе кустарники служили тогда предметомъ городскихъ разсказовъ: невѣрная жена, озлобленная упреками и ревностью своего мужа, ночью связала его съ помощью своего любовника и бросила въ колючіе кустарники, наполненные муравьями. Несчастный мужъ, выбиваясь оттуда, былъ все болѣе и болѣе раздираемъ колючими вѣтвями и уязвляемъ муравьями. Когда на крики его пришла помощь, онъ былъ найденъ почти издыхающимъ въ страшныхъ мукахъ.— Въ это время въ Картагенѣ былъ свѣтлый праздникъ Пасхи; по улицамъ города ходили церковныя процессіи. Нищіе съ терновыми вѣнками на головѣ, одѣтые въ черныя одежды, несли крестъ и просили милостыню; между ними шелъ Пилатъ, одѣтый въ полосатую шолковую мантію; въ серединѣ этихъ процессій замбосы несли на плечахъ своихъ большой круглый столъ, уставленный конфектами, за которымъ сидѣли разныя лица, представлявшія апостоловъ. При закатѣ солнца на главной улицѣ сжи-

гались чучелы, набитыя соломой и разными зажигательными веществами, одѣтыя во французскіе кафтаны и представлявшія жидовъ. Народъ жаловался, что по причинѣ сырой погоды жиды дурно горѣли.

Въ Картагенѣ путешественники развѣдывали объ удобнѣйшей дорогѣ для проѣзда въ Перу. Гумбольдтъ желалъ переѣхать черезъ Панамскій перешеекъ, нивелировать его, узнать здѣсь возвышеніе почвы, водораздѣлъ двухъ морей; но позднее время года, трудность найти средства для переѣзда отъ Панамскаго перешейка къ Гваяквилю, затруднительность этого плаванія противъ вѣтра и теченія заставили отказаться отъ этого намѣренія и предпочесть морскому путешествію нагорное путешествіе по хребту Андовъ, черезъ Санта-фе де-Богота, Попаянъ, Квито и Кахамарку, въ прохладномъ и умѣренномъ климатѣ высотъ. Новое, далекое путешествіе предстояло Гумбольдту и Бонплану; чтобы приготовиться къ нему и избѣжать нездоровый воздухъ Картагены и скверный трактиръ ея, наполненный остатками неудачной экспедиціи противъ Сан-Доминго, и въ которомъ безпрестанно происходили пренія о необходимости жестокаго обращенія съ неграми, напоминавшія понятія и ужасы завоеванія Америки XVI вѣка, наши путешественники рѣшились удалиться въ живописную индѣйскую деревню Турбако.

Деревня Турбако, въ которую переселились Гумбольдтъ и Бонпланъ, возвышалась на 1000 фут. надъ поверхностью моря; ее окружалъ обширный лѣсъ. Съ террасы дома, занимаемаго нашими путешественниками, виднѣлись колоссальныя снѣжныя вершины Сіерры Невады де-Санта Марта. Змѣй въ деревнѣ было такъ много, что они въ самыхъ домахъ преслѣдовали крысъ и ловили подъ крышами летучихъ мышей. Растительность окрестныхъ холмовъ и равнинъ напоминала своею роскошью берега Ореноко. Путешественники наши, несмотря на докучливыхъ москитосовъ, цѣлый день ботанизировали въ лѣсахъ, встрѣчая на каждомъ шагу новыя, совсѣмъ неизвѣстныя исполинскія растенія. Въ своихъ ботаническихъ прогулкахъ они находили въ чащѣ лѣса уединенные, индѣйскіе конукосы, небольшія плантаціи маиса и банановъ, въ которыя индѣйцы, избѣгая сосѣдства бѣлыхъ, уходили къ концу дождевого времени. Въ Турбако, гдѣ испанское народонаселеніе смѣшалось съ индѣйскимъ, Гумбольдтъ нашелъ тотъ же способъ обработыванія земли, который онъ видѣлъ въ миссіяхъ Гвіаны. Разсматривая грубыя земледѣльческія орудія, бамбуковыя хижины, грубыя ремесла, жалкія одежды туземцевъ, онъ спрашивалъ, что пріобрѣло, какіе сдѣлало успѣхи красное американское племя съ XVI вѣка, послѣ столкновенія своего съ европейскими народами? Исторія давала здѣсь неутѣшительный отвѣтъ.

Гумбольдтъ обратилъ особенное вниманіе на волканитосы, или волканы, извергающіе газы, находившіеся въ прогалинѣ пальмоваг лѣса близъ Турбако. Старинное преданіе, сохранившееся въ деревн о томъ, какъ нѣкогда здѣсь горѣла земля, и какъ потомъ благочести вый монахъ потушилъ огонь и обратилъ огненный волканъ въ водя ной, — это преданіе напомнило Гумбольдту споръ волканистовъ и не тунистовъ о томъ, огонь или вода произвели земные перевороты. С мые волканитосы состояли изъ пятнадцати или двадцати небольших усѣченныхъ конусовъ, или кеглей, поднимавшихся въ срединѣ прог лины на три и четыре туаза вышины. На вершинѣ кеглей находили небольшія отверстія отъ 15 до 28 дюймовъ въ діаметрѣ, наполнен ныя водой, на поверхности которой подымались періодически воз душные пузырьки значительнаго объема. Гумбольдтъ счелъ до пят выходовъ газа въ двѣ минуты. Сила, съ которой вырывался газъ, з ставляла предполагать, что онъ испытываетъ сильное давленіе вн три земли; глухой и довольно сильный шумъ предшествовалъ 1 или 18 секундами исхожденію газа. Неодновременное же появлен воздушныхъ пузырьковъ въ смѣжныхъ отверстіяхъ позволяло д мать, что каждое изъ отверстій получало газъ сквозь особенные к налы, которые если и сходились въ одномъ общемъ резервуарѣ упр гаго газа, то представляли неодинаковое сопротивленіе выходящем газу. Температура воды внутри отверстій волканитосовъ была один кова съ атмосферной температурой. Туземцы увѣряли, что въ продо женіи двадцати лѣтъ кегли не измѣнили ни вида своего, ни числ Во время своего путешествія по Америкѣ, Гумбольдтъ принима. эти газные волканы Турбако за небольшое мѣстное явленіе. Съ тѣх поръ его геологическіе виды расширились, и онъ узналъ въ незнач щихъ газныхъ волканахъ Турбако сальзы, или грязные волкан береговъ Каспійскаго моря, Чернаго и другихъ мѣстъ на землѣ, к торые въ первый періодъ своего появленія извергали пламя и огро ные камни, потомъ грязи и илъ, и наконецъ пришли въ покой, как въ Турбако. Онъ узналъ въ этихъ покойныхъ волканитосахъ дѣ ствіе той же волканической силы, тѣхъ же упругихъ газовъ, скр тыхъ въ земной внутренности, которые движеніемъ своимъ произ дятъ разрушительныя землетрясенія и страшныя опустошенія отъ дышащихъ горъ.

Путешественники наши провели десять дней въ Турбако въ т хихъ занятіяхъ и въ приготовленіяхъ къ новому, далекому и тру ному странствованію. Двадцать восемь лѣтъ спустя, продолжая оп саніе своихъ путешествій, Гумбольдтъ вспоминалъ объ этихъ днях съ особеннымъ чувствомъ. Въ этотъ промежутокъ времени онъ п

полнилъ много ученыхъ трудовъ, совершилъ много другихъ странствованій, пріобрѣлъ громкую славу; другъ же и спутникъ его Бонпланъ возвратился опять въ южную Америку, въ ея саваны и лѣса и, проникая въ Парагвай за своими любимыми растеніями, былъ задержанъ тамъ правителемъ Парагвая докторомъ Франсіей. «Еще теперь (въ 1829 году)» – говоритъ Гумбольдтъ, продолжая свой разсказъ о пребываніи его съ Бонпланомъ въ Турбако — «по истеченіи такого длиннаго времени, по возвращеніи моемъ съ береговъ Оби и отъ предѣловъ китайской Дзюнгаріи, передъ моимъ воображеніемъ все еще безпрестанно рисуются бамбуковые лѣса Турбако, дикая роскошь тропической почвы; эти ятрышники, устилающіе старые стволы *ocotea* и индѣйскихъ фиговыхъ деревъ, этотъ величавый видъ снѣжныхъ горъ, этотъ легкій туманъ, покрывающій при восхожденіи солнца глубину долины, эти группы исполинскихъ деревьевъ, зелеными островами подымающіяся надъ океаномъ паровъ, — остались неизгладимыми въ моей душѣ. Нашъ образъ жизни въ Турбако былъ самый простой и трудолюбивый. Мы были молоды, соединены одинаковыми вкусами и характерами, довѣрчиво смотрѣли впередъ; находясь наканунѣ путешествія, которое должно было насъ привести на высочайшія вершины Андовъ, къ зажженнымъ волканамъ, въ страны, безпрестанно волнуемыя землетрясеніями, мы чувствовали себя болѣе счастливыми, нежели въ какую-либо другую минуту нашего дальняго странствованія. Годы, протекшіе съ того времени не безъ горечи и печалей, только усугубили очарованіе тѣхъ неисчезнувшихъ впечатлѣній; я надѣюсь, что и мой несчастный другъ Бонпланъ въ своемъ изгнаніи въ южномъ полушаріи, въ пустыняхъ Парагвая, вспоминаетъ еще съ наслажденіемъ наши герборизаціи въ Турбако, небольшой источникъ Торесильо, нашу первую находку цвѣтущей Густавіи или Каванилезіи, покрытой плодами съ перепончатыми и прозрачными сторонами....»

Путешественники наши, помня неудобства и трудности плаванія своего по Ореноко и Кассиквіарѣ и приготовляясь вверхъ по рѣкѣ Магдаленѣ подняться къ Андамъ, запаслись складными походными кроватями и простынями *(toldo)* изъ плотной бумажной ткани, предохраняющими отъ насѣкомыхъ лучше всякихъ занавѣсокъ. 19 апрѣля 1801 года, Гумбольдтъ и Бонпланъ, окончивъ свои сборы, оставили Турбако въ сообществѣ стараго французскаго врача *de Rieux*, испытавшаго гоненія отъ испанскаго правительства, и одного испанца съ его двѣнадцатилѣтнимъ племянникомъ, сыномъ Нарино, содержащимся въ то время въ тюрьмѣ въ Боготѣ, и котораго имя сдѣлалось впослѣдствіи извѣстнымъ въ войнахъ испанскихъ колоній за

свою независимость. Путешественники переправились черезъ одинъ изъ небольшихъ рукавовъ рѣки Магдалены къ одному неинтересному мѣсту, гдѣ они были принуждены цѣлый день ожидать вьючный скотъ для перевоза ихъ вещей къ пристани рѣки Магдалены. На бѣду при переправѣ разбился барометръ, единственный уцѣлѣвшій еще у Гумбольдта. Онъ намѣревался измѣрить наклоненіе рѣки и опредѣлить вмѣстѣ съ этимъ быстроту ея теченія; но вспомогательныя средства были у него отняты. Разбитый барометръ или хронометръ, внезапно измѣнившій свой правильный ходъ — величайшія препятствія въ ученыхъ путешествіяхъ. Гумбольдтъ испытывалъ подобныя приключенія въ Андахъ, въ Мексикѣ, въ сѣверной Азіи, и всегда съ одинаковой досадой. Здѣсь, припоминая всѣ трудности обширныхъ путешествій внутри материковъ съ грузомъ физическихъ и астрономическихъ инструментовъ, Гумбольдтъ признается, что ученый, совершивъ эти путешествія, готовъ иногда воскликнуть: «счастливъ тотъ, кто путешествуетъ безъ разбивающихся инструментовъ, безъ подмокающихъ гербаріевъ, безъ повреждающихся коллекцій животныхъ! кто проходитъ разныя земли, чтобъ смотрѣть на нихъ своими глазами, чтобы отдаваться прямымъ впечатлѣніямъ природы, не анализируя ея! Такія кроткія наслажденія, при всей простотѣ своей, избавлены по-крайней-мѣрѣ отъ смутъ и волненій!...» Несмотря на эти жалобы, натуралистъ умѣетъ пользоваться каждымъ мгновеніемъ на пути своемъ, умѣетъ вознаградить утрату одного предмета первымъ встрѣтившимся новымъ предметомъ. Такъ и наши путешественники, въ деревушкѣ, въ которой они принуждены были остановиться послѣ своей переправы черезъ рукавъ рѣки Магдалены, нашли у туземцевъ множество большихъ прекрасныхъ птицъ арасовъ, убитыхъ для употребленія въ пищу; Гумбольдтъ и Бонпланъ принялись разсѣкать ихъ трупы, разсматривать обширный мозгъ этихъ птицъ, менѣе понятливыхъ впрочемъ нежели попугаи, и разбирать язычную кость и нижнюю часть гортани, любопытныя потому, что эти птицы имѣютъ глухой голосъ и съ трудомъ отдѣляютъ звуки. По мѣрѣ того, какъ Бонпланъ обнажалъ различныя части арасовъ, Гумбольдтъ рисовалъ ихъ, и эти анатомическія занятія позволили забыть поврежденіе инструмента.

20 апрѣля путешественники достигли до пристани рѣки Магдалены. На дорогѣ имъ попадались группы красивыхъ бамбуковыхъ хижинъ, обитаемыхъ замбосами. Вообще замбосы довольно многочисленны въ той сторонѣ. Негры, получившіе свободу въ Новой Гренадѣ, охотно поселяются на берегахъ рѣки Магдалены и смѣшиваются тамъ съ американскими туземцами; въ особенности индіянки чув-

ствуютъ стремленіе къ африканскому племени.... Здѣсь Гумбольдтъ, бросивъ общій взглядъ на свойство почвы, орошаемой рѣкой Магдаленой, прерываетъ описаніе своихъ путешествій въ равноденственныя страны Америки. Изданіе этого описанія началось въ 1814 году, продолжалось до 1831 года; оно едва ли будетъ окончено. Въ промежуткѣ многихъ лѣтъ, во время которыхъ Гумбольдтъ приготовлялъ изданіе своего американскаго путешествія, тропическія страны были описываемы новыми путешественниками, но это нисколько не заставляло его считать свой поздній трудъ устарѣлымъ и излишнимъ. Гумбольдтъ задумалъ описаніе своихъ путешествій по обширному и величавому плану; немудрено, что исполненіе этого плана должно было занять всю его жизнь и остаться неоконченнымъ. Въ этомъ описаніи собственныя наблюденія Гумбольдта должны были сливаться съ наблюденіями и опытами другихъ путешественниковъ и ученыхъ; въ немъ должны были изображаться земли не въ одномъ измѣнчивомъ политическомъ характерѣ своемъ, но въ томъ, что̀ имъ собственно принадлежитъ, что̀ составляетъ ихъ сущность, что̀ выражаетъ ихъ физическія свойства. Труду своему Гумбольдтъ желалъ дать истинно-ученое, высокое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ нарисовать полную физическую картину тропическихъ странъ, ихъ колоссальныхъ горъ, обширныхъ нагорныхъ плоскостей, необозримыхъ равнинъ; онъ желалъ представить ихъ геогностическій составъ, различное распредѣленіе на нихъ тепла и земного магнетизма, различныя дѣйствія волканическихъ силъ, движеніе и направленіе водъ, силу растительности, вліяніе всѣхъ этихъ физическихъ силъ на общественный бытъ, государственныя учрежденія и судьбу народовъ.... Изученія, необходимыя для начертанія такой полной картины, безпрестанно завлекали Гумбольдта въ новыя области знанія, давали ему поводъ рядомъ отдѣльныхъ твореній обозначать свой ученый путь; собственное же повѣствованіе его путешествій должно было прерываться и останавливаться....

Ученые результаты дальнѣйшихъ путешествій Гумбольдта по рѣкѣ Магдаленѣ, въ Кордильерахъ Андовъ, по рѣкѣ Амазонокъ, по Южному морю и въ Мексикѣ изложены имъ въ особенныхъ сочиненіяхъ. Во время восьмимѣсячнаго переѣзда своего черезъ Анды, отъ Картагены до Лимы, Гумбольдтъ начерталъ карту рѣки Магдалены, опредѣлилъ астрономическое положеніе восьмидесяти пунктовъ внутри южнаго американскаго материка между Картагеной, Попаяномъ, верховьемъ рѣки Амазонокъ и Лимой, исправилъ ошибочное показаніе географической долготы города Квито, собралъ тысячи новыхъ растеній, бывшихъ до него неизвѣстными ученому свѣту, собралъ

множество данныхъ для сравнительной климатологіи и для изученія законовъ земного магнетизма и сверхъ того еще изслѣдовалъ въ обширныхъ размѣрахъ геогностическія отношенія между порфирными горными породами и трахитами и волканическимъ огнемъ. Въ своихъ «*Vues des Cordillières*» Гумбольдтъ изобразилъ, рукой великаго живописца и глубокаго мыслителя, величественныя картины Андовъ и памятники исчезнувшей американской цивилизаціи ацтековъ (мексиканцевъ) и перуанцевъ. Покажемъ путь, которымъ слѣдовали Гумбольдтъ и его вѣрный спутникъ Бонпланъ въ ихъ дальнѣйшихъ странствованіяхъ по тропической Америкѣ.

Путешествіе въ прекрасной долинѣ рѣки Магдалены продолжалось тридцать пять дней, не безъ опасностей и затрудненій; пока Гумбольдтъ снималъ карту рѣки, Бонпланъ сбиралъ роскошныя растенія береговъ. Въ Хондѣ окончилось плаваніе по рѣкѣ; отсюда начались странствованія по хребтамъ Андовъ, которые идутъ двойными или тройными параллельными вѣтвями, раздѣленными глубокими, длинными долинами, и разстилаются обширными нагорными плоскостями, уставленными высокими волканами и снѣжными вершинами. Черезъ лѣса дубовъ, меластомовъ (черноустовъ) и хинхонъ, по скверными дорогамъ поднялись путешественники на мулахъ до Санта-Фе де-Боготы, главнаго города Новой Гренады. Богота лежитъ въ прекрасной нагорной плоскости выше монастыря Сан-Бернара въ Альпахъ, окружена высокими горами, имѣетъ постоянную весеннюю температуру, и кругомъ ея находятся поля съ европейскими зерновыми хлѣбами. Здѣсь Гумбольдтъ и Бонпланъ провели нѣсколько мѣсяцовъ, изучая минералогическія и ботаническія богатства страны, осматривая ея горные заводы, наслаждаясь красотами совсѣмъ новой для нихъ природы. Ріо де-Богота, или Ріо Фунца, протекающая по долинѣ Боготы, собравъ въ себя воды окрестныхъ высотъ, стремится величественнымъ водопадомъ сквозь узкую разсѣлину, близъ мызы Текvендамы, на юго-западѣ отъ города Санта-Фе, къ бассейну рѣки Магдалены. Въ этомъ ландшафтѣ Гумбольдтъ нашелъ соединеннымъ все, что̀ составляетъ красоту водопадовъ: обиліе воды, высокое паденіе ея, живописный видъ окружающихъ скалъ, силу и разнообразіе растительныхъ формъ, расположенныхъ группами и букетами, по скаламъ, вокругъ стремящихся водъ. Если бы разсѣлина водопада Текvендамы закрылась, то воды наводнили бы плодоносную долину Боготы и обратили бы ее въ озеро. У индѣйцевъ-муискасовъ, или мозкасовъ, обитателей новой Гренады, или Кундинамарки, сохранилось преданіе, что въ тѣ времена, когда луна еще не сопровождала землю и горцы скитались варварами, безъ одеждъ, не зная зем-

ледѣлія, никакой религіи, никакихъ законовъ, пришелъ къ нимъ изъ восточныхъ равнинъ старецъ Бочика съ женой своей Гуитакой. Онъ научилъ жителей одѣваться, строить хижины, обработывать землю, жить въ обществѣ; злая жена-красавица безпрестанно препятствовала благимъ намѣреніямъ своего мужа и наконецъ чародѣйствомъ своимъ подняла воды рѣки Фунца, наводнила долину Боготы и этимъ погубила часть ея жителей. Старецъ Бочика прогналъ за это жену свою Гуитаку, и она сдѣлалась луной, которая съ тѣхъ поръ освѣщаетъ землю по ночамъ. Бочика сжалился надъ разсѣянными по горамъ людьми, мощной рукой разбилъ скалы Теквендамы, выпустилъ сквозь эти разсѣлины воды озера Фунца, собралъ опять жителей въ долину Боготы, научилъ ихъ поклоняться солнцу, выстроилъ города, учредилъ духовную и свѣтскую власть и удалился въ одну священную долину Андовъ, гдѣ жилъ въ строгомъ покаяніи двѣ тысячи лѣтъ.... Такъ миѳологическія преданія народовъ всюду смѣшиваются съ теогностическими явленіями.

Въ сентябрѣ 1801 года путешественники наши оставили Санта-Фе, направивъ свой путь къ Попаяну и къ Квито. Они спускались съ восточной Кордильеры Андовъ, на которой находится Богото, по западному отклону ея, чрезъ мостъ Икононзо, образованный самой природой. Надъ глубокой пропастью перегибался здѣсь каменный песчаниковый сводъ, въ 6 сажень длины, въ 5 саж. ширины и слишкомъ въ сажень толщины, и соединялъ края каменной трещины, произведенной землетрясеніемъ. Верхній каменный пластъ удержался на мѣстѣ и составилъ такимъ образомъ натуральный мостъ, въ то время, когда нижніе каменные пласты были разорваны и образовали трещину. Въ восьми саженяхъ подъ этимъ натуральнымъ мостомъ находился другой мостъ, составившійся изъ трехъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, свалившихся такимъ образомъ, что онѣ поддерживались другъ другомъ и средняя изъ нихъ составляла ключъ свода. Въ мрачной глубинѣ пропасти, на триста футовъ подъ мостомъ, клубился потокъ и раздавались крики ночныхъ птицъ. Едва ли найденъ былъ въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ на землѣ подобный натуральный сводъ, самъ собою сложившійся изъ камней. Отсюда путешественники поднялись на хребетъ центральной Кордильеры Андовъ, отдѣляющей рѣку Магдалену отъ рѣки Каука, и прошли черезъ трудный высокій проходъ горы Квиндіу, находящійся между городами Ибагуой и Картаго. Гора Квиндіу покрыта густымъ лѣсомъ; близъ нея подымается снѣжная вершина волкана Толимы; въ лѣсу Гумбольдтъ и Бонпланъ нашли множество полезныхъ и интересныхъ растеній: пальму съ стволомъ, покрытымъ растительнымъ воскомъ

(*Ceroxylon andicola*), древообразные кавалерьники (страстный цвѣтъ, *passiflore*), и прекрасную великоцвѣтную мутизію. Въ благопріятное время года переходъ черезъ ущелье продолжается десять или двѣнадцать дней; для предосторожности нужно съ собой брать съѣстные припасы на цѣлый мѣсяцъ, потому-что на дорогѣ нѣтъ никакого жилья, и тающій снѣгъ, внезапно раздувая потоки, препятствуетъ часто продолжать путь. Высочайшій пунктъ ущелья находится на 11,500 футовъ вышины надъ поверхностью океана: узкая стезя его похожа на пробитую въ стѣнѣ открытую галлерею. Переходъ черезъ Квиндіу продолжался тринадцать дней; послѣдніе три или четыре дня путешественники спускались уже по западному отклону Кордильеры; они терпѣли отъ безпрестаннаго проливного дождя, ночевали подъ открытымъ небомъ или въ шалашахъ, наскоро складываемыхъ изъ бамбуковыхъ стволовъ и покрываемыхъ отъ дождя листьями банановъ (*Vijao*), которыми нарочно для этого запасаются на дорогу; двѣнадцать воловъ несли инструменты и коллекціи; башмаки путешественниковъ были изорваны иглами, выходящими изъ корней бамбуковъ, и, не желая пользоваться носильщиками, обыкновеннымъ способомъ путешествія въ этихъ горахъ, босыми ногами продолжали свою дорогу. Достаточные люди въ Андахъ Квиндіу и въ Антіоквіи не иначе путешествуютъ, какъ въ креслахъ, привязанныхъ за спиной носильщиковъ; ѣздить *на спинѣ людей* (*andar en carguero*) тамъ также обыкновенно, какъ въ другихъ мѣстахъ ѣздить верхомъ на лошади. Носильщики, или *каргуеросы*, бо́льшею частію метисы или даже бѣлые люди, при своемъ трудномъ ремеслѣ, требующемъ особенной силы мышцъ, не оставляютъ своихъ притязаній на титулы, и тотъ изъ нихъ, у котораго кожа бѣлѣе, требуетъ отъ своихъ товарищей, чтобы они его не иначе называли, какъ *Don* или *Su Merced*. И въ мексиканскихъ рудахъ начальники часто имѣютъ на жалованьи одного или двухъ индѣйцевъ, называемыхъ его *лошадьми* (*cavallitos*), которые носятъ его на своей спинѣ отъ одной части руды до другой.

Путешественники наши, утомленные затруднительнымъ переходомъ черезъ Квиндіу, достигли наконецъ до долины Кауки, отдохнули въ городахъ Картаго и Бугѣ (*Buga*), и прошли по провинціи Чоко, богатой платиной, которую находятъ въ разбитыхъ валунахъ базальта, зеленаго камня и окаменѣлаго дерева. Гумбольдтъ, путешествуя впослѣдствіи въ Уральскихъ горахъ, могъ сравнивать наши металлическія богатства съ видѣнными имъ рудами и розсыпями южной Америки. Черезъ Калото, мимо золотопромывальнаго завода Квиличао, поднялись путешественники по прекрасной долинѣ Ріо Каука до

города Попаяна, находящагося у подошвы двухъ покрытыхъ снѣгомъ волкановъ Пурасе и Сотара, на высотѣ 6000 футовъ надъ моремъ, въ превосходномъ климатѣ, менѣе жаркомъ, нежели климатъ Картаго и Ибагуе, и болѣе тепломъ, нежели климатъ Санта-Фе де-Боготы и Квито. Путешественники осмотрѣли волканъ Пурасе (въ ноябрѣ 1801 г.); дорога къ нему идетъ равниной, хорошо обработанной индѣйцами и оканчивающейся глубокими оврагами; на краю пропастей построены дома деревни Пурасе: прекрасная зелень ея садовъ производитъ пріятное впечатлѣніе въ противоположность съ черною и безплодною стѣною изорванныхъ землетрясеніями горъ, окружающихъ снѣгомъ покрытый волканъ. Деревня извѣстна каскадами рѣки Пусамбіо, называемой испанцами Ріо Винагре и имѣющей кислую воду; она выходитъ изъ горячаго источника и впадаетъ въ рѣку Кауку, которая, принявъ въ себя Ріо Винагре и смѣшавшись съ его кислыми водами, на цѣлыя двѣ мили не имѣетъ рыбы.

Черезъ крутыя Кордильеры Алмагуеры, минуя зараженную и чумную долину Пастіи, путешественники дошли до города Пасто, находящагося у подошвы волкана, потомъ по нагорной плоскости провинціи Лосъ-Пастоса, знаменитой своей пшеницей и какао и отдѣленной отъ Тихаго океана Кордильерами волкановъ Чилеса и Кумбаля, достигли города Ибары, прошли черезъ экваторъ, вступили наконецъ въ южное полушаріе и 6 января 1802 года вошли въ городъ Квито. Только особенное покровительство и дѣятельныя пособія правительствъ Боготы и Квито позволили нашимъ путешественникамъ двигаться по дурнымъ дорогамъ Андовъ, съ своими многочисленными инструментами и коллекціями, и исполнить всѣ свои ученыя предпріятія.

Городъ Квито былъ уже ознаменованъ учеными трудами Лакондамина и Бугера (*Buguer*) и извѣстенъ любовью своихъ жителей къ искусствамъ и къ наукамъ. Находясь подъ экваторомъ, но въ высокой долинѣ, онъ пользуется вѣчной весной. Въ продолженіи четырехъ зимнихъ мѣсяцовъ, декабря, января, февраля и марта, въ Квито идетъ обыкновенно дождь отъ двухъ до пяти часовъ пополудни; вечеръ же и утро тамъ — совсѣмъ ясныя. Зеленые холмы, окружающіе городъ, и снѣжныя вершины, подымающіяся надъ этими холмами, производятъ очаровательную картину. — Гумбольдтъ и Бонпланъ провели девять мѣсяцовъ въ городѣ Квито. Здѣсь имъ открылось обширное поле для ботаническихъ и особенно для геологическихъ изысканій; громадные волканы, Антизана, Котопахи, Тунгурагуа и Пичинча, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ и обставившіе съ

обѣихъ сторонъ долину Квито, были предметомъ особенныхъ изученій Гумбольдта; къ нимъ какъ и къ вершинѣ Чимборассо стремились его мысли. Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ достигнуть до краевъ жерла волкана Пичинчи, находящагося въ 5600 туазовъ разстоянія отъ Квито, нашимъ путешественникамъ наконецъ удалось два раза подыматься на него и дѣлать тамъ различные опыты и наблюденія, анализировать воздухъ, упругость его, влажность и электричество. При первомъ восхожденіи на волканъ, Гумбольдтъ едва не лишился жизни, попавъ на разсѣлину, покрытую легкимъ пластомъ снѣга. Лакондаминъ тоже былъ у жерла этого волкана, но безъ инструментовъ и только нѣсколько минутъ; въ его время это огромное жерло, разверзтое въ порфирномъ базальтѣ, было наполнено снѣгомъ; наши путешественники нашли его зажженнымъ, и это очень безпокоило жителей Квито. Другой ближній волканъ — Котопахи, еще болѣе опасенъ городу Квито своими изверженіями; огромная масса огариновъ и камней, выброшенныхъ этимъ волканомъ, и разбросанная по окрестнымъ долинамъ, будучи собранной, составила бы колоссальную гору. Котопахи возвышается на 5754 метра (2952 туаза), слѣдственно восемью стами метрами превосходитъ высоту Везувія, поставленнаго на Тенерифскій пикъ. Разъ (1738 г.) изъ волкана поднялось пламя надъ краемъ жерла на 900 метровъ высоты; въ другой разъ (1744 г.) громъ его былъ слышенъ на 200 лигъ растоянія въ Хондѣ, на берегахъ рѣки Магдалены. «Въ 1768 году изверженная имъ зола помрачила воздухъ всей окрестной страны, такъ-что въ городахъ Гамбато и Такунгѣ ночь длилась до трехъ часовъ пополудни, и жители ходили по улицамъ съ фонарями. Изверженіе, случившееся въ январѣ 1803 года, было предшествуемо страшнымъ явленіемъ — внезапнымъ таяніемъ снѣга, покрывающаго гору. Въ продолженіи двадцати лѣтъ не выходило изъ жерла ни дыму, ни видимыхъ какихъ-либо паровъ; въ одну ночь подземный огонь сдѣлался такъ силенъ, что при восхожденіи солнца внѣшнія стѣны конуса, разгоряченныя, вѣроятно, до весьма высокой температуры, обнажились отъ снѣгу и приняли черный цвѣтъ, отличающій остеклованныя огарины». Въ то время Гумбольдтъ находился въ гаванѣ Гваякиля, въ прямой линіи на разстояніи 52 лигъ. «Мы слышали день и ночь — говоритъ Гумбольдтъ — ревъ волкана, подобный повторяемымъ пушечнымъ выстрѣламъ цѣлой батареи; мы различали еще этотъ страшный шумъ, находясь уже въ Южномъ морѣ, на юго-западѣ отъ острова Пуна». Видъ Котопахи необыкновенно правильный и прекрасный. Правильный конусъ волкана, покрытый огромнымъ пластомъ снѣга, при захожденіи солнца блеститъ ослѣпительнымъ блескомъ и живописно отдѣляется на лазурномъ

небесномъ сводѣ. Сквозь гладкій снѣжный покровъ вершины волкана не видно никакихъ камней; только края жерла представляются обведенными темной каменной стѣной; она изорвана, состоитъ изъ глубокихъ разсѣлинъ, недопускающихъ достигнуть до краевъ жерла. На юго-западной сторонѣ обводной стѣны конуса находится полупогребенная въ снѣгу груда скалъ, называемая *головой Инки*. По народному повѣрью, эти скалы составляли нѣкогда вершину Котопахи, имѣвшую сперва, подобно Чимборассо, видъ купола. При первомъ изверженіи волкана вершина его была взорвана, и обломки ея упали будто бы на этотъ край. Баснословное событіе это индѣйцы въ своихъ разсказахъ приводятъ разнымъ образомъ въ связь то съ завоеваніями перуанцевъ въ Квито, то съ вторженіемъ испанцевъ въ Перу, съ этими двумя эпохами, ознаменовавшими распространеніе имперіи инковъ и паденіе ея. По одному изъ разсказовъ, взрывъ Котопахи случился въ ту минуту, когда Пизарро въ Перу, въ нагорной плоскости Кахамарки, задушилъ инку Атахуальпу.

Во всѣхъ горныхъ прогулкахъ и восхожденіяхъ къ снѣжнымъ вершинамъ долины Квито, какъ въ позднѣйшихъ странствованіяхъ въ Перу и Мексико, нашихъ путешественниковъ сопровождалъ донъ Карлосъ Монтуфаръ, сынъ маркиза Сельвы-Алегра, молодой, образованный, исполненный рвенія къ наукѣ. Ихъ занимала тогда одна наука, и ничто еще не предвѣщало политической грозы. Нѣсколько лѣтъ спустя, во время возстанія испанскихъ колоній, въ 1811 году, молодой спутникъ нашихъ путешественниковъ, принявшій сторону народной партіи, былъ схваченъ врагами и, какъ измѣнникъ, разстрѣлянъ въ Квито.... Эта роскошная почва южной Америки, колеблемая волканами и землетрясеніями, утучняемая безпрестанно кровью народовъ, еще не перестаетъ быть и до сихъ поръ театромъ страшныхъ драмъ..... Мирно проходили ее тогда наши путешественники, собирая богатую жатву для высшаго человѣческаго сознанія. Съ своими инструментами они достигали на волканѣ Антизанѣ до 2200 туазовъ вышины; наконецъ 23 іюня 1802 года они поднялись на Чимборассо, нѣкогда считавшійся высочайшей горой на землѣ. Новѣйшіе путешественники открыли въ самой южной Америкѣ, въ верхнемъ Перу, еще болѣе высокія горы (Сората, Иллимани, Чуквибамба), но которыхъ далеко превосходятъ высотой своей вершины Гималаи. «По узкому ребру, выходящему изъ снѣга, на южномъ отклонѣ Чимборассо, мы, Бонпланъ, Монтуфаръ и я» — говоритъ Гумбольдтъ — «пытались, не безъ опасностей, достигнуть до вершины Чимборассо. Мы донесли наши инструменты до значительной высоты, несмотря на то, что насъ окружалъ густой туманъ и мы стра-

дали отъ слишкомъ большой разрѣженности воздуха. Точка, на которой мы остановились для наблюденія наклоненія магнитной стрѣлки, я полагаю, есть высочайшая, до которой только подымались люди на горахъ: она превосходитъ 1,100 метрами вершину Монблана, на которую посчастливилось достигнуть ученѣйшему и неустрашимѣйшему изъ путешественниковъ, Соссюру, преодолѣвая болѣе значительныя еще трудности, нежели тѣ, которыя мы побороли близъ вершины Чимборассо». Лакондаминъ и Бугеръ поднимались въ іюлѣ 1738 года на гору Коразонъ, и Лакондаминъ хвалился тогда, что никто не видѣлъ ртути въ барометрѣ, такъ низко опустившейся на открытомъ воздухѣ, какъ онъ съ Бугеромъ на вершинѣ Коразона, и что вѣроятно никто еще не подымался на бо́льшую высоту: они находились на 2470 туазовъ надъ морскимъ уровнемъ.... Наши путешественники поднялись на Чимборассо на 3036 туазовъ, на 566 туазовъ выше, нежели Лакондаминъ на Коразонѣ. При восхожденіи на Чимборассо, кровь начинала итти у нашихъ путешественниковъ изъ глазъ, губъ и десенъ, термометръ остановился, ртуть его замерзла, дыханіе становилось все тяжелѣе и тяжелѣе въ разрѣженномъ воздухѣ; несмотря на это, только глубокая пропасть остановила восхожденіе путешественниковъ на самую вершину Чимборассо, поднимавшуюся надъ ними еще только на 224 туаза. Много лѣтъ спустя, 16 декабря 1831 года, Буссенго и Галъ взошли на Чимборассо на 3080 туазовъ, на 50 туазовъ выше Гумбольдта; еще выше этого, выше самого Чимборассо поднимался въ 1804 году Гэ-Люссакъ: въ воздушномъ шарѣ онъ поднялся надъ поверхностью моря на 3579 туазовъ (21,474′).

Во время пребыванія своего въ Квито, Гумбольдтъ получилъ письмо отъ національнаго института Франціи, извѣщавшее его, что капитанъ Боденъ не мимо мыса Горна, а около мыса Доброй Надежды отправился въ новую Голландію. Это извѣстіе разрушило надежды нашихъ путешественниковъ присоединиться къ экспедиціи Боденя, объѣхать Тихій океанъ, увидѣть Филипинскіе острова, увидѣть Азію; эти надежды привели ихъ опять въ южную Америку, отклонили отъ ихъ намѣренія ѣхать изъ Кубы въ Мексику. Самая экспедиція капитана Боденя была остановлена въ серединѣ ея плаванія смертью капитана, случившейся въ Иль-де-Франсѣ въ 1803 году; сверхъ того ученые, участвовавшіе въ ней, не очень были довольны обращеніемъ съ ними капитана Боденя. Гумбольдтъ и Бонпланъ, несмотря на свои обманутыя ожиданія, могли утѣшать себя мыслію, что надежда объѣхать кругомъ свѣта привела ихъ въ новыя малоизвѣстныя страны, на колоссальные хребты Андовъ, къ ихъ волканамъ, на ихъ нагорныя плоскости, усѣянныя развалинами исчезнувшей ци-

вилизаціи Инковъ, позволили увидѣть зачатки новой цивилизаціи, на опасной красотой своей почвѣ южной Америки. Предоставленные собственнымъ своимъ силамъ и средствамъ, наши путешественники, всегда предпріимчивые и бодрые, рѣшились продолжать свое странствованіе въ Андахъ, проникнуть изъ Квито въ Перу, достигнуть верховьевъ рѣки Амазонокъ и потомъ спуститься въ Лиму, чтобы успѣть здѣсь сдѣлать астрономическое наблюденіе предстоявшаго тогда замѣчательнаго прохожденія Меркурія по солнечному лику.

Изъ Квито Гумбольдтъ и Бонпланъ пошли сперва на югъ, по нагорной плоскости, на которой, на пространствѣ тридцати семи лигъ, являются одна за другой, на западѣ, вершины Каситагуи, Пичинчи, Атаказо, Коразона, Илинизы, Каргуайразо, Чимборассо и Кунамбая; на востокѣ, вершины Гуамани, Антизаны, Пассучоа, Руминави, Котопахи, Куелепдана, Тунгурагуа и Капа-Урку, которыя всѣ, за исключеніемъ трехъ или четырехъ, выше Монблана. Видимыя съ центральной нагорной плоскости, эти горы не закрываютъ одна другой, но являются каждая въ своей настоящей формѣ, начертываясь на небесной синевѣ рядомъ иглъ и вершинъ, подобно крутымъ берегамъ подымающимся изъ лона водъ. Между ними лежатъ развалины городовъ Льяктакунды, Гамбато и Ріобамбы, разрушенныхъ страшнымъ землетрясеніемъ 1799 года, погубившимъ до 40,000 человѣкъ. Всѣ возвышенныя долины Квито, идущія отъ экватора до 3° южной широты, примыкаютъ къ огромной группѣ горъ, соединяющей западный и восточный гребень этихъ долинъ. Эта группа горъ называется *Парамо дель Ассуаи;* черезъ нее перешли наши путешественники, продолжая свой путь отъ Ріобамбы до Куенсы и до прекрасныхъ лѣсовъ Лохи, богатыхъ хинхоной. Переходъ черезъ нагорную плоскость Ассуаи особенно страшенъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, когда падаетъ тамъ множество снѣгу и дуютъ холодные южные вѣтры; дорога здѣсь идетъ на высотѣ равной высотѣ Монблана, и нѣтъ года, чтобы на ней не умирали люди отъ стужи или мятели. На этихъ вершинахъ путешественники съ удивленіемъ замѣчали великолѣпные остатки дороги перуанскихъ инковъ, шедшей вѣроятно до самой столицы ихъ Кузко. Въ Лохѣ путешественники изслѣдовали различныя породы хинхонныхъ деревьевъ, доставляющихъ цѣлебную кору противъ лихорадокъ, и опять перешли черезъ горный узелъ, связывающій параллельныя вѣтви Андовъ, потомъ черезъ Аябаку и Гуанкабамбу перешли черезъ высокій хребетъ Андовъ, направляя свой путь къ рѣкѣ Амазонокъ.

Въ продолженіи двухдневнаго пути, путешественники переходили 35 разъ рѣку Гуанкабамбу, или Чамаю, впадающую въ Мараньонъ,

или Амазонскую рѣку. То на плотахъ, то въ бродъ, и всегда съ большими затрудненіями, слѣдуя за теченіемъ рѣки Чамаи, они достигли наконецъ у индѣйской деревни Чамаи до рѣки Амазонокъ; здѣсь Гумбольдтъ опредѣлилъ, помощью астрономическихъ и хронометрическихъ наблюденій, точку соединенія этихъ двухъ рѣкъ. Земли, пройденныя нашими путешественниками между провинціей Хаэна де-Бракомороса, находящейся на восточномъ отклонѣ Андовъ, и Перу, напоминали своею дикостію и безлюдіемъ пустыни Апуре и Ореноко. Однѣ рѣки служатъ здѣсь дорогами; письменныя сношенія между провинціями производятся плавающими индѣйскими гонцами. Эти гонцы прячутъ въ платокъ, обернутый около головы въ видѣ тюрбана, вмѣстѣ съ письмами и ножъ, никогда неоставляющій индѣйца и служащій ему орудіемъ для обороны и для прокладыванія дороги въ лѣсной чащѣ. Плывущій гонецъ, уставая, ухватывается за какой-нибудь легкій древесный стволъ, увлекающій его внизъ по теченію; встрѣчая же стремнины или водопады, онъ берегомъ старается обойти ихъ и опять бросается въ воду, миновавъ опасное мѣсто. Такимъ образомъ цѣлыя индѣйскія орды странствуютъ вплавь по рѣкамъ. — Лакондаминъ изъ Квито, возвращаясь въ Европу, спустился въ Пару по рѣкѣ Амазонокъ; онъ началъ свое плаваніе только отъ Рio Напо и только отъ этой части опредѣлилъ астрономической съемкой положеніе рѣки; вся ея верхняя часть оставалась неизвѣстною. Гумбольдтъ дополнилъ этотъ недостатокъ географической карты французскаго ученаго, проникнулъ вверхъ по рѣкѣ Амазонокъ до водопадовъ Ретамы и составилъ подробную карту неизвѣстныхъ верховьевъ этой большой рѣки, частію по собственнымъ наблюденіямъ, частію по тщательно собраннымъ показаніямъ другихъ лицъ. Бонпланъ въ это время ботанизировалъ въ окрестностяхъ Хаэна и открылъ девять новыхъ породъ хинхоны.

Отъ рѣки Амазонокъ путешественники въ пятый разъ перешли Кордильеры Андовъ, вошли въ Перу и осмотрѣли ея металлическія богатства и памятники ея прежней цивилизаціи. Въ Перу, подъ 7° южной широты, Гумбольдтъ нашелъ магнитный экваторъ, ту линію, на которой магнитная стрѣлка не показываетъ никакого наклоненія. Горные заводы, богатыя серебряныя руды привлекали вниманіе путешественниковъ. Изъ Кахамарки, извѣстной своими горячими минеральными ключами и развалинами дворца послѣдняго инки, Атахуальпо, Гумбольдтъ и Бонпланъ спустились въ Трухилло, близъ котораго находятся остатки огромнаго перуанскаго города Мансиче, бывшаго украшеннымъ пирамидами; въ одной изъ нихъ въ XVIII вѣкѣ было найдено большое количество золота, слишкомъ на четыре

милліона французскихъ ливровъ. Спускаясь по западному отклону Андовъ, путешественники увидѣли въ первый разъ Великій океанъ и ту узкую и длинную долину, въ которой жители не знаютъ ни грома, ни дождя. Изъ Трухилло путешественники достигли до Лимы сухимъ и пустыннымъ берегомъ Южнаго моря. Проходимая ими безводная страна нѣкогда была плодоносна, орошаема каналами; отъ прежней обработки ея остались едва замѣтные, жалкіе слѣды. И на порфирныхъ хребтахъ Андовъ, на высотѣ 1200 и 1300 туазовъ надъ океаномъ, отъ Квито до Кузко, попадаются остатки величественной перуанской дороги, дороги инковъ, которая была снабжена общественными колодцами и постоялыми дворами, и которую безспорно можно сравнить съ прекраснѣйшими дорогами древнихъ римлянъ.

Всѣ эти памятники свидѣтельствуютъ о значительной цивилизаціи перуанскаго народа. Эта цивилизація имѣла чисто теократическій характеръ и могла дать народу весьма одностороннее развитіе. Всѣ перуанскія учрежденія установлены были инками; эти же происходили прямо отъ божества. Солнце, свѣтило и мать человѣковъ, сжалившись надъ безпомощнымъ ихъ состояніемъ, послало къ нимъ двухъ дѣтей своихъ — Манко Копака и Маму Ёлло Гуако, собрать перуанскихъ туземцевъ въ общины и научить ихъ искусствамъ и общественной жизни. Манко Копакъ и Мама Ёлло Гуако, братъ и сестра, вмѣстѣ мужъ и жена, пришли отъ озера Титикака въ долину Кузко; Манко научилъ жителей земледѣлію, Мама выучила прясть и ткать. Первый инка (Манко, король, господинъ) назывался великій (Копакъ); онъ него передавалась верховная власть отъ отца къ сыну, до самого завоеванія Перу испанцами. Чтобы сохранить въ домѣ своемъ чистоту небеснаго происхожденія, царствующіе инки женились на сестрахъ своихъ, и только дѣти отъ этого брака наслѣдовали имъ. Многочисленное потомство ихъ, происходящее отъ множества наложницъ, называлось тоже инками, составляло высшее сословіе въ государствѣ и поддерживало всѣ его учрежденія. Гумбольдтъ, изучавшій по сохранившимся памятникамъ туземныя американскія цивилизаціи Перу и Мексики, такъ характеризуетъ ихъ въ своихъ «Кордильерскихъ видахъ». «Нельзя судить мексиканцевъ и перуанцевъ по правиламъ, почерпнутымъ нами изъ исторіи народовъ, которыхъ намъ безпрестанно напоминаютъ наши изученія. Мексиканцы и перуанцы столько же непохожи на грековъ и римлянъ, сколько они сходствуютъ съ этрусскими и тибетцами. У перуанцевъ теократическое правленіе покровительствовало успѣхамъ промышленности, общественнымъ работамъ, всему тому, что́ означаетъ какъ бы цивилизацію въ массѣ, въ цѣломъ, и между прочимъ останавливаетъ развитіе инди-

видуальныхъ способностей. У грековъ, напротивъ, до временъ Перикла, это развитіе шло такъ свободно и быстро, что за нимъ медленно подвигалась и успѣвала цивилизація массы, цѣлаго. Имперія инковъ была похожа на большое монастырское заведеніе, въ которомъ напередъ было предписано каждому члену общества, что онъ долженъ дѣлать для общаго блага. Изучая на мѣстѣ этихъ перуанцевъ, которые въ продолженіи вѣковъ сохранили свою національную физіономію, научаешься настоящимъ образомъ судить о кодексѣ законовъ Манко-Копака и о дѣйствіяхъ ихъ на нравы и народное благоденствіе. Въ Перу было общее довольство и мало частнаго благополучія, болѣе покорности законамъ, нежели любви къ отечеству, страдательное послушаніе, безъ доблести и побужденія къ смѣлымъ предпріятіямъ, духъ порядка, мелочно опредѣляющій самые незначительные поступки, и никакой обширности въ идеяхъ, никакой возвышенности въ характерахъ. Политическія учрежденія, самыя сложныя, какія только представляетъ намъ исторія человѣческихъ обществъ, заглушили тамъ сѣмена всякаго индивидуальнаго развитія, и основатель имперіи Кузко, думая заставить людей быть счастливыми, обратилъ ихъ въ простыя машины. Перуанская теократія была менѣе притѣснительна, чѣмъ правленіе мексиканскихъ королей, но та и другое придали памятникамъ, богослуженію и миѳологіи обоихъ горныхъ народовъ Америки печальный и мрачный характеръ, прямо противоположный свѣтлому искусству и кроткимъ вымысламъ народовъ древней Греціи».

Въ Лимѣ путешественники наши были пріятно изумлены, найдя въ жителяхъ большую умственную дѣятельность и знакомство съ ходомъ и успѣхами физики, химіи и математики въ Европѣ; все это тѣмъ болѣе было удивительно, что сношенія съ Европой въ это время были весьма медленныя и не частыя. Близъ лимской гавани Каллао Гумбольдту посчастливилось (9 ноября 1802) наблюдать прохожденіе Меркурія чрезъ солнечный ликъ, несмотря на то, что въ эту пору года тамъ обыкновенно господствуютъ густые туманы, иногда нѣсколько дней скрывающіе солнце. Проведя нѣсколько мѣсяцовъ въ Лимѣ, путешественники въ январѣ 1803 года пустились изъ Каллао въ Южное море, на королевско-испанской корветѣ, къ гавани Гваяквиля. Этотъ переѣздъ, благодаря благопріятному морскому теченію и попутнымъ вѣтрамъ, совершается въ три или четыре дня; для возвратнаго пути въ Каллао, противъ морского теченія, необходимо употребить цѣлый мѣсяцъ. Гавань Гваяквиля находится въ устьѣ большой рѣки; разсѣянные кругомъ острова, покрытые пальмами и бананами, придаютъ особенную прелесть ландшафту; воды гавани оживлены

легкими плотами, употребляемыми для перевоза товаровъ и для рыбной ловли. Картину Гваяквильской гавани, съ ея плотами, наполненными роскошными цвѣтами и плодами тропиковъ и управляемыми полунагими людьми, Гумбольдтъ внесъ въ свои «Кордильерскіе виды», чтобы показать и форму этихъ плотовъ, съ незапамятныхъ временъ употребляемыхъ перуанцами у береговъ Южнаго моря, и растительныя формы тропическаго міра. Въ Гваяквилѣ, 6 января, путешественники, услышавъ громъ волкана Котопахи, отдѣленнаго оттуда высокимъ хребтомъ Андовъ, собирались уже опять назадъ въ Квито, чтобы вблизи наблюдать изверженіе волкана, но скорое отправленіе судна въ Мексику заставило отказаться отъ этого предпріятія. Морское путешествіе изъ Гваяквиля въ Акапулко, гавань Новой Испаніи, или Мексики, продолжалось тридцать дней. Гумбольдтъ вспоминалъ объ этомъ плаваніи въ своемъ Космосѣ, говоря о ландшафтной прелести южнаго неба и о зодіакальномъ свѣтѣ, который онъ наблюдалъ въ Южномъ морѣ.

Сначала Гумбольдтъ, пріѣхавъ въ Мексику въ мартѣ 1803 года, располагалъ остаться въ ней только нѣсколько мѣсяцовъ и возвратиться уже въ Европу: инструменты его были испорчены, доставать новыхъ не было средствъ, ученое его путешествіе, казалось, уже приходило къ концу; но гостепріимство мексиканцевъ, опасеніе въ Вера-Крузѣ сдѣлаться жертвой жолчной лихорадки, уносящей всѣхъ тѣхъ, которые между іюлемъ и октябремъ спускаются къ Мексиканскому заливу изъ нагорныхъ странъ Мексики, наконецъ разнообразіе страны, новые, открывшіеся предметы изученій, — все это вмѣстѣ заставило отложить возвращеніе въ Европу до конца зимы, и путешественники наши пробыли въ Мексикѣ цѣлый годъ.

Въ Акапулко, отличной гавани, какъ бы прорванной землетрясеніемъ въ каменной стѣнѣ, имѣющей жгучій климатъ и жалкое народонаселеніе, Гумбольдтъ успѣлъ еще сдѣлать нѣсколько физическихъ и астрономическихъ наблюденій. Отсюда черезъ жгучія долины рѣкъ Папагайо и Мескалы, въ которыхъ термометръ показывалъ въ тѣни 32° Реом., и гдѣ черезъ рѣки перекинуты мосты, сооруженные изъ плодовъ тыквеннаго американскаго дерева (*Crescentia Pinata*), перевязенныхъ канатами изъ агавы (алоэса), путешественники наши постепенно поднимались къ городу Мексико, черезъ нагорныя плоскости Чильпанцинго и Таско, въ страну болѣе кроткаго и прохладнаго климата, въ страну дубовъ, кипарисовъ, сосенъ, древообразныхъ папоротниковъ и европейскихъ плодоносныхъ растеній. Изъ Таско, осмотрѣвъ его серебряные горные заводы, древ-

нѣйшіе въ Мексикѣ и считавшіеся нѣкогда обильнѣйшими, Гумбольдтъ и Бонпланъ поднялись еще выше черезъ Кверпаваку и сквозь туманы Хучилаквы и достигли наконецъ до города Мексико, который можно сравнивать съ прекраснѣйшими городами Европы. Первые дни своего пребыванія въ Мексико путешественники посвятили на осмотръ его замѣчательныхъ зданій и публичныхъ заведеній, на знакомство съ отличнѣйшими людьми этой большой столицы. Отсюда путешественники наши дѣлали разныя прогулки и небольшія путешествія въ окрестныя мѣста, замѣчательныя своими естественными произведеніями и богатствами или памятниками ацтекской, или древне-мексиканской старины; здѣсь Гумбольдтъ, пользуясь богатыми учеными и оффиціяльными источниками и вспомоществуемый пособіями и совѣтами знаменитыхъ своими трудами и знаніемъ мексиканцевъ, написалъ, сперва по-испански, очеркъ Новой Испаніи. Впослѣдствіи, развернувъ и расширивъ это описаніе, Гумбольдтъ издалъ въ 1808 «Политическій опытъ о Новой Испаніи» *(Essai sur la Nouvelle Espagne)*, считающійся классическимъ твореніемъ. Съ тѣхъ поръ политическіе смуты и перевороты измѣнили совершенно мексиканское общество; но физическія условія его богатства, промышленности и торговли, заключенныя въ климатѣ, свойствѣ и фигурѣ почвы, въ металлическихъ ея сокровищахъ, – всѣ эти условія, мастерски и основательно изложенныя въ твореніи Гумбольдта, остались неизмѣнными. Мексиканское правительство торжественно объявило (въ 1824 году), что книга Гумбольдта, вѣрно и полно изображая естественныя средства мексиканской земли, способствовала къ оживленію промышленной дѣятельности народа. Кромѣ этого «Опытъ о Новой Испаніи» вошелъ въ науку; изучающіе Америку или пишущіе о ней необходимо обращаются къ нему; всѣ описанія Мексики изъ него заимствуются, и многія страницы знаменитой географіи Малтебрюна взяты изъ него цѣликомъ, хотя авторъ географіи не упоминаетъ объ этомъ.

Представимъ здѣсь въ бѣгломъ очеркѣ любопытную землю, столь отчетливо описанную Гумбольдтомъ, и гдѣ наши путешественники совершили свои послѣднія странствованія по тропической Америкѣ.— Королевство Новая Испанія, или Мексика, было значительнѣйшимъ изъ всѣхъ испанскихъ владѣній, столько же по выгодному положенію своему у двухъ морей между Европой и Азіей, и по богатству своихъ произведеній, сколько и по цивилизаціи своей, далеко превосходившей цивилизацію всѣхъ другихъ колоній. Первые испанскіе завоеватели, вступивъ въ мексиканскую провинцію Юкатанъ, были удивлены образованностью ея жителей; ея обработанныя поля напо-

мнили имъ Кастилію, и неизвѣстную землю назвали они Новой Испаніей. Мексика занимаетъ узкую земную полосу между Антлантическимъ океаномъ и Тихимъ моремъ и находится на самой посѣщаемой морской дорогѣ новаго и стараго свѣта. Отъ южныхъ предѣловъ Мексики до Колумбіи, между 18° и 5° сѣверной широты, идетъ тотъ, усѣянный волканами, перешеекъ, въ которомъ пытаются теперь провести каналъ для соединенія двухъ морей. Пять пунктовъ изучаютъ на немъ: Тегуантепекъ въ Мексикѣ, Никарагуу и Панаму въ центральной Америкѣ, Дарiенскій заливъ или Купику, и каналъ Распадуры въ Колумбіи. Исполненіе этого великаго предпріятія повлечетъ за собой важныя измѣненія во всемірной торговлѣ, какъ и во всемірной политикѣ. Гумбольдтъ сдѣлалъ — *Relation historique du Voyage aux régions équinoxiales* (томъ IX) и въ *Essai sur la Nouvelle Espagne* (томъ I) подробный разборъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ показаній объ этомъ еще не вполнѣ изслѣдованномъ предметѣ.

Бо́льшая половина Новой Испаніи находится въ умѣренномъ поясѣ, мѣньшая въ жаркомъ; между прочимъ $^3/_5$ пространства, лежащаго въ жаркомъ поясѣ, по возвышенности своей, имѣетъ умѣренный, почти холодный климатъ. Здѣсь не отдѣльныя горныя цѣпи подымаются изъ равнинъ, но вся почва, широкими террасами возвышается на значительную высоту. Въ Европѣ высочайшія равнины подымаются отъ 400 до 800 метровъ надъ моремъ, въ Мексикѣ же обширныя пространства земли идутъ въ непрерывномъ протяженіи на высотѣ 1700 и 2700 метровъ надъ океаномъ, на высотѣ равной высотѣ Сен-Готарда, Мон-Сени и Большого Сан-Бернара. Анды южной Америки состоятъ изъ огромныхъ хребтовъ, раздѣленныхъ глубокими долинами, между которыми сообщенія весьма затруднительны; въ сѣверной Америкѣ, напротивъ, нагорная плоскость идетъ непрерывно отъ 18 до 40° сѣверной широты и имѣетъ внутри столь легкія сообщенія, что можно безъ всякихъ затрудненій пройти 500 лигъ къ сѣверу, отъ города Мексико до Санта-Фе въ Новой Мексикѣ. Не такъ удобны сообщенія по отклонамъ мексиканскихъ горъ, на востокъ и на западъ; отклонъ ихъ къ европейской сторонѣ, къ Вера-Крузу, обрывистый и крутой; къ азіятской сторонѣ, сторонѣ Южнаго моря и Акапулко, онъ идетъ глубокими, изорванными долинами.

Различная высота почвы, подъ тѣмъ же градусомъ широты, производитъ различные климаты и различную растительность. Болѣе глубокія земли Мексики, находящіяся у приморскихъ береговъ, подымающіяся не выше 300 метровъ надъ моремъ, имѣютъ отъ 25° до 26° средней температуры (по стоград. терм.); такимъ образомъ онѣ

8 или 9 градусами жарче Неаполя; ихъ называютъ *Tierras calientas;* на нихъ разводится индиго, сахарный тростникъ, бананы и хлопчатая бумага; тутъ же господствуетъ и жолчная лихорадка, или черная рвота, опасная европейцу, несвыкшемуся еще съ жаркимъ климатомъ. На восточномъ берегу Мексики жаръ умѣряется въ продолженіи нѣкоторой части года холодными вѣтрами, приносимыми изъ Гудзонскаго залива. — На высотѣ же отъ 1200 до 1500 метровъ въ Мексикѣ царствуетъ постоянная весна съ средней температурой отъ 20° до 21°. Здѣсь находятся извѣстные своимъ здоровымъ климатомъ и обиліемъ плодовыхъ деревъ города Халапа, Таско и Чильпанцинго. Земли эти называются *tierras templadas.* — Третья терраса, или третье возвышеніе мексиканской почвы — *tierras frias* — подымается до 2200 метровъ и имѣетъ среднюю температуру 17°, равную римской. Здѣсь успѣваетъ оливковое дерево, маисъ и всѣ европейскіе зерновые хлѣба; на этой высотѣ находится нагорная плоскость города Мексико. Надъ этими землями находится еще четвертый поясъ, возвышающійся до 2500 метровъ надъ моремъ и имѣющій среднюю температуру отъ 11° до 13°, равную температурѣ Франціи и Ломбардіи. Растительность на этихъ тропическихъ плоскостяхъ менѣе сильная, европейскіе плоды поспѣваютъ хуже, нежели въ равнинахъ, расположенныхъ въ сѣверныхъ широтахъ и имѣющихъ мѣньшую среднюю температуру. Причина этому — заключаетъ Гумбольдтъ — находится въ томъ, что климатъ высокихъ нагорныхъ тропическихъ плоскостей, при всей равномѣрности своей, не имѣетъ сильнаго, хотя и краткаго лѣтняго зноя; созрѣваніе же плодовъ зависитъ не столько отъ средней годовой температуры, сколько отъ распредѣленія тепла по различнымъ временамъ года. — Выше 3330 метровъ пшеница болѣе не растетъ въ Мексикѣ, одинъ ячмень достигаетъ на эту высоту; на 4000 метровъ вышины поспѣваетъ еще картофель. Еще выше, до 4600 метровъ, находятся луга, пасутся ламы, быки и овцы; на бо́льшей высотѣ ростутъ одни мхи, и наконецъ на высотѣ 4900 метровъ исчезаетъ всякая растительность.

Городъ Мексико находится почти на одинаковомъ разстояніи отъ Атлантическаго океана и отъ Тихаго моря; по первому можно черезъ пять недѣль пріѣхать въ Испанію, а по второму черезъ шесть недѣль на Филипинскіе острова; но сообщеніе самой столицы съ ближайшими отъ нея берегами Мексиканскаго залива и Южнаго моря не весьма удобное и легкое. Она лежитъ въ овальной долинѣ Мексико, или Теночтитлана, обставленной какъ порфирной стѣной Кордильерами Анагуака; на южной сторонѣ долины, на которой выше подымаются горы, находятся и высокіе волканы Попокатепетлъ и Истасихуатлъ.

Въ долинѣ Мексико находится рядъ озеръ, сбирающихъ въ себя воды окружной горной стѣны и идущихъ уступами, понижаясь, до центральнаго озера Тезкуко, у котораго расположена столица; изъ долины не вытекаетъ ни одной рѣки, исключая ручья Текviсквіака, соединяющагося съ Ріо де-Тула. Городъ ацтековъ лежалъ на островѣ озера и былъ соединенъ съ берегами тремя большими плотинами. Фердинандъ Кортесъ, разрушивъ его, построилъ новую столицу на томъ же мѣстѣ, на которомъ была старая. Истребленіе лѣсовъ, новые каналы уменьшили воду въ озерѣ Тезкуко, отдалили ее отъ береговъ, и теперь Мексико стоитъ не на островѣ, но на озерномъ берегу. Какъ ни понижается вода въ озерѣ, но дно въ немъ подымается постепенно наноснымъ иломъ, и воды долины, выступая изъ своихъ береговъ, грозятъ Мексико опасными наводненіями. Нѣсколько разъ пытались перенести столицу на болѣе высокое мѣсто, неподверженное наводненіямъ; это предпріятіе было останавливаемо огромными издержками, необходимыми для его исполненія. Новыя плотины, отводные каналы, похитившіе много денегъ и трудовъ, истощившіе индѣйское народонаселеніе и раззорившіе его, не успѣли еще предохранить столицу отъ новыхъ наводненій. Почва, на которой стоитъ городъ Мексико, совершенно ровная; улицы его правильныя и широкія; архитектура строеній обличаетъ чистый стиль: между ними много прекрасныхъ зданій. На постройку употреблялись два рода камней, находимыхъ въ самой долинѣ, — скважистый миндальный камень и полевошпатный порфиръ. Кровли домовъ выведены плоскія; чистыя, хорошо освѣщенныя улицы вымощены широкими плитами. Гумбольдтъ причисляетъ Мексико къ прекраснѣйшимъ городамъ на землѣ.

Память Кортеса, его спутниковъ и наслѣдниковъ истребила въ Мексико всѣ другія воспоминанія. Въ городѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ древнихъ памятниковъ немного: кое-какія развалины древне-мексиканскихъ, или ацтекскихъ плотинъ и водопроводовъ, камень для жертвоприношеній, украшенный рельефными изображеніями торжества одного мексиканскаго короля, наконецъ ацтекскія рукописи съ гіероглифическими рисунками. Въ самой долинѣ Мексико находятся остатки двухъ пирамидъ, бывшихъ посвященными солнцу и лунѣ и имѣющихъ теперь одна до 150 футовъ, другая до 140 футовъ вышины; вокругъ ихъ правильными рядами стоятъ другія, мѣньшія пирамиды. Какъ у перуанцевъ Манко Копакъ, а у муискасовъ старецъ Бочика, такъ у ацтековъ Куетцалкоатлъ, доброе божество, пришелъ съ востока, въ бѣлой одеждѣ и съ длинною бородой, устроить порядокъ и богослуженіе. Съ востока же пришли страшные за-

воеватели, истребившіе имперію ацтековъ. — Во время пребыванія Гумбольдта въ Мексикѣ народонаселеніе столицы состояло изъ 137,000 жителей; въ томъ числѣ было только 2,800 европейцевъ, 65,000 креоловъ (европейцевъ, родившихся въ Америкѣ), 33,000 красныхъ туземныхъ индѣйцевъ, 26,800 местицевъ (происходящихъ отъ бѣлыхъ и индѣйцевъ) и 10,000 мулатовъ (происходящихъ отъ бѣлыхъ и негровъ). Народонаселеніе древняго города ацтековъ должно было превосходить тогдашнее народонаселеніе въ три или четыре раза.

При Гумбольдтѣ еще мексиканское правительство имѣло въ виду отважное предпріятіе: провести каналъ съ высотъ, на которыхъ стоитъ Мексико, къ Темпико, гавани Мексиканскаго залива, имѣющей климатъ гораздо здоровье климата Вера-Круза. Трудности подобнаго предпріятія едва ли могли быть преодолѣны, несмотря на то, что тамъ, въ такихъ случаяхъ, не щадили ни жизни, ни достоянія жителей: здѣсь слѣдовало устроить каналъ, по которому подымались бы суда отъ морскихъ береговъ до высоты 2276 метровъ, на которой находится озеро Тезкуко. Кромѣ гаваней Вера-Крузы и Темпико у Мексиканскаго залива находится еще гавань Матаморосъ; черезъ эти гавани, какъ и черезъ гавани Тихаго океана Акапулки и Мозатлана, изливались металлическія богатства Мексики на цѣлый свѣтъ. Эти богатства еще далеко не изсякли. Англо-американцы уже захватили въ свои руки Калифорнію и Сонору; мексиканскія провинціи, богатыя золотоносными песками, вошли въ сердце Мексики и смотрятъ на ея серебряныя руды, какъ на свою неминуемую добычу. Еще въ новѣйшее время вывозилось ежегодно изъ Мексики серебра, въ слиткахъ и монетой, на 24 милліона рублей серебромъ; изъ этого числа въ одну Англію вывозилось на 17 милліоновъ рублей серебр., на полтора милліона въ Китай и гавани Южной Америки, остальные же пять съ половиной милліоновъ рубл. сереб. въ Соединенные Штаты сѣв. Америки, во Францію, Германію, Испанію и другія европейскія земли. Съ возстановленіемъ порядка и благихъ государственныхъ учрежденій эта металлическая производительность можетъ значительно усилиться.

Наши путешественники, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ пребыванія въ Мексико, предприняли разныя поѣздки въ вице-королевство Новой Испаніи. Сперва они отправились осмотрѣть значительные горные заводы Мораны и Реаль-дель-Монте и весь этотъ горный округъ, весьма любопытный въ геогностическомъ отношеніи. По возвращеніи своемъ въ Мексико, они опять предприняли въ іюнѣ 1803 года новое путешествіе въ сѣверную часть вице-королевства; сперва

они обратились къ Хуэхуэтокѣ, гдѣ, съ большими усиліями, издержками и гибелью людей, пробито было отверстіе въ горѣ Синокѣ, для проведенія водъ долины Мексико въ рѣку Пануко. Черезъ города Кверетаро и Саламанку и плодоносную долину Ирапуато прибыли наши путешественники въ Гванахуато, городъ, имѣющій 50 тысячъ жителей, расположенный въ узкой котловидной долинѣ и извѣстный своими богатыми серебряными рудами. Гумбольдтъ и Бонпланъ, проведя здѣсь два мѣсяца въ геологическихъ и ботаническихъ изысканіяхъ, сперва изслѣдовали находящіеся близъ Гванахуато минеральные горячіе источники Чичимикилласа, потомъ черезъ долину Сан-Яго отправились въ Вальядолидъ, главный городъ древняго королевства Мичоакана. Отсюда, несмотря на непрерывные осенніе дожди, они спустились черезъ Пацкуаро къ берегамъ Южнаго моря и наконецъ (19 сентября) въ равнину Хорулло, гдѣ въ 1759 году, ночью 29 сентября, поднялся изъ земли волканъ въ 1500 футовъ вышины, въ три раза превосходящій вышину Монте-Ново, гору, поднявшуюся близъ Неаполя въ 1538 году.

Волканъ Хорулло принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ физическимъ явленіямъ, случившимся на земномъ шарѣ въ историческія времена. Описаніе этого волкана, сдѣланное Гумбольдтомъ, и теорія, которою онъ объяснялъ его появленіе, подали поводъ къ различнымъ ученымъ преніямъ. — Въ равнинѣ, надъ которой возвысился волканъ Хорулло, поднялась вмѣстѣ съ нимъ опустошенная лавами возвышенная плоскость, называемая мальпаисъ и покрытая небольшими конусами отъ шести до десяти футовъ вышиной; самую равнину окружаютъ базальтовыя горы. Съ самого открытія Америки до половины прошлаго вѣка эта равнина не испытала никакого измѣненія, и въ послѣднее время мѣсто теперешняго волкана занимали плантаціи индиго и сахарнаго тростника. Въ іюнѣ 1759 года послышался въ равнинѣ глухой подземный шумъ; вслѣдъ за нимъ въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ повторялся, къ ужасу жителей, страшный ревъ, сопровождаемый частыми землетрясеніями. Съ начала сентября все, казалось, опять затихло, какъ вдругъ въ ночь съ 28 на 29 сентября снова раздался страшный подземный шумъ. Испуганные индѣйцы спаслись бѣгствомъ на окрестныя возвышенія. Изъ равнины поднялось, въ видѣ пузыря, пространство земли, въ четыре квадратныя лиги, называемое *мальпаисъ*. «Еще теперь – говоритъ Гумбольдтъ — по изломаннымъ пластамъ можно распознать предѣлы этого поднятія. Мальпаисъ по краямъ своимъ имѣетъ только 12 метровъ возвышенія надъ прежнимъ уровнемъ равнины, называемой *las playas de Jorullo*. Выпуклость же поднятой почвы постепенно подымается къ центру

до 160 метровъ вышины». Свидѣтели этого необычайнаго событія увѣряли, «что на пространствѣ болѣе нежели половины квадратной лиги выходило изъ земли пламя, что горящіе камни были выбрасываемы на значительную высоту, и что сквозь густое облако золы, освѣщенное волканическимъ огнемъ, размягченная земная кора, казалось, вздувалась подобно волнующемуся морю». Внезапно на поднявшейся почвѣ появилась тысяча небольшихъ кеглей, называемыхъ тамъ *hornitos*, горнилами, или печами; по серединѣ этихъ кеглей, изъ разсѣлины, простиравшейся отъ сѣверо-сѣверо-востока на юго-юго-западъ, поднялось шесть большихъ холмовъ, возвышавшихся отъ четырехъсотъ до пятисотъ метровъ надъ прежнимъ уровнемъ равнины. Возвышеннѣйшій изъ этихъ холмовъ есть волканъ Хорулло. Онъ постоянно горѣлъ; первоначально онъ извергъ къ сѣверной сторонѣ огромное количество базальтическихъ и огаринныхъ лавъ, заключавшихъ въ себѣ обломки первичныхъ камней. Эти большія изверженія центральнаго волкана продолжались до 1760 года; въ слѣдующіе за тѣмъ годы они постепенно становились рѣже. Въ настоящее время изъ волкана выходятъ одни пары, и слышится въ самомъ жерлѣ болѣе или менѣе сильный громъ, происходящій вѣроятно отъ паденія стѣнъ этого жерла. Индѣйцы, оставившіе свои деревни, находившіяся вокругъ равнины Хорулло, понемногу свыклись съ новымъ страшнымъ зрѣлищемъ и нѣсколько мѣсяцовъ послѣ появленія волкана возвратились въ свои хижины; съ окрестныхъ горъ жители могли обозрѣвать пламенныя изверженія, исходящія изъ множества большихъ и малыхъ волканическихъ жерлъ. Въ то время зола отъ волкана покрывала кровли домовъ въ городѣ Кверетаро, отстоящемъ отъ Хорулло слишкомъ на 48 лигъ разстоянія въ прямой линіи. — Гумбольдтъ и Бонпланъ спускались въ жерло горящаго волкана Хорулло на 250 футовъ глубины; они проходили къ нему по ломкимъ лавамъ и черезъ опасныя разсѣлины, изливавшія сѣрные пары, и достигли почти до дна жерла; здѣсь они анализировали воздухъ, пресыщенный углекислотой, и нашли его имѣющимъ 47 градуса тепла, а мѣстами 50° и 60°. Индѣйцы увѣряли ихъ, что жаръ здѣсь былъ сперва еще значительнѣе; это постепенное охлажденіе волкана въ глазахъ индѣйцевъ подтверждаетъ ихъ повѣрье о происхожденіи волкана: они разсказываютъ, что капуцины, пришедшіе въ эту сторону проповѣдовать, были недовольны пріемомъ, полученнымъ ими отъ жителей, прокляли за это равнину и предрекли, что огнь подземный сперва поглотитъ ее, а потомъ воздухъ охладѣетъ и горы покроются вѣчнымъ снѣгомъ. Часть проклятія уже сбылась для суевѣрныхъ индѣйцевъ; въ потухающемъ огнѣ они видятъ уже исполненіе и остальнаго предвѣщанія.

Волканъ Хорулло далъ поводъ Гумбольдту сдѣлать весьма остроумное замѣчаніе, оставившее плодотворные слѣды въ геологіи. Онъ нашелъ, что высочайшія вершины Кордильеровъ Анагуака, подымающіяся надъ линіей вѣчнаго снѣга, Оризабо, два волкана Ла Пуеблы (Попокатепетлъ и Истасихуатлъ), Невада де-Толука, Танситаро и волканъ Колима находятся между 18° 59′ и 19° 12′ сѣверн. шир. и занимаютъ узкую возвышенную полосу, идущую по направленію отъ востока на западъ. Они не подымаются такимъ образомъ по направленію главнаго хребта Кордильеры, простирающагося отъ юго-востока на сѣверо-западъ, но перпендикулярно пересѣкаютъ его. Это заставляетъ предполагать внутри земной коры длинную разсѣлину, идущую отъ востока на западъ на 137 лигъ, отъ Мексиканскаго залива до Южнаго моря. На этой разсѣлинѣ поднялся рядъ мексиканскихъ волкановъ, въ различныя времена пробивавшихъ порфирную кору Анагуака; по направленію этой линіи волканическій огонь поднялъ и Хорулло. Остроумныя соображенія, сдѣланныя Гумбольдтомъ при разсматриваніи строенія этихъ горъ и волкановъ, внесли въ науку новыя данныя, изъ которыхъ впослѣдствіи Эли-де-Бомонъ соорудилъ свою теорію поднятія горныхъ кряжей. Описаніе же появленія волкана Хорулло, какимъ образомъ онъ поднялся на почвѣ раздувшейся на подобіе пузыря, точно такъ, какъ разсказывали Страбонъ и Павзаній о Меѳонскомъ холмѣ, появившемся на Трезенскомъ полуостровѣ, — это описаніе ввело Гумбольдта въ ученый споръ съ Д'Обюиссономъ и потомъ съ Карломъ Лейелемъ. То, что̀ Гумбольдтъ считалъ поднявшейся почвой, Лейель приписывалъ скопленію лавъ, излившихся изъ многихъ отверстій. Новѣйшій путешественникъ Шлейденъ оспариваетъ также предположеніе Гумбольдта о поднятіи почвы Хорулло упругими газами и видитъ въ немъ мощное скопленіе изъ одного отверстія излившейся лавы; но онъ, кажется, разсматриваетъ мальпаисъ въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, нежели принимали это мѣсто Гумбольдтъ и Лейель. Только новыя, точныя измѣренія мальпаиса могутъ рѣшить теперь этотъ спорный пунктъ.

Послѣ своей экспедиціи къ Хорулло путешественники наши опять возвратились въ Мексико, черезъ интендантство Вальядолидъ, одну изъ пріятнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ странъ Америки. Въ Мексико они провели еще нѣсколько мѣсяцовъ, приводя въ порядокъ свои богатыя ботаническія и геогностическія коллекціи и расчисляя свои тригонометрическія и барометрическія измѣренія. Здѣсь Гумбольдтъ опредѣлилъ, помощью инструментовъ, занятыхъ имъ въ мексиканской горной школѣ, астрономическое положеніе города Мексико, прежде ошибочно показываемое на два градуса. Въ Мексико

же Гумбольдтъ окончилъ свой геогностическій атласъ; онъ сдѣлалъ очеркъ его по-испански, для мексиканской горной школы.

Въ январѣ 1804 года путешественники оставили столицу Новой Испаніи. Они направили свой путь къ восточнымъ отклонамъ Кордильеровъ Мексико, осмотрѣли ихъ и измѣрили оба волкана Пуеблы, Попокатепетлъ и Истасихуатлъ. О недоступномъ жерлѣ Попокатепетла разсказываетъ преданіе, будто въ него спустился по веревкамъ Діего Ордасъ, чтобы достать изъ глубины жерла сѣру, находимую между прочимъ въ самой равнинѣ. Этотъ же волканъ Гумбольдтъ нашелъ выше пика Оризавы, считавшагося высочайшей вершиной Анагуака. Гумбольдтъ измѣрилъ и замѣчательную пирамиду Чолулы, таинственное зданіе древныхъ толтековъ, предшествовавшихъ ацтекамъ въ Анагуакѣ и имѣвшихъ, судя по всѣмъ оставшимся памятникамъ и преданіямъ, весьма высокую образованность. Пирамида Чолулы выстроена изъ нежженыхъ кирпичей, сушеныхъ вѣроятно на солнцѣ; съ высоты ея великолѣпный видъ на окрестныя, снѣжныя вершины и на цвѣтущія равнины Тласкалы. Черезъ Пероте путешественники достигли до города Халапы, находящагося на высотѣ 674 туазовъ надъ моремъ и имѣющаго кроткій и пріятный климатъ. Гумбольдтъ троекратно измѣрилъ и снялъ барометрически дикую дорогу черезъ Пероте, проходившую дремучими лѣсами сосенъ и дубовъ; его работы служили потомъ основаніемъ для проложенія тамъ новой искуственной дороги. Путешественники измѣрили тригонометрически пикъ Оризавы и поднимались на гору страннаго вида, находящуюся близъ Пероте и называемую Кофре де-Пероте; она 162 туазами выше Тенерифскаго пика; видъ съ нея обширный: съ одной стороны на равнины Пуеблы и восточный отклонъ Кордильеровъ Мексики, покрытый густымъ лѣсомъ, съ другой стороны – на гавань Вера Круза и на ея крѣпость Сан-Хуанъ-Уллоа, долго считавшуюся неприступной и взятую въ послѣднихъ годахъ французами и принцемъ Жуанвильскимъ, а недавно и англо-американцами.

Послѣ занимательнаго пребыванія на восточныхъ уступахъ Кордильеровъ, Гумбольдтъ и Бонпланъ наконецъ спустились къ гавани Вера-Круза, средоточію европейской и западно-индѣйской торговли, въ безплодную и безводную равнину ея, окруженную песчаными холмами. Отсюда, счастливо минуя жолчную лихорадку, наши путешественники отправились въ Гавану, гдѣ въ 1800 году они оставили часть своихъ ученыхъ собраній. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Гаванѣ они поплыли въ Соединенные Штаты сѣверной Америкѣ. Въ Багамскомъ проливѣ, буря, продолжавшаяся семь дней, грозила погибелью ихъ кораблю; послѣ 34 дневнаго плаванія они прибыли

наконецъ въ Филадельфію. Здѣсь и въ Вашингтонѣ, проведя два мѣсяца, Гумбольдтъ и Бонпланъ могли изучать государственныя учрежденія, торговыя сношенія, общественный бытъ англо-американцевъ, предметы, столь различные отъ тѣхъ, которые они изучали въ своихъ далекихъ странствованіяхъ, и представлявшіе своею противоположностью тѣмъ бо̀льшую привлекательность. Здѣсь, на новой почвѣ, идеи естествоиспытателя получили болѣе обширный объемъ, оплодотворились новымъ содержаніемъ, и Гумбольдтъ, обозрѣвая исторію народовъ, заселившихъ Америку, вникая въ ихъ будущую судьбу, пришелъ къ заключенію, вѣрность котораго подтверждается современными событіями. «Хотя успѣхи — говоритъ онъ — которые дѣлаетъ сильный сѣверо-американскій союзъ, подвигаясь съ востока на западъ, значительно замедляются на правомъ берегу Миссисипи, однакожь онъ все-таки будетъ подвигаться, не останавливаясь, къ *внутреннымъ провинціямъ* Мексики: здѣсь онъ найдетъ европейскій народъ другого племени, другихъ нравовъ, другой религіи. Слабое народонаселеніе этихъ провинцій, принадлежащее особенной только-что раждающейся федераціи, будетъ ли въ состояніи окрѣпнуть и сопротивляться внѣшнему вторженію, или его обниметъ потокъ, стремящійся съ востока, и сольетъ съ англо-американскимъ государствомъ, какъ слились съ нимъ жители Нижней Лузіаны? Весьма близкая будущность рѣшитъ эту проблему....»

Эта проблема разрѣшается теперь передъ нашими глазами. Быстро распространились испанскіе завоеватели по тропической и южной Америкѣ; ихъ увлекалъ рыцарскій духъ, религіозный фанатизмъ, жажда золота, славы и блаженства въ вѣчной жизни; кровавымъ путемъ прошли они по Америкѣ, усѣявъ его развалинами, истребленной ими прежней цивилизаціи, и далеко распространивъ знаменіе креста и духъ европейской предпріимчивости. Не такъ подвигались съ сѣверо-востока англо-американцы; въ суровый климатъ, на дѣвственную почву пришли они изъ старой Европы утвердить свои алтари, свой домашній кровъ, свою общественную жизнь; медленно, настойчиво, съ топоромъ, плугомъ и ружьемъ въ рукахъ подвигались они въ нетронутые лѣса Америки, очищали ихъ, воздѣлывали почву, вытѣсняли изъ нихъ независимыя индѣйскія племена, постепенно укрѣпляли, распространяли свой союзъ и перешли наконецъ черезъ горы Аллегани, а потомъ и за Миссисипи. Когда въ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ было еще три милліона жителей, въ Мексикѣ ихъ было пять милліоновъ. Теперь въ Мексикѣ семь милліоновъ жителей; въ Соединенныхъ же Штатахъ 24 милліона; въ Мексикѣ только $^1/_8$ часть народонаселенія испанской породы, осталь-

ныя же части состоятъ изъ смѣшаннаго народонаселенія мулатовъ и месцитовъ и индѣйцевъ, такъ-что там на одного бѣлаго приходится восемь цвѣтныхъ людей; въ Соединенныхъ же Штатахъ восемь бѣлыхъ приходится на одного цвѣтного. Въ Соединенные Штаты ежегодно переселяется изъ Европы до 200,000 человѣкъ; колонизація Мексики остановилась.... Со всѣхъ сторонъ ее тѣснитъ теперь ея мощный сосѣдъ; только онъ можетъ вывести ее изъ ея безконечныхъ и безплодныхъ переворотовъ, избавить отъ ненадежной и плохой администраціи, отъ набѣговъ дикихъ индѣйцевъ, отъ всѣхъ золъ, приведшихъ на край гибели молодую мексиканскую федерацію. Техасъ уже отдѣлился отъ нея; верхняя и нижняя Калифорнія и Новая Мексика, быть можетъ и провинція Сонора, останутся въ рукахъ англо-американцевъ; врагъ находится уже въ стѣнахъ ея столицы; но гордые, хотя и обнищавшіе потомки героевъ Кастиліи не хотятъ смириться передъ побѣдоноснымъ врагомъ, медлятъ заключать съ нимъ миръ.... Такова современная исторія народовъ сѣверной Америки, которыхъ различныя судьбы, со всею проницательностью своего ума, разсматривалъ Гумбольдтъ въ своемъ всеобъемлющемъ путешествіи по Америкѣ.

Послѣ пятилѣтняго отсутствія, Гумбольдтъ и Бонпланъ возвратились въ Европу въ августѣ мѣсяцѣ 1804 года. Они вышли на берегъ во Франціи, въ Бордо.

НКП РСФСР
Инвент. №
Библіотека Ивана Егоровича Забѣлина